STALKER
Ежи Тумановский
Андрей Амельянович
[Легенды Зоны]
ЗАПАСНОЙ ПУТЬ

Annotation

Старые железнодорожные пути в Зоне отчуждения свободны от аномалий и пригодны для путешествий. Научный бронированный поезд едет в Зону на небольшую обзорную экскурсию для чиновников и журналистов. После нападения бандитов бронепоезд с чиновниками и учеными вынужден постепенно отъезжать в глубь Зоны. И спасти его может только тот, кто перед лицом смертельной опасности не станет искать легких обходных путей.

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25

- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44

Запасный путь

1

Начало торжеств было назначено на десять утра, поэтому уже в половине девятого съемочная группа «Тринадцатого канала» погрузилась в старенький открытый грузовик и отправилась в сторону крохотного полустанка недалеко от границы той самой Зоны. Места рядом с водителем было мало, и оператор Константин Зуйков без особых затей устроился в кузове на бесформенной груде темно-зеленого брезента.

Бывший шеф-редактор, а ныне, ввиду склочности характера, обычный репортер, Марина Летова забрала кофр с камерой в кабину, а молодой человек, не обремененный больше никакой ответственностью, тут же устроился немного подремать. Поезд накануне изрядно задержался, и только ночью маленькая съемочная группа высадилась на перрон станции назначения, вследствие чего даже забронированные номера в местной гостинице не помогли нормально отдохнуть после дороги.

Подремать, правда, не удалось. Единственная хорошая дорога в городе быстро кончилась, и грузовик затрясло так, что «спящему», даже в лежачем положении, пришлось хвататься за борта. Вслед грузовику поднимались клубы пыли, и оставалось только радоваться, что машина едет достаточно быстро. Но радость оказалась преждевременной: вскоре далеко позади показался черный джип, идущий явно на более высокой скорости, а за ним поднимались уже не просто клубы, а самые настоящие облака из пыли.

— Только не это, — с тяжелым вздохом сказал Костя и полез в карман, где благодаря совету опытного товарища лежала легкая фильтрующая маска.

Джип обогнал грузовичок и практически мгновенно исчез из виду за сплошной стеной клубящейся пыли. Сквозь фильтрующую маску дышалось сносно. В кабине закашлялась и выругалась Марина. Было слышно, как заскрипела ручка, которой она поднимала боковое стекло. Костя ухмыльнулся и подтянул под себя большой кусок брезента, чтобы сделать некое подобие гнезда и больше не болтаться по всему кузову.

Репортаж предстоял интереснейший. Ничего подобного за всю карьеру оператора у Кости еще не было. Правда, двадцать три года не тот возраст, когда можно лениво перебирать этапы прожитой жизни. Но вряд ли в обозримом будущем могло появиться что-то даже близко похожее на обзорную экскурсию по территории, где творились такие чудеса, перед которыми пасовала современная наука. Где на десятки километров нельзя было найти живого человека, зато в избытке обитало множество опасных мутантов. Где опасность подстерегала на каждом шагу. Да не одна, а с целым выводком самых разных угроз. И все это — абсолютно безопасно. Насколько вообще можно говорить о безопасности в этой жизни.

— Вот тварь, — донеслось из кабины. — Пролетел на своем тарантасе как по пустыне. Костя, ты как там, не задохнулся?

— Все нормально! — крикнул Костя, как раз успевший устроиться с максимальным комфортом.

О Зоне Костя, разумеется, слышал не раз. И даже снимал пару репортажей о работе сотрудников института, исследующего аномальные явления на ее территории. Но чтобы вот так, самому стать участником настоящего приключения, о таком он недавно и помыслить не мог. Нет, работа в новостном канале не приводила к протиранию штанов в офисном кресле, но, по сравнению с предстоящим репортажем, могла считаться не более интересной, чем охрана колхозного поля от ворон.

Директору «Тринадцатого канала» стоило больших усилий и подключения всех личных связей на самом «верху», чтобы его репортажной группе разрешили не только освещать событие, которое сперва вообще не хотели предавать огласке, но и отправиться в короткое путешествие по территории Зоны. То есть там, где обычно передвигались только специально обученные солдаты да бандиты из числа тех, кто, невзирая на запреты и опасность для жизни, лез в эти странные места в целях личного обогащения.

— Это будет бомба, — с воодушевлением вещал директор, вызвав Костю и Марину тремя днями ранее к себе в кабинет. — Рейтинги взлетят, и тогда наша компания...

Директор любил предаваться вслух мечтам о том, какие успехи вот-вот обрушатся на его канал. Успехи обрушиваться не спешили, но директор представлял собой тот тип клинического оптимиста,

который, даже обитая в собачьей будке, говорит только о скором въезде в собственный особняк.

— Виталий, не томи, — оборвала увлекшегося директора Марина. — Чего там у тебя? И учти, командировочные заплатишь полностью. И надбавку к зарплате не забудь, если опять что-то рисковое.

— Да какой там риск, Марина? — взвился со своего места директор. — Прокатиться на поезде пару километров туда и обратно по бесхозной территории. Хотя, если ты боишься, могу и Вику послать...

— Виталий, — без тени чинопочитания оборвала его Марина. — Хватит тянуть кота за причиндалы.

Несмотря на вздорный характер, Марина считалась лучшим репортером не только в «тринадцатом». Поговаривали, что не раз звали ее на куда более успешные каналы. Но, вопреки расхожему представлению о тотальной продажности журналистов, Марина предварительно читала договор и должностную инструкцию, после чего отказывалась, даже не открывая страницы приложений с указанием зарплат и премий.

— Ишь, гордая, — шипели завистливые голоса в спину, — семьи-то нету, вот и выкобенивается. А сидело бы семеро по лавкам, так брала, что дают.

Завистникам было обидно, что все лучшее в этой жизни предлагается тем, кому оно не очень-то и нужно. Но Марина плевать хотела на завистников. О чем она неоднократно ставила в известность как трудовой коллектив, так и начальство. Начальство все понимало, ценило и мирилось со множеством недостатков своей сотрудницы. Коллектив за спиной шипел и шептался, но прямота и жесткость острой на язык репортерши, не раз помогали убедить руководство в необходимости поумерить жадность и дать шанс проявиться капельке щедрости по отношению ко всем сотрудникам. Поэтому даже самые закоренелые шептуны ничего, на самом деле, против Марины не имели.

Так что, директор мог делать сколько угодно ритуальных выпадов: даже последнему уборщику на канале было ясно, что на ударный репортаж никого, кроме Марины, отправить в принципе не могут. Убедившись, что угроза, как обычно, ушла впустую, директор тяжело вздохнул и принялся излагать.

Задача, которую он ставил перед съемочной группой, поразила не только молодого Константина. Марина тоже выглядела заинтригованной, хотя к своим тридцати трем уже, казалось, совсем потеряла умение удивляться.

— Рельсы там уже восстановлены, — с воодушевлением вещал директор. — Специальный поезд с хорошей охраной углубится совсем немного на запретные территории, ученые выполнят показательные замеры, и на этом миссия будет завершена. Только между нами: в проекте заинтересовано Министерство энергетики.

— И что, вот прямо больше никого кроме нас с Костей там не будет? — с недоверием спросила Марина, бесцеремонно закуривая тонкую сигарету.

— Вот именно! — поднял палец директор. — Если бы не однокашник в министерстве, вообще бы никого не пустили. Не хочет министр раньше времени привлекать внимание к проекту. Вдруг сорвется чего? Поэтому и мы материал запустим в эфир, только если все успешно пройдет. Но я просто уверен, что все будет отлично!

— Виталий, ты меня пугаешь, — в голосе Марины испуга впрочем не было. — Если даже краешком задней мысли допускаешь, что все может пройти не вполне успешно, — тройные премиальные с тебя.

— Марина, не наглей!

Косте принимать участие в таком разговоре не полагалось по возрасту. Поэтому он сидел тихо, не без удовольствия наблюдая, как Марина плющит директора, выбивая для себя и Кости командировочные и премиальные. Ходили слухи, что между директором и Мариной когда-то что-то было, но Костя в эти сплетни не очень-то и верил. Марину он слегка побаивался. И очень уважал за умение отстоять свою позицию до конца.

Болтаясь в кузове грузовичка, Костя пытался представить, на что мог походить поезд, подготовленный для путешествия по самому опасному региону планеты. Директор говорил о современном бронированном вагоне со всеми удобствами, но воображение почему-то рисовало самый настоящий бронепоезд, какими их показывали в фильмах про гражданскую войну.

2

Железнодорожный разъезд, восстановленный по случаю запуска нового проекта исследования Зоны, встретил деловой суетой. На въезде у них проверили документы, и строгий худой майор в полевой форме, сверившись с базой данных в своем ноутбуке, показал, куда можно поставить машину.

На большой асфальтовой площадке стояло уже немало всевозможных транспортных средств от мотоцикла и скромной «шестерки» до милицейского «уазика» и БТР. Особняком тянулись два ряда немецких и японских машин представительского класса. Костя легко спрыгнул на землю, забрал у Марины кофр с камерой и осмотрелся. Совсем недалеко стоял давешний черный джип, обогнавший их на дороге. Даже в плотном строю иномарок он смотрелся круто и немного помпезно. На железнодорожных путях хаотично перемещалось десятка три людей. А дальше, возвышаясь над рельсами зелеными, в темно-желтых пятнах, бортами, стоял поезд, на котором, по всей видимости, им и предстояло сегодня совершить экскурсионный вояж в Зону.

Бронепоезд.

На мгновение оператор замер, изучая красочную картинку. Увешанный модульной защитой тепловоз, несколько бронированных вагонов, платформы и оружейные стволы, хищно торчащие во все стороны. Красивый и опасный монстр невозмутимо ждал, пока люди перестанут заниматься всякой ерундой и включат камеру. Тепловоз тонко свистнул, из небольшого окошка высунул голову машинист.

— Отсюда съемку и начнем, — решительно сказала Марина. — Текст на ходу соберу, готовь камеру.

— Нам еще полковника Кудыкина искать, — напомнил Костя.

— Никуда не денется наш полковник, — усмехнулась Марина. — Директор по секрету сказал, что, несмотря на связи, еще и прилично бабла военным подогнал.

Мимо крохотным строем под руководством капитана прошло четверо солдат в бронежилетах, разгрузках и с автоматами. На перроне откуда-то появилась целая группа людей в деловых костюмах. Судя по

тому, что рядом почтительно вышагивал толстый офицер в полевой форме и парадной фуражке, на торжественное мероприятие прибыло большое начальство.

— Возьми костюмированное шоу отдельным планом, — с нехорошей усмешкой сказала Марина, провожая взглядом процессию. — А потом весь этот импортный автопарк. Пусть будет видно, сколько «шишек» понаехало. А то ведь и не поверит никто, что событие настолько важное.

Костя быстро настроил камеру, взял ее на плечо, прикинул план, немного повертелся, определяясь с освещением. Марина тем временем привела себя в порядок и даже успела подвести губы помадой. В кадре она смотрелась отлично. Впрочем, как всегда.

— Мало кому известный железнодорожный разъезд в десяти километрах от границы, так называемой, Зоны, — легко и уверенно начала Марина, после знака со стороны Кости. — Здесь в обстановке полной секретности, в течение года готовился необычный эксперимент, который может положить начало новой эпохи для нашей страны в сфере энергетики.

Костя почти не вслушивался в то, о чем говорит опытный репортер, Марина. Его задача заключалась в обеспечении качественной картинки, а остальное было на совести напарницы. Тем более, что Марина не «лажала» практически никогда, даже если импровизировала на ходу. Поэтому, привычно удерживая репортера в кадре, Костя позволил себе получше рассмотреть толпящееся на заднем плане начальство.

Несмотря на раннюю осень, яркое солнце еще давало достаточно тепла, чтобы не приходилось постоянно носить куртки и плащи. Поэтому люди, бродившие по перрону, чувствовали себя достаточно комфортно. Среди черных и темно-синих пиджаков резко выделялся коренастый, кажущийся почти квадратным из-за широких плеч, человек в светло-сером костюме, за которым неотвязно следовали два крепких коротко стриженных парня. Судя по всему, какой-то большой босс и два его телохранителя. Рядом едва не приплясывал светлоголовый коротыш в модном, словно лоснящемся из-за блескучей ткани, темном пиджаке. Его Костя узнал сразу — местный губернатор любил прессу и старался «засветиться» перед телекамерой при любом

удобном случае. Позади него на высоких каблуках осторожно семенила девушка в строгой юбке и жакете и с папкой в руках.

— Сегодня мы впервые попадем за периметр, ограждающий Зону отчуждения, и увидим места, которые люди оставили много лет назад.

Марина наговорила достаточно уже на несколько вступлений, но продолжала изобретать все новые эпитеты. Это значило, что на этапе монтажа сюжета опять будет вредничать и вырезать из репортажа большие куски только потому, что какие-то слова ей покажутся подобранными недостаточно правильно.

Тепловоз снова тонко свистнул, раздался характерный звук трогающихся вагонов. На несколько секунд нарядный пятнистый состав пришел в движение. Марина лишь на миг обернулась, коротко махнула рукой и принялась рассказывать о главном транспортном средстве предстоящей, пусть и краткосрочной, но экспедиции. Получалось у нее это настолько естественно и хорошо, что сцену нельзя было лучше поставить и с помощью режиссера.

Коренастый мужчина в сером сказал что-то одному из телохранителей, и тот торопливо пошел в сторону стоянки с машинами.

— Большой, видать, барин, — ядовито сказала Марина, — раз телохранителей целых два, и оба с пистолетами.

Только теперь Костя обратил внимание, что под расстегнутым пиджаком телохранителя виднеется плечевая кобура.

— Ты закончила? — спросил он, отрываясь от видоискателя камеры.

— А ты чем слушаешь? — удивилась Марина. — Я тебе еще полминуты назад сказала «стоп».

— Давай подойдем поближе, — предложил Костя. — Хочу состав с другого ракурса отснять.

Ответить Марина не успела. Со стороны здания вокзала к ним почти бегом направлялся тучный майор, еще шагов за тридцать принявшийся орать на всю станцию:

— Кто такие?! Кто разрешил снимать?! Немедленно уберите камеру!

Начальство на платформе обернулось и проводило взглядами орущего майора.

— Молчи, — предупредила Костю Марина. — Сама разберусь.

— Как вы сюда попали?! — брызгая слюной, рявкнул майор, надвигаясь на съемочную группу, словно цунами. — Немедленно сдайте пленку!

Но если он думал, что, появившись, произведет сенсацию, то его ожидало жестокое разочарование.

— Ты чего орешь, прапорщик? — холодно спросила Марина, делая шаг навстречу. — Полковника Кудыкина хочешь подставить? Или ты не в курсе, под чьим крылом мы ходим? Надоело прапорщиком ходить, в младшие прапорщики захотел? Не бойся, пленку сдадим. Хоть целый мешок.

Для таких случаев они действительно возили с собой пакет со старыми кассетами. Так же, как и запасные флешки для камеры, — иногда попадались не такие дремучие начальники, прекрасно знавшие, как и на что записывает видео современная аппаратура.

Цунами налетело на бетонный мол и рассыпалось бессильными брызгами. Когда Марина хотела кого-то осадить, ей обычно хватало одних хамских интонаций голоса.

— Какой я вам прапорщик? — обиженно сказал майор. — Вы сами виноваты: почему снимаете кино, не зарегистрировавшись в штабе?

— Ну не обижайся, красавчик, — выпятив губы, словно разговаривала со школьником, миролюбиво сказала Марина. — Мы просто не успели дойти до вашего штаба. Видим — стоит прекрасный поезд, а рядом — столько важных людей. Вот и решили запечатлеть для истории.

— Полковник Кудыкин, значит, вас ожидает? — совсем мирно, хотя все еще немного обиженным голосом, спросил майор. — Давайте, я провожу.

— Вот настоящий кавалер, — восхищенно сказала Марина. — Ваша галантность, господин майор, полностью искупает вашу непростительную грубость. Пойдем, Костя.

Начальство на перроне потеряло интерес к происходящему. Телохранитель «серого пиджака» открыл дверь черного джипа и вытащил оттуда коричневый портфель.

— Так вот, кто нас обогнал по дороге, — сказала Марина. — А что, господин будущий подполковник, не знаете: что за хмырь в сером костюме приехал сюда проветрить своих лакеев?

— Большой человек из Министерства энергетики! — понизив голос почти до конспиративного шепота, значительно сказал майор. — Не замминистра, конечно, но вот какой-нибудь замзама — наверняка!

— Ишь, какая птица, — хищно сказала Марина. — Замзам! Ну ничего, пообщаемся еще. Где твой Кудыкин? Веди. Нам еще работать и работать.

Полковник Кудыкин был страшно занят. Коротко взглянув на Марину и даже не удостоив взглядом Костю, выслушал сбивчивый доклад майора и тут же препоручил съемочную группу его заботам.

— Я вас только сразу предупреждаю, господа журналисты, — сказал он строго. — Не борзейте. Куда не надо — не лезьте. Дадут вам уголок на обзорной площадке — сидите там тихо, как мыши. И без вас забот навалом. Не хватало мне только жалобы про назойливых репортеров выслушивать. По всем вопросам до отправления экспедиции обращайтесь к майору. Потом напрямую подчиняетесь руководителю экспедиции. Майор, а ты головой отвечаешь за их поведение. Понял? Исполняй.

— Простите, а кто руководитель экспедиции? Как нам его найти? — спросила Марина.

— Я руководитель, — сухо сказал Кудыкин. — Поэтому будьте добры — идите, погуляйте по перрону. Не бойтесь, без вас не уедем. Там скоро показательный брифинг будет... Слово-то какое поганое — брифинг. Сходите, хоть получите представление, что да зачем. Для больших начальников будут все доступно объяснять, как для имбецилов. Вот и вам там самое место.

Когда было нужно, Марина умела и помолчать. Коротко откланявшись, она первой вышла из штаба и сразу направилась в сторону перрона. Позади, едва поспевая, быстро шагали Костя с камерой на плече и майор.

— Если что-то нужно — можно получить на временном вещевом складе экспедиции, — бубнил на ходу майор, пытаясь догнать Марину и заглянуть ей в лицо. — Ботинки, там, с высоким берцем, полевую форму или сухой паек на двое суток. Только скажите — организуем в лучшем виде.

— А зачем нам ботинки и сухой паек, если мы едем всего на несколько часов? — удивился Костя.

— Да незачем, конечно, — немного подумав, сказал майор, — но ежели вдруг понадобится — не стесняйтесь, все сделаем в лучшем виде.

— Наталья Петровна! — раздался с перрона недовольный мужской голос. — Я тебе уже говорил сегодня, что ты непроходимая дура?! Тебе не секретаршей работать надо, а на панель идти! Где хочешь ищи теперь копир и делай две копии. Или будешь все от руки печатными буквами переписывать!

Рыдающая девушка буквально бросилась бежать по перрону в сторону здания вокзала. Стройные ножки на высоких каблуках, казалось, вот-вот подломятся и позорно завершат карьеру секретарши сокрушительным падением.

— Вот тварь, — выразительно сказала Марина, глядя в сторону коренастого мужчины в сером костюме, который, сделав разнос секретарше, принялся орать на телохранителя. — Как такого козла занесло из золотых сортиров в нашу обычную серую жизнь?

Крики скоро прекратились, но движение костюмов на перроне стало хаотичным: судя по всему большой начальник оказался недоволен организацией мероприятия. Рядом с большим навесом, устроенным по соседству со зданием вокзала, вдруг заиграл духовой оркестр. Туда со всех сторон потянулись люди. Движение костюмов на перроне тоже стало более упорядоченным.

— Брифинг начинается, — обрадовался майор. — Давайте, проходите, вот туда, там все готово. И стулья есть, и пожевать, и попить.

— Погодите! — взмолился Костя. — Дайте хоть пару кадров состава сделаю. И здание вокзала.

— Снимай, — сказала Марина. — Я пойду места занимать.

3

Когда Костя, отсняв все, что хотел, подошел к навесу, брифинг уже начался. Марина заняла места в третьем ряду, с самого края. Свободных стульев не осталось, а проходы заполнились желающими послушать даже стоя. Возле большой белой доски обосновался докладчик — интеллигентного вида мужчина, лет шестидесяти. Был он одет в простой тонкий свитер и старенькие, застиранные до белизны джинсы. Лицо его украшала маленькая аккуратная белая бородка и короткие усы. Коротко стриженная седая голова дополняла образ классического киношного ученого.

— Сильно опоздал? — тихо спросил Костя у Марины, осторожно садясь на стул и опуская камеру на колени.

— Да нет, по делу — только начал, — так же тихо ответила Марина. — А ты чего расселся? Снимать кто будет?

— Нельзя потише? — тут же зашикали на них сзади.

Костя послушно взял камеру на плечо, встал сбоку от Марины и направил объектив на мужчину у доски.

— За много лет наблюдений за процессами, происходящими в Зоне, — говорил тем временем докладчик, — а также согласно сведений, полученных от военных и, скажем так... мммм,.. хорошо осведомленных людей...

— От сталкеров? — внезапно громко «помогла» докладчику Марина.

Люди вокруг начали оборачиваться, чтобы посмотреть на возмутительницу спокойствия.

— От сталкеров, — чуть смущенно согласился докладчик. — Хотя упоминание об этом и считается дурным тоном в докладах о научных исследованиях. Но слов из песни не выбросишь. Итак, исходя из имеющихся данных, мы предположили, что отсутствие физических аномалий непосредственно на железнодорожных путях далеко не случайно. Оно полностью согласуется с одной из теорий, по которой аномалии неразрывно связаны с неоднородностями в геологическом разрезе...

— А можно попроще? — снова подала голос Марина.

— Можно, — улыбнулся докладчик. — Под железнодорожными путями образуются области повышенной плотности грунта. На границе уплотнения наблюдается избыток аномалий. Над областью уплотнения аномалий практически нет. Как их нет и там, где основные породы залегают неглубоко от поверхности земли.

— То есть, железнодорожные пути безопасны для перемещения? — снова громко уточнила Марина.

— Совершенно верно, — сказал докладчик. — Там, где физически пути не разрушены, а железнодорожная насыпь не размыта дождевыми и грунтовыми водами, аномалий практически не бывает. И опытные сталкеры часто пользуются этими дорогами, если уверены, что смогут найти с них безопасный выход. Как я уже говорил, по краям путей плотность расположения аномалий довольно высока.

По рядам прокатился легкий шум. Докладчик довольно улыбнулся, отпил воды из стакана и продолжил:

— Поскольку железнодорожных путей в Зоне отчуждения немало, мы имеем практически готовую инфраструктуру для тотального изучения феномена всей Зоны. Более того: благодаря тому, что это почти всегда, за редким исключением, полностью исправная железная дорога, мы можем проникнуть в большинство мест Зоны с полным багажом оборудования. Прошло время, когда физически крепкий аспирант нес на себе по опаснейшим местам два-три простейших прибора. В железнодорожный вагон помещается целая научная лаборатория, с питанием от мощного генератора тепловоза. А внутри этой лаборатории может находиться настоящий научный отдел!

После короткой паузы ряды буквально взорвались аплодисментами.

— Ну ладно, мы это в первый раз слышим, — буркнула Марина. — А остальные, ведь явно в курсе. Они же тут годами работают. Но хлопают, как будто услышали откровение.

— Торжественный момент все-таки, — примирительно сказал Костя. — Да и официально объявлено впервые. К тому же, начальство, наверное, не в курсе дел.

— Начальство как раз в курсе, — возразила Марина. — Иначе бы тут не сидело.

Шум аплодисментов стих, докладчик откашлялся и снова заговорил:

— Я не буду рассказывать о том, как появилась сама идея поезда специального назначения. И сколько времени и сил было потрачено на его создание. Но поверьте: без наших, по-настоящему талантливых и самоотверженных ученых, это было бы попросту невозможно!

— А скажите, — поднялась с места Марина, — это правда, что изначально замысел родился из слухов, будто бы на территории Зоны отчуждения иногда можно встретить призрак старого поезда, так и не сумевшего прибыть к станции назначения? Мы, готовясь к командировке, немало прочли об этом на здешних форумах.

— Простите великодушно, — хмурясь сказал докладчик, — но не могли бы вы все свои вопросы оставить на потом? Что касается поднятой вами темы... Нет и еще раз нет! Не существует никакого «призрака поезда», все это лишь досужие выдумки неграмотных жителей призонья! Я продолжу, если вы не возражаете?

Марина сделала извиняющийся жест и опустилась на свое место. Докладчик поблагодарил ее кивком и с внезапным подъемом, точно выступая на митинге, заговорил торжественно и пафосно:

— Сегодня мы совершим самый настоящий рейд по территории Зоны отчуждения. Но в отличие от упоминавшихся сегодня сталкеров, сделаем это в интересах науки, соберем массу полезных сведений и, ничем не рискуя, сегодня же вернемся обратно. Время таинственной и предельно опасной Зоны отчуждения безвозвратно ушло. Настала пора для самой загадочной территории планеты стать источником бесконечных знаний для человеческой цивилизации!

Бурные аплодисменты заглушили последние слова докладчика.

— По делу мизер, — недовольно сказала Марина, — зато лозунгов-то сколько!

Обеспокоенный майор пытался издалека привлечь внимание Марины и всячески демонстрировал свое недовольство.

— Ладно-ладно, — так тихо сказала репортерша, что ее услышал только Костя, и примирительно помахала майору рукой. — Не буду больше беспокоить официоз вопросами. Я лучше потом, на поезде, каждого начальничка лично достану.

— А сейчас я предоставлю слово нашему почетному гостю! — перекрикивая шум, возвысил голос докладчик. — Это Роман Андреевич Рывко, представитель Министерства энергетики.

Из первого ряда поднялся коренастый мужчина в сером костюме, медленно подошел к докладчику, повернулся и поднял руку.

— Надо запомнить кличку спесивого зверька, — сказала Марина. — Хотя «Замзам» ему больше подходит. Что-то я этого засранца раньше по ящику не видала.

— Уважаемые господа, — хорошо поставленным, сильным голосом, сказал чиновник. — Разрешите поприветствовать вас от имени нашего министерства и передать привет от министра. Он внимательно следит за вашей работой и высоко ценит ваш вклад в дело развития науки нашей страны.

— Еще бы денег давал! — задорно крикнул парень, сидевший через пару мест слева от Кости. А когда Марина с улыбкой посмотрела на него, весело подмигнул ей в ответ.

Под навесом раздались хорошо слышимые, несмотря на отсутствие акустики, смешки.

— Многие из вас, — не обращая внимания на выкрик, продолжал чиновник, — вероятно, задаются вопросом: а какой интерес имеет Министерство энергетики в этом, абсолютно высоконаучном проекте? Ответ прост: наши гениальные ученые предложили сразу несколько проектов по извлечению энергии из аномальных образований. По предварительным подсчетам, энергии здесь можно добыть столько, что наша страна навсегда откажется от сжигания угля и мазута, а может быть даже, и от развития атомной энергетики. Зона отчуждения способна обеспечить энергией половину земного шара на протяжении тысячи лет.

— Или всего земного шара на протяжении пятисот! — выкрикнул тот же задорный парень, подбадриваемый одобрительной улыбкой Марины.

— Я тоже приму участие в сегодняшней экспедиции, — торопливо скомкал свое выступление чиновник и, уже возвращаясь на место, едва слышно добавил: — До встречи после нашего возвращения.

— А начальничек того — празднует труса, — злорадно сказала Марина. — Костя, снял этого придурка?

— Марин, ну чего ты заводишься? — мягко попенял ей Костя. — Работа такая у человека. И наверняка непростая работа.

— Да уж. Не оскотиниться на такой работе трудно, — согласилась Марина и, наклонившись так, чтобы задорный крикун ее услышал, сказала:

— Молодец. Давай еще, подбрось угля. А то совсем расслабились руководители.

— А нельзя потише? — спросил сидевший сзади мужчина в легкой серой ветровке и с большим блокнотом в руке. — Ведете себя, как... как желтая пресса.

— А ты откуда такой смирный? — моментально «на-ехала» на него Марина. — Районная газета «Покорный селянин»?

— Я продолжу, если вы позволите, — подал тем временем голос первый докладчик.

— А что так мало выступал представитель министерства? — громко спросил поддержанный Мариной парень.

По рядам прокатился шум, люди снова поворачивались, чтобы посмотреть на бестактного крикуна. В этот момент рядом материализовался давешний майор.

— Срочное дело, — быстро сказал он Марине, делая приглашающий жест за пределы навеса. — Не терпит отлагательств! И вы — тоже пойдемте.

4

Костя позволил себя увлечь вслед за недовольной Мариной. В нескольких десятках шагов от навеса, когда голос докладчика перестал отчетливо различаться и превратился в невнятный бубнеж, майор повернулся и просительно сказал:

— Вас же предупреждали, чтобы вы не лезли, куда не надо. Ну зачем устраивать эти дешевые провокации?

— Так вы за этим нас позвали? — нахмурилась Марина и повернулась, готовая идти обратно.

— Приказ начальника экспедиции, — аргументировал майор.

— Или что? Откажется нас покатать по чудесной Зоне?

— По-всякому может сложиться, — туманно ответил майор.

Костя умоляюще посмотрел на Марину. Экспрессивная напарница запросто могла сорвать один из самых интересных репортажей. Кроме того, это поставило бы под удар все задание. Со всеми неприятными вытекающими последствиями. Марина верно истолковала этот взгляд и остановилась в нерешительности.

— Давайте, я покажу вам подвижной состав экспедиции, — засуетился майор. — Только не возвращайтесь туда, пожалуйста. От греха подальше.

— Ведите, — коротко сказала недовольная Марина. — Нам как раз надо крупные планы поснимать и побольше всего узнать об этом чудо-поезде.

— Экспедиция, — тут же принялся вещать майор, — будет иметь в своем распоряжении тепловоз, четыре вагона, один из которых оборудован обзорной площадкой, и две грузовые платформы. Вагоны и тепловоз — бронированные. Платформы — разумеется, нет. Как их забронируешь — они же открытые.

Майор сам же хихикнул, но его никто не поддержал, и смех новоиспеченного гида быстро увял.

— Открывает состав легкая буферная тележка. У нее особая конструкция замка крепления, поэтому, если вдруг что случится — она легко отцепится от основного состава. Ее задача предотвратить внезапный сход с рельс прочих вагонов. На ней закреплена дрезина.

Если что, сбросить дрезину можно прямо из кабины машиниста. Во как!

Майор махнул рукой, как бы демонстрируя, что ничего интересного тут нет, и двинулся дальше. Марина зашагала следом, а Костя задержался, снимая крупные планы.

— Далее, грузовая платформа. На грузовой платформе запас рельс и шпал. Сегодня они вам не пригодятся. Но по штату всегда иметь с собой — положено. Эта платформа идет вслед за буферной и страхует следующие вагоны. Несмотря на то, что дороги считаются исправными, это, конечно, не совсем так. Во многих местах рельсы опасно повреждены, а шпалы сгорели, сгнили или даже рассыпались в труху. Поэтому, прежде чем по всей Зоне можно будет безопасно кататься «с ветерком», нам предстоит огромная работа по восстановлению путей. Видите? На платформе есть лебедка и кран с телескопической стрелой. Таким образом, экспедиция может быстро чинить дорогу. А вот эти черные трубки — это передние камеры видеонаблюдения. Всепогодные. И даже ночью действуют. Специально для этого — отсюда не видно — установлены инфракрасные прожектора. Мониторы находятся в лабораторном и штабном вагонах, а также в кабине машинистов тепловоза. Им больше не надо высовываться наружу или смотреть в окно — всё как на ладони, видно по специальному телевизору. А чего вы не записываете? Если нечем — так сказали бы. У меня вот есть карандаш и блокнот.

Костя включил камеру и начал снимать.

— Это грузовая платформа, — неожиданно появилась в кадре Марина. — Сегодня она нам не понадобится. Но запас рельс и шпал на ней позволит совершить небывалый рывок в изучении Зоны отчуждения.

Дождавшись, пока она закончит, довольный майор поспешил дальше.

— Спасибо, — сказал Костя Марине. — Было бы обидно не съездить в такую поездку.

— Да я и сама хочу покататься, — усмехнулась Марина. — Так что, «спасибо» можешь оставить себе. Еще пригодится.

— Эта орудийная башня, — принялся издалека кричать майор, не дождавшись, пока Костя с Мариной подойдут поближе, — в первую очередь нужна совсем не для того, о чем вы подумали!

— Да что тут думать, — с интересом разглядывая бронеколпак с артиллерийским стволом, торчащим в небо, и обшитый какими-то модулями коридор, ведущий к следующему вагону, сказала Марина. — Бронепоезд без пушки — все равно, что мундир без пуговиц. Должна быть пушка по штату и все тут! Вы можете нам открыться — мы никому не скажем, что она деревянная.

— По-моему, это уже не смешно, — строго сказал майор. — Но мысль ваша мне понятна. И она абсолютно не соответствует действительности!

— Значит, все-таки в Зоне есть опасности, против которых нужны артиллерийские системы? — отвлекаясь от камеры, спросил Костя.

— Ваши опасения не имеют оснований, — с превосходством улыбнулся майор. — Да, это орудие может стрелять осколочно-фугасными унитарными снарядами. Но!

Он торжественно поднял палец:

— Главное назначение — это стрельба специальными снарядами. Научными!

— Вы нас просто интригуете, — повела бровью Марина.

— Наши ученые, — с гордостью поведал майор, — разработали особые снаряды, которые не взрываются, а разведывают обстановку!

Видя, что его не поняли, майор тяжело вздохнул и попробовал объяснить подробнее:

— В канал ствола помещается стальной цилиндр, внутри которого находятся малые приборы для регистрации всяких, нужных ученым, параметров. Следом помещается небольшой заряд, позволяющий бросить снаряд на дистанцию до километра. В месте своего падения цилиндр раскрывается и передает полученные сведения по радиоканалу в лабораторный вагон. Видите, какая антенна на крыше лаборатории? Пойдемте, самое время поговорить о нашей гордости. А бронеколпак все равно на камеру снимать нельзя — не снимайте, молодой человек!

— Конечно, — успокаивающе буркнул Костя, заканчивая только что отснятый видеоряд крупным планом артиллерийского ствола.

— Рядом с бронеколпаком, — продолжал майор, — на той же платформе расположена бытовка для рембригады. Это не совсем полноценный вагон, поскольку ремонтников у нас не так уж и много,

но внутри все сделано с комфортом, как и везде, а снаружи она, разумеется, так же бронирована.

— Ну вот и гвоздь программы. Этот бронированный сейф на колесах, — сказал майор, останавливаясь у покрытого металлом вагона, — на самом деле мощнейшая научно-исследовательская лаборатория.

— А пулеметы ей зачем? — с иронией спросила Марина. — Или эти стволы, что торчат со всех сторон, — не пулеметы?

— Пулеметы, — подтвердил майор. — Но без этого никак. Хотя на дороге довольно безопасно, а вокруг насыпей полно непроходимых аномалий, в Зоне лишний запас перестраховки никогда не помешает. Звери там водятся непростые.

— Слышали-слышали, — легкомысленно ответила Марина. — Продолжайте.

— Вагон хорошо защищен и экранирован так, что может выдержать даже электромагнитное воздействие от небольшого ядерного взрыва.

— Это непростые животные организуют в Зоне небольшие ядерные взрывы? — с издевкой спросила Марина.

— Простите, — учтиво сказал майор. — Я неверно выразился. Просто у этого вагона есть экран и заземление. Поэтому вся аппаратура хорошо работает, даже когда аномалии рядом. Если вы не в курсе, аномалии — это источник чрезвычайно мощных электромагнитных волн. А волны эти — поражающий фактор! Именно поэтому в Зоне обычное оборудование часто выходит из строя. Видите, сколько осей у вагонной тележки? Восемь! Специально заказывали! Очень уж тяжелый вагон получился из-за экрана.

В этот момент внутри вагона что-то звонко лязгнуло и рядом с пулеметным стволом открылся небольшой бронелюк, по размеру похожий на форточку. За ним мелькнул рукав белого халата, и на покрытый асфальтом перрон, прямо под ноги майору, упал дымящийся окурок. После чего лючок с лязгом захлопнулся.

— Товарищ доцент! — заорал возмущенный майор в сторону вагона. — Я вам сколько раз говорил, чтобы вы не курили в подвижном составе?! Сейчас же напишу на вас рапорт полковнику Кудыкину!

Вагон презрительно молчал, возвышаясь над майором бронированной крепостью.

— Совсем обнаглели, — сердито сказал майор и затоптал окурок. — Извините. Внутренние, так сказать, разборки.

— Ничего. Было даже интересно, — с легкой иронией ответила Марина.

— Только рассказывать об этом по телевизору не надо! — внезапно обеспокоился майор.

— Ни в коем случае, — успокоила его Марина. — Продолжаем экскурсию?

Следующим на очереди оказался штабной вагон, в котором размещалось руководство экспедицией. Часть этого вагона была отведена под спальные места научного состава и лаборантов. Здесь из бронированных стен в заклепках тоже торчали пулеметные стволы, а под крышей виднелись десятки металлических трубок. Поверх крыши виднелись элементы ограждения обзорной площадки.

— Здесь имеется также пульт управления системами жизнеобеспечения поезда, — в голосе майора слышалось желание побыстрее закончить и перейти к следующему вагону, — обзорная площадка и... в общем, ничего интересного.

— Снимать-то можно? — спросил Костя. — Или здесь тоже секретность?

— Снимайте, — майор махнул рукой и жестом пригласил Марину идти вперед.

Костя быстро отснял нужные кадры и догнал напарницу.

— Вагон-склад, — сказал майор с гордостью. Судя по голосу, это был его любимый вагон. — Ни одна экспедиция ничего не стоит без правильно подобранных припасов.

— То есть, по-вашему, стоимость экспедиции определяется стоимостью припасов, которые она с собой везет? — улыбаясь спросила Марина. — Какой-то пиратский подход.

— Вот вы все шутите, — обиделся майор, — а между тем даже не пытаетесь задуматься, сколько такому количеству людей даже на один день требуется еды и воды! А запчасти? А расходные материалы? А патроны?

— А почему на вагоне сверху снова ограждение и еще один пулемет на трубе? — перевела разговор на другую тему Марина.

— А это вторая обзорная платформа, — быстро меняя гнев на милость, сказал майор. — Видите, она находится выше всех других вагонов и позволяет вести круглосуточное наблюдение на триста шестьдесят градусов вокруг!

— Точно на триста шестьдесят? — не удержалась Марина. — Может быть на триста пятьдесят восемь?

— Никак нет, — майор решил не замечать подколки. — На триста шестьдесят. Пулемет не на трубе, а на станке. Позволяет вести круговой контролирующий огонь. Также на площадке имеются скамейки и приборы наблюдения. Подняться на эту обзорную площадку можно из складского вагона. А на ту — соответственно, из штабного.

Под навесом снова хлопали и даже по-театральному кричали «браво!».

— Снимай, Костя. Я готова излагать. — Марина по-хозяйски похлопала бронированный борт.

Красочно пересказав на камеру важную роль складского вагона, Марина заслужила полное прощение от майора за все свои издевательства.

— А этот вагон предназначен для отдыха личного состава взвода охраны, — воодушевленно вещал майор, продолжая двигаться вдоль состава. — Тут, конечно, такого экранирования, как у лаборатории, нет, но брони на нем не меньше — поверьте. Сегодня он станет транспортом для гостей. Это значит, что на нем будете путешествовать и вы, и наши уважаемые гости. Охрана тоже будет, не волнуйтесь.

— Какие гости? — удивился Костя, оторвавшись от камеры. — Разве кто-то еще кроме нас поедет?

Рядом хмурилась Марина. Она тоже думала, что, кроме научного персонала экспедиции, в спецсоставе больше никого не будет.

— Конечно, — важно сказал майор. — Губернатор пожелал сопровождать столичного гостя лично. Два человека с ним. Да и у господина Рывко с собой два помощника и помощница. А еще местная энергогенерирующая компания прислала заместителя директора. С двумя специалистами. Всего человек десять, не меньше.

— Нежданная радость, — скривившись сказала Марина, извлекая из кармана пачку сигарет и закуривая. — Ну ничего, хоть поснимаем, как себя начальство ведет без сладких булок и пуховых перин.

— Снимать начальство без особого разрешения не надо, — твердо сказал майор. — У охраны будет инструкция изъять у вас камеру, если станете злоупотреблять.

— Что там у нас дальше по списку? — не стала вступать в прения Марина.

— Тепловоз. Переделан для исследовательских задач из маневрового. Обшит броней, как и вагоны, имеет бойницы для стрельбы и курсовой пулемет в задней части. Он и будет толкать весь этот состав. Тепловоз, разумеется, а не пулемет.

— А почему не тащить? — полюбопытствовала Марина, вежливо улыбаясь неказистой майоровой шутке. — Почему именно толкать?

— Если вдруг случится что-нибудь с путями, — пояснил майор, — тепловоз останется на рельсах. И можно будет что-то предпринять. А если сойдет с рельс тепловоз — уже ничего предпринять не удастся. Но вы не волнуйтесь. Там, где сегодня пойдет состав, все проверено не на один раз. Это уже почти обжитая территория. Там даже планируют поставить точку постоянного наблюдения. Доедете до разрушенной станции, посмотрите на аномалии, полюбуетесь видами, да и вернетесь обратно. Как раз к торжественному ужину. Мои ребята такие шашлыки пожарят — пальцы оближите!

— А между вагонами во время движения переходить можно? — спросил Костя.

— Конечно, — заметно удивился майор. — Вон же переходы, видите? Тоже бронированные. Кроме того, сверху по вагонам также проложены специальные дорожки с перилами. Видите сверху гибкие мостики между вагонами? Но это на самый крайний-прекрайний случай.

— А зачем столько брони? — спросила Марина. — Обычный металлический борт от мутантов не защищает?

— Девушка, но что вы в самом деле? — широко улыбнулся хорошо отрепетированной улыбкой майор. Было заметно, что на этот вопрос он отвечал уже не один десяток раз. — В Зоне звери далеко не единственная угроза. Хотя любой опытный сталкер вам скажет, что есть там чудовища, способные пробить в обычном вагоне дыру меньше, чем за минуту.

— А что тогда? Аномалии? — решил блеснуть познаниями Костя.

— Да. Аномалии. Вы же слышали на брифинге — вдоль путей плотность аномалий очень высока. Поезду может достаться и огнем, и холодом, и радиацией. Есть даже такие аномалии, которые с силой выбрасывают из себя камни.

— Да и помимо мирных сталкеров, — тут же вставила Марина, — попадаются настоящие злодеи. И сколько их ваши доблестные военсталы не ловят — они все не переводятся.

— Военным сталкерам есть чем заниматься, кроме ловли бандитов, — немного насупился майор. — Эти ваши намеки — совершенно неуместны. В столице милиция тоже не может всех преступников переловить — и что?

— Да вы не обижайтесь, — обезоруживающе улыбнулась Марина. — Я просто хотела сказать, что броня также пригодится, если на поезд нападут бандиты.

— Скажем так: если обстреляют из хулиганских побуждений, — с превосходством усмехнулся майор. — Нападение невозможно. В Зоне те, кто не дружат с головой — быстро прощаются с жизнью. Наш бронепоезд не пробьет даже гранатомет. А потом охрана положит любого нападающего из тяжелых пулеметов. Можете не сомневаться.

Костя с Мариной незадолго до этой поездки делали репортаж об учениях пехотных подразделений, где солдаты показательно расстреливали из современных гранатометов тяжелые танки-мишени. Поэтому особого доверия слова майора про гранатомет не вызвали. Видимо, майор заметил это по их лицам.

— Ну подумайте сами: кому придет в голову тащить на себе в зону современный гранатомет, чтобы потом обстрелять научный поезд, из которого все равно очень трудно что-то унести и на спасение которого тут же отправят всех военных сталкеров и спецназ?

— Слушайте, раз вы все равно утащили нас с брифинга и скоро уже выезжать, может, мы просто заберемся в наш вагон и поснимаем изнутри? — предложила Марина.

— Не возражаю, — после короткой паузы сказал майор. — Но тогда я вас внесу в список тех, кто уже разместился в подвижном составе. И наружу уж не вылезайте до самого отправления.

— Пойдет, — быстро сказала Марина, подталкивая Костю к вагону для гостей.

— Не забудьте выключить сотовые телефоны, — сказал майор. — Это вам скажут перед выездом еще, но я так, наперед предупреждаю.

5

Внутри вагон для «личного состава» выглядел скорее комфортабельным номером отеля, чем просто уголком отдыха. Четыре открытых спальных отсека, делавшие вагон похожим на обычный плацкарт, два длинных обеденных стола от стены до стены со скамьями, прикрученными к полу, шкафы, две телевизионные панели, кухонный уголок с чайником и микроволновкой — все говорило том, что персонал поезда мог вести автономную и вполне комфортабельную жизнь.

Узкие окна с толстыми бронестеклами имели, тем не менее, рычаги управления бронезаслонками. Под стенами попарно с каждой стороны висели откидные кресла с небольшими сетчатыми спинками, а над ними торчали казенные части крупнокалиберных пулеметов. По словам майора, при необходимости можно было открыть дополнительные бойницы для автоматчиков. А установленный на крыше огнемет управлялся оператором через телеметрическую систему.

По указанию майора, Марина и Костя заняли крайний отсек-плацкарт и уселись на нижних полках друг напротив друга. Из тамбура зашел солдат, весь в клубах табачного дыма. Его майор тут же «построил» и отправил готовить чай для гостей. За окном духовой оркестр грянул «Прощание славянки».

— Ну, теперь точно скоро поедем, — усмехнулась Марина и, оставив Костю одного, отправилась более тщательно осматривать вагон.

За окном царила кутерьма. Быстро перемещались солдаты и офицеры, без видимой цели слонялись по перрону люди в костюмах, мелькнул и пропал из вида полковник Кудыкин в обществе седобородого докладчика. Внутри вагона, отгороженного от улицы толстыми стеклами, царила собственная, куда менее суетная, атмосфера. После шумного брифинга и говорливого майора, несколько минут относительной тишины воспринимались как самый настоящий отдых. Совершенно неожиданно для себя, Костя ощутил умиротворяющее спокойствие и уют спального вагона. Осталось

только дождаться отправления и попросить проводницу принести свежезаваренный чай в стаканах с металлическими подстаканниками.

Лязгнула входная дверь и в проходе появилась та самая девушка в юбке и жакете, которую чиновник из министерства недавно прилюдно разнес в пух и прах и отправил искать копировальный аппарат. Она больше не плакала, но все еще выглядела испуганной. Из-под светлой челки на Костю смотрели знакомые глаза.

— Наташка! — удивленно-радостно сказал Костя. — Филаретова! Какими судьбами? Если б не глаза — ни за что бы не узнал! Глаза не изменились со школы совсем!

— Ой, Костя, — тоже удивилась и обрадовалась Наташка Филаретова, бывшая одноклассница и чуть было не состоявшаяся тайная любовь. — Вот это встреча. Я здесь по работе, с шефом приехала. Вот, отправил вперед, разведать обстановку. Присяду?

— Конечно! — Костя засуетился, отодвигая в сторону камеру и двигаясь ближе к окну, хотя девушка тут же устроилась напротив, там, где раньше сидела Марина. — Мы тут тоже по работе. Я же на телевидении сейчас работаю. Репортаж готовим для тринадцатого канала.

— Правда? — подняла брови Наташка. — Эх, плохо. Не любит Роман Андреевич телевидение. А журналистов — вообще ненавидит. Сейчас придет и начнет орать. Ну и черт с ним. Рассказывай, как живешь, сколько детей завел?

С Наташкой Костя всегда чувствовал себя очень легко. Вот и сейчас, словно не прошло восемь лет, за которые они ни разу не встречались. Уже через минуту они болтали как закадычные друзья. Вскоре выяснилось, что никто из них в брак до сих пор так и не вступил, детей не завели и вообще решили сперва несколько лет посвятить карьере.

— Думала, нашла, наконец, свою дорожку наверх, — жаловалась Наташка. — Вон куда, в Министерство пристроили по знакомству. Кто ж знал, что шеф такой урод попадется. Орет все время, оскорбляет и премии не дождешься. А вот и он, легок на помине.

Дверь в вагон действительно приоткрылась и снаружи донесся уверенный хамоватый голос, а затем в проходе появился обладатель серого костюма.

— Даже закончить свое представление вовремя не можете, — раздраженным голосом продолжал он отчитывать кого-то на улице.

— Роман Андреич! — вскрикнул кто-то у него за спиной, но в этот момент начальник Наташки обнаружил свою секретаршу сидящей за столиком с незнакомым молодым человеком.

— Это что еще такое, Наталья Петровна? — уничижительным голосом, свирепо спросил он. — Ты почему своей работой не занимаешься? А ну, пошла готовить мою речь! Живо!

Наташка в страхе ойкнула и метнулась в глубь вагона.

— А ты кто такой? — грубо спросил чиновник, нависая над Костей.

Костя смешался и не нашелся сразу, что ответить, испуганно глядя на сердитого начальника. Позади в дверь постепенно начали просачиваться люди в костюмах.

— Ты что, глухой?! — повысил голос Роман Андреевич. — Ты кто, я спрашиваю?

— От оператора моего отойдите! — показалось, что даже воздух промерз насквозь от ледяного голоса Марины.

Роман Андреевич медленно обернулся и взглядом смерил с ног до головы дерзкую незнакомку.

— А ты кто такая? — в полном недоумении вопросил он уже в полной тишине.

— А ты кто такой? — с теми же интонациями, но тоном выше спросила его Марина. — Чего разорался? Дай пройти, не загораживай!

И протиснувшись мимо пораженного такой наглостью чиновника, уселась рядом с Костей.

— Да вы что себе позволяете?! — взревел раненым медведем чиновник.

— Ого, мы уже на «вы». Как мило, — ядовито отозвалась Марина. — Так что вы хотели, Роман Андреевич? Мы официально аккредитованная съемочная группа тринадцатого канала. Отвечаем за своевременное освещение вашего героического и, несомненно, судьбоносного для всей страны путешествия в глубь Зоны отчуждения. А также будем снимать вашу торжественную речь на фоне руин, бронированного паровоза и восстановленных путей.

Каждое слово Марины было пропитано сарказмом, и стало понятно: такое оскорбление Роман Андреевич вынести не сможет.

— Вон отсюда! — и правда заорал тот, показывая пальцем на выход. — Кто разрешил пустить сюда это... эту... кто разрешил?!

— Разрешите, я все объясню, — появился в дверях губернатор, метнул на Марину убийственный взгляд и увлек чиновника за руку в глубь вагона.

— Согласовано... министр одобрил... больше не дадим и носа высунуть... — доносились обрывки его успокаивающего бормотания.

В дверях появился полковник Кудыкин, с досадой посмотрел на съемочную группу и, ничего не сказав, прошел дальше. Следом потянулись самые разные люди, и все, невольно копируя начальство, с неодобрением разглядывали возмутителей спокойствия.

— Хорошо, — раздался хорошо слышимый во всем вагоне голос Романа Андреевича, — но чтобы я эту журнашлюшку до конца поездки не только не слышал, но даже не видел!

— Пингвин в рейтузах! — громко сказала Марина.

— Полковник Кудыкин! — разъяренно зашипел губернатор. — Угомоните уже эту фурию! И объясните, что так вести себя нельзя.

— Поняла, — спокойно сказала Марина Кудыкину, как только тот появился в их отсеке. — Была неправа, больше не буду.

— Не верю я вам, лучший репортер тринадцатого, Марина, — так же спокойно сказал Кудыкин. — Но предупреждаю, что еще одна выходка — и я высажу вас вместе с оператором в том месте, где состав будет в этот момент находиться. Если потребуется — даже за Периметром. Думаю, мутособаки будут очарованы вашим остроумием.

Наташка с восхищением смотрела на Марину, а Костя любовался нежными чертами лица бывшей одноклассницы, боясь себе признаться, что внутри разгорается давно позабытое теплое и светлое чувство.

6

Поезд неспешно двигался в сторону Периметра, ограждающего Зону отчуждения. За непривычно маленьким окном мимо проносились кусты и деревья, заросшие высокой травой открытые пространства и небольшие перелески. Колеса гулко отстукивали свой незатейливый ритм, вагон немного покачивало, и если бы не пулемет, торчащий казенной частью из противоположной стены, можно было бы подумать, что ничего особенного в этом коротком путешествии нет.

Но пулемет отчетливо торчал не только темным пятном с пристегнутой зеленой коробкой, набитой патронами, но и запахом машинного масла, тусклым блеском металла и слабым звяканьем какой-то незакрепленной детали. Так же чужеродно смотрелись внутренние бронешторки, рычаги внешних бронеставень, ящики с боеприпасами возле каждой бойницы и оружейная зарешеченная пирамида с автоматами внутри.

Наташка ушла к своему шефу, про журналистов все словно забыли, а Марина и Костя даже не пытались выйти в общее пространство вагона, чтобы не провоцировать лишний раз недовольство большого начальника. Тем более, что ничего особо интересного пока видно не было. Вскоре, правда, к ним пришел один из телохранителей Романа Андреевича — здоровый, очень коротко стриженный, молодой парень, — представился Вадиком и чуть смущенно попросил сигарету.

— Роман Андреевич не любит, когда курят, — словно оправдываясь, сказал он. — Вот и не дал с собой курева купить. Теперь курить охота — аж уши пухнут.

Уши у Вадика были вполне нормального размера, но выражение лица свидетельствовало о вполне реальных муках завзятого курильщика. Черный пиджак, белая сорочка и строгий галстук только усиливали безотчетное желание пожалеть страдальца.

— Пошли, — сказала Марина, поднимаясь с места и вытаскивая сигареты. — Надеюсь, в тамбуре он нас не настигнет?

— Да не, — заговорщицки понижая голос, сказал Вадик. — Напсиховался, сел в углу и слушает губернатора вашего. Если при нем

не курить — ничего не скажет.

— Я с вами, — сказал Костя, которому надоело сидеть на одном месте. — Скоро Периметр?

— Покурить успеем, — светлея лицом, сказал Вадик.

Костя давно курить бросил, но иногда не без удовольствия вдыхал дым, когда кто-то курил рядом. В просторном, непривычно широком тамбуре Марина с Вадиком отодвинули бронешторку на бойнице двери и закурили. Марина держала паузу, беззастенчиво разглядывая нового знакомого. Грубоватое мужественное лицо Вадика можно было смело фотографировать для рекламы любой табачной компании, но в большинстве жестов все еще сквозили подростковые замашки и Косте было очевидно, что напористая и острая на язык журналистка, если и не пугает телохранителя, то смущает наверняка.

— А что, Вадик, шефчик твой со всеми такой суровый? — сделала пробный заход Марина.

В том, что неугомонная репортерша попробует найти неофициальную информацию про чиновника из министерства, Костя даже не сомневался.

— Да это не мой шеф, — неожиданно легко «раскололся» Вадик. — Наш с Михой шеф рангом повыше будет. Просто Роман Андреевич ехать сюда не хотел. Наотрез отказывался. Все за жизнь опасался. Вот нас к нему на время командировки и приписали. Для спокойствия.

— А чего опасался-то? — неподдельно удивилась Марина. — Сразу же было сказано, что поездка абсолютно безопасна, поезд проедет туда-сюда по разведанной дорожке, и сразу домой. К борщу, драникам и горилке.

— Да кто его знает, — беззаботно ответил Вадик. — У каждого начальника свои заморочки. Мое дело — охранять тело.

Он выразительно отвел в сторону полу пиджака, чтобы слушатели могли оценить большой красивый пистолет в плечевой кобуре. Марина не подвела: удивление и восторг на ее лице смотрелись вполне естественно. Костя с интересом отметил, что глупое выражение лица напарницу явно молодит. Вадик расплылся в самодовольной улыбке. Стало понятно, что еще пара минут и Марина будет из него, что называется, «веревки вить».

Дверь в тамбур открылась и в накуренное помещение шагнул второй коротко стриженный «качок». Был он на голову ниже Вадика,

но смотрелся даже более внушительно. И, в отличие от напарника, почти не улыбался.

— Здрасте, — сказал он сдержанно, оглядывая всех присутствующих. — Вадик, ты бы хоть сказал клиенту, что надолго отойдешь. Беспокоится уже.

— Да пусть беспокоится, — дружелюбно сказала Марина. — Немного — даже полезно для здоровья. А то и не поймет, что побывал в Зоне отчуждения. Ты ведь, Миха? Курить будешь?

— Вообще-то, не положено, — мысль задержаться в тамбуре явно показалась второму телохранителю соблазнительной, но долг требовал исполнить все положения инструкции. — Там хотя бы один из нас все время должен находиться.

— Что с ним может случиться за пять минут посреди такой толпы да в бронированном вагоне? — не без сарказма спросила Марина, протягивая Михе сигарету.

— Есть такое слово: «порядок», — со вздохом сказал Миха и взял сигарету.

— Порядок порядку рознь, — возразил Вадик. — Наш шефчик так себя никогда не ведет.

— Нельзя про клиента при посторонних, — недовольно сказал Миха и тут же виновато посмотрел на Марину: — Извините, ничего личного, профессиональная этика.

— Да брось, все понятно, никто не в обиде, — легко сказала Марина. — Костя, ты не в обиде?

Костя, стараясь не засмеяться, лишь покачал головой.

— Ну вот видишь, и он не в обиде, — весело сказала Марина. — Ну что, знакомиться будем? Или я у вашего господина теперь что-то вроде «персоны нон грата», и вам со мной общаться неположено?

— Вообще-то, неположено, — серьезно сказал Миха. — Но иногда так достает, что уже положить на его «неположено». Меня Мишей звать.

— Марина, — протянула руку репортерша и внимательно посмотрела Михе в глаза.

В тамбуре словно бы даже потеплело. Телохранители курили, явно наслаждаясь нежданной возможностью расслабиться, Марина легкомысленно смеялась и продолжала потихоньку тянуть

информацию о Романе Андреевиче, Костя улыбался, вспоминая бывшую одноклассницу Наташку.

Вскоре поезд лязгнул металлом сцепок и принялся сбавлять ход. Тяжело вздохнув, Миха выбросил окурок и ушел в вагон. Следом двинулся Вадик, а Марина повернулась к Косте.

— Ну, что я тебе говорила? — сказала она, превращаясь из дурочки-хохотушки в привычную жесткую и умную Марину. — Настоящий скот, этот Роман Андреевич. Скот и быдло.

— Тебя с ним жить не заставляют, — рассудительно сказал Костя. — А все остальное — не твое дело.

— Тебе что же, и одноклассницу свою не жалко? — спросила с удивлением Марина. — Этот хорек совсем бедную девку загонял своими придирками. А мне показалось, что ты ей симпатизируешь.

— Тебе показалось, — чуть смущенно сказал Костя.

— Ну-ну, — хмыкнула Марина, но развивать дальше тему не стала и ушла внутрь вагона.

Когда дверь за ней закрывалась, изнутри донеслись вопли: кажется, Роман Андреевич был одновременно недоволен и телохранителями, и секретаршей. Костя прислушался к своим чувствам. Марина была права: начальник мог бы и помягче относиться к своей помощнице. Запредельная грубость чиновника вызывала теперь у Кости недоумение на грани с раздражением.

За окном проплыли уходящие в сторону от железной дороги столбы, с ровными нитками натянутой колючей проволоки, потом мелькнула еще одна линия заграждений с витками спирали Бруно. Да и небо тоже было наглухо перекрыто серыми непроходимыми заграждениями из стальных туч.

7

Поезд окончательно сбросил ход и остановился. Над головой загрохотали сапоги — кто-то прошел по крыше. Снаружи донеслось невнятное хрюканье системы общего оповещения. Надсадно взвыл и тут же оборвал свой вопль ревун. За крохотным бронированным окошком виднелись серые одноэтажные здания, обилие «колючки», шлагбаум и небольшая рощица то ли молниеотводов, то ли антенн. Вдалеке куда-то слаженно шагала небольшая колонна людей с автоматами за спиной. Судя по всему, экспедиционный бронепоезд готовился пересечь Периметр Зоны отчуждения. Костя открыл дверь тамбура и вернулся в вагон.

— Костя, ты куда пропал? — набросилась на него Марина. — Готовь камеру, скоро можно будет наверх подняться.

— А сейчас нельзя? — спросил Костя, провожая глазами несколько солдат, которые, забрав из пирамиды автоматы, прошли через дальний тамбур в следующий вагон.

Было слышно, как в соседних отсеках переговариваются члены свиты представителя министерства и губернатор.

— Сказали, что нельзя, — недовольно поморщилась Марина. — Секретный объект, снимать категорически запрещено. Смотреть и то нежелательно. Как будто может быть что-то секретное в колючем заборе и контрольно-следовой полосе.

— Там еще и минные поля, — напомнил ей Костя.

— Ага, сейчас залезу и срисую, где какая мина у них закопана. Все-таки военные — они повсюду тупые и упрямые.

С лязгом открылась дверь, ведущая в соседний вагон, в проходе появился полковник Кудыкин.

— Сейчас отправляемся, — сказал он, легко перекрывая мощным голосом все разговоры в вагоне. — Прошу всех отключить средства мобильной связи, поскольку даже обычный сотовый телефон может стать рядом с аномалией смертельно опасным предметом. Первые десять минут движения из вагона выходить категорически запрещается, а потом поезд сбавит вход и я приглашу всех на обзорную площадку.

Марина выразительно посмотрела на Костю и, кивнув в сторону Кудыкина, покрутила пальцем у виска. Костя демонстративно вытащил из кармана свой смартфон и достал из него батарею. Глядя на него, запустила руку в свою сумочку и Марина, извлекая большую красивую «раскладушку».

— А батарейку зачем вытащил? — спросила она, раскладывая свой телефон и начиная изучать что-то на его экране.

— На всякий случай, — пожал плечами Костя. — Даже выключенная система все равно не остается обесточенной — мало ли что?

— Полковник Кудыкин, можно вопрос? — неожиданно громко на весь вагон сказала Марина. — А нашей видеокамерой на обзорной площадке пользоваться можно? Не станет ли это угрозой дорогому Роману Андреевичу?

— Пока единственной очевидной угрозой на нашем поезде являетесь вы, Марина, — вежливо сказал полковник Кудыкин, появляясь в их отсеке. На лице его читалось желание выполнить свое предыдущее обещание и высадить надоедливую журналистку. — Электроприборы использовать неопасно. Да и с телефонами — не больше, чем перестраховка. Случаев, когда «электра» разряжалась в звонящий телефон всего и было-то штук десять-пятнадцать, не больше.

Марина быстро выключила телефон, вытащила из него батарейку и убрала все в сумку. Кудыкин усмехнулся, но ничего не сказал, а просто ушел в другой вагон. Костя по привычке принялся проверять объектив камеры, запасные аккумуляторы и карты памяти.

Поезд ощутимо дернулся, протяжно заскрипел сцепками и медленно тронулся с места.

— Ну а пока мы вынуждены находиться внутри вагона, — бодро раздалось из потолочных динамиков, — предлагаю ознакомиться с базовой концепцией, которая лежит в основе нашего проекта. А также, с основными направлениями дальнейшего его развития.

Костя по голосу узнал докладчика, которого успел послушать, прежде чем их выдворили с брифинга. Тонкая металлическая пластина на стене под потолком отъехала в сторону, открыв матовую поверхность телевизионной панели, на которой тут же появилось

схематичное изображение бронепоезда, грубо нарисованная железнодорожная насыпь, а поверх нее рельсы и шпалы.

Судя по всему, это была запись, повторяющая смысл выступления первого докладчика на брифинге. Только теперь визуально отображались поля аномалий вдоль насыпи и спокойно движущийся по рельсам состав. Вот одна мультяшная аномалия распухла, поднялась краями вверх и коснулась борта бронепоезда. Картинка повернулась, демонстрируя разрез борта, состоящий из брони и множества слоев поглощающих материалов. Судя по красочной анимации, такой обшивке не были страшны ни высокие температуры, ни радиация, ни магнитные поля. Голос за кадром снова повторял о почти полной безопасности движения по старым железнодорожным веткам.

— Док, — перекрывая звук фильма, сказал в динамиках голос полковника Кудыкина. — Давайте закругляться с образованщиной, вы все это сегодня прекрасно на брифинге рассказали. Лучше запустите ролик по мерам безопасности.

Несколько секунд на экране продолжали происходить всевозможные неприятности, сквозь которые рисованный поезд мчался, даже не замедляя хода, а потом на рыжем фоне появились большие зеленые буквы: «Правила техники безопасности при следовании транспортом специального назначения через области с повышенной аномальной активностью».

В отсек нерешительно заглянула секретарша Романа Андреевича. И Косте вдруг показалось, что в их отгороженном с трех сторон углу стало немного светлее. Наташка всегда была красива, а когда начинала волноваться, от нее просто глаз нельзя было оторвать.

— Наталья! — обрадовалась Марина, — заходи, присаживайся. — Сбежала от этого индюка?

— Тихо, — испуганно прошептала девушка, — там слышно, если громко говорить.

— Противогазы и личные пакеты первой помощи находятся в ящиках под сиденьями, — монотонно вещал телевизор, одновременно показывая, как можно до этих самых ящиков добраться.

— Так ты не просто поболтать зашла? — с пониманием спросила Марина.

— Нет. Меня Роман Андреевич послал сказать, что будет говорить речь только один раз, и повторять не станет. Вот текст, можете заранее посмотреть, чтобы к ней подготовиться. Если считаете, что в нее можно что-то добавить — можете дописать ручкой на полях. Я посмотрю и отнесу ему на утверждение.

— Что, так сильно нашему барину хорошее впечатление произвести хочется?

— В случае крайней необходимости, каждому пассажиру может быть выделена персональная единица огнестрельного оружия, — продолжал надрываться телевизор.

— Ты не бойся, — мягко сказал Костя, касаясь плеча Наташки. — Садись, отдохни. Сейчас Марина посмотрит, что он там нацарапал.

— Это не он. Я пишу ему тексты, — скромно сказала Наталья, присаживаясь рядом с Костей.

— Даже не сомневалась, — сказала Марина. — Давай посмотрим, что там у нас получается? Мы ведь тоже заинтересованы, чтобы Роман Андреевич выглядел умным пацаном. А не тем бараном, которым на самом деле является.

— Тише! — шепотом взмолилась девушка. — Прошу вас, не нужно скандала. Он потом на мне и на ребятах из охраны злость срывает.

— Ладно, — ворчливо сказала Марина, погружаясь в текст речи.

Костя, сидя плечом к плечу с Наташкой и ощущая тепло ее тела, вдруг отчетливо осознал, что волнуется, как школьник. Несмотря на прошедшие годы и вереницу подружек, никогда не задерживавшихся больше, чем на несколько дней, Костя чувствовал, как учащенно стучит в груди сердце лишь потому, что Наташка просто сидит рядом.

Телевизор старательно рассказывал о местах хранения противорадиационных костюмов, о порядке действий в случае непредвиденной обстановки, о том, где можно находиться и что нужно делать до прихода спасателей, но Костя, погруженный в свои чувства, не слышал почти ничего. Судя по шуму за стенкой, остальные пассажиры тоже не особо вникали в нюансы техники безопасности.

Быстро сделав несколько пометок и вычеркнув пару предложений, Марина начала объяснять Наталье, что и почему следует изменить в речи Романа Андреевича.

— Наталья Петровна! — рыкнул из другого конца вагона Роман Андреевич.

— Она ушла в дамскую комнату! — громко ответила Марина, делая знак Наташке помолчать. — Носик припудрит и обязательно вернется!

Ролик в телевизоре закончился. Замолчали бубнившие до этого люди. На мгновение воцарилась тишина, нарушаемая только шумом движения вагонов по рельсам и постукиванием колес.

— Приглашаю всех подняться на обзорную площадку, — сказал в динамиках голос полковника Кудыкина. — Для этого необходимо пройти в складской вагон. Прошу соблюдать осторожность.

— Подождем, — сказала Марина, прислушиваясь к оживлению за стенкой. — Пускай самые важные паразиты нам дорогу прощупают. Зона отчуждения все-таки вокруг.

Костя вздрогнул и повернулся к окну. Он совсем забыл о том, зачем оказался в этом поезде, и о том, что совершает, может быть, самое необычное путешествие в своей жизни.

Поезд двигался достаточно медленно, чтобы хорошо рассмотреть пейзаж за окном. Правда, рассматривать пока было нечего. Кроме полусгнивших столбов, с которых свисали оборванные провода, ни малейших признаков того, что они едут по самой настоящей Зоне, не было.

Шум за стенкой стих, и Марина решительно поднялась, легко увлекая за собой Костю с Натальей. Они прошли мимо нескольких пустых отсеков и кухонного уголка, где на длинном столе уже стояли непочатые бутылки с водкой и коньяком, после чего вышли в тамбур и легко перебрались по гофрированному металлическому коридорчику в следующий вагон. Замыкающий процессию Костя осторожно нес камеру в кофре.

Складской вагон оказался предсказуемо похож на обычный склад. Два ряда стеллажей с двумя проходами вдоль бортов вагона были заполнены ящиками и коробками, но бо2льшая часть снаряжения была просто затянута прорезиненной тканью. Через пару метров от тамбура из пола вагона на крышу вела прямая и крутая лестница. Костя обратил внимание, что потолок вагона опущен значительно ниже, чем в вагоне охраны, а это означало, что прямо под крышей склада тоже устроено какое-то хранилище. Через каждые пять метров в бортах

вагона виднелись рычаги бронеставень, что, скорее всего, означало и наличие стрелковых щелей.

В открытом люке еще мелькали туфли последнего поднявшегося наверх человека, когда Марина уверенно шагнула на первую ступеньку. Костя галантно пропустил Наталью вперед и, проводив глазами стройные ноги, лишь частично прикрытые строгой юбкой, тяжело вздохнул. Рабочая поездка неожиданно превращалась в крайне волнующее, но практически бесперспективное свидание.

Поднявшись по металлическим ступенькам сквозь квадратный лаз, он осторожно шагнул на пластиковое ворсистое покрытие. Марина, взяв Наталью под руку, тут же увлекла ее куда-то в сторону. Костя осмотрелся по сторонам.

Обзорная платформа на крыше вагона была огорожена поручнями и уставлена по периметру широкими скамейками. Поезд шел медленно, так что можно было в относительном комфорте наблюдать за разворачивающимися вокруг пейзажами. Часть платформы уже была заполнена людьми, которых оказалось на удивление много. Деловые костюмы вперемешку с военным камуфляжем и синими спецовками научного состава экспедиции создавали впечатление странной вечеринки, собравшейся здесь по недоразумению.

Из-за множества механических звуков, порождаемых движением состава, голосов почти не было слышно, но по жестам и взглядам содержание большинства разговоров представлялось достаточно легко. Словно присутствуя на представлении театра пантомимы, Костя легко угадывал общую нервозность, опасения из-за неведомых опасностей и странное, словно извлеченное из детских воспоминаний, ожидание чуда.

Несколько особняком, крепко держась за перила, стоял Роман Андреевич. Выглядел чиновник одновременно возбужденным и несколько испуганным. «Свита» во главе с губернатором деликатно «не обращала внимание» на крайне нервную реакцию большого начальника. Тем более, что вокруг было на что посмотреть и помимо Романа Андреевича.

Бронепоезд двигался по открытому пространству, утыканному кое-где небольшими островками высоких деревьев. Лес, с которым досужие слухи связывали бо2льшую часть опасностей в Зоне, виднелся вдалеке, где-то на границе видимого пространства, оставаясь

не более чем темно-зеленой полосой, закрывающей собой горизонт в нескольких километрах от зрителей. Вполне соответствуя сезону, господствовал желто-бурый цвет жухлой травы и ярко-желтое сияние готовых к листопаду крон деревьев. Периметр остался где-то позади, и теперь кругом лежала абсолютно дикая природа, не имеющая других признаков, что здесь когда-то вообще были люди, кроме железнодорожной насыпи.

Над головой раскинулось бледно-голубое небо, в блеклых кляксах растаскиваемых ветром облаков. Сквозь их белесую дымку свет солнца не слепил глаза, но давал достаточно тепла, чтобы люди не мерзли в костюмах и легких ветровках на крыше движущегося состава. Чистейший прохладный воздух хотелось вдыхать бесконечно: даже не верилось, что вокруг лежит территория, давным-давно признанная непригодной для жизни.

Из окошка тепловоза высунулся машинист — седой мужчина лет шестидесяти, — посмотрел вперед, сбоку от состава, явно не довольствуясь изображениями с обзорных камер, недовольно чиркнул взглядом по Косте, который как раз принялся расстегивать кофр, и спрятался обратно, оставив, впрочем, бронеставень открытым.

— Обратите внимание! — громко сказал полковник Кудыкин, — что рядом с железнодорожной насыпью нет почти никакой растительности. Это первый признак аномальной активности, хотя на первый взгляд больше ничего пока не видно!

Люди постепенно разбредались по всей смотровой площадке, многие стояли вдоль перил и с любопытством пялились вниз.

Марина оставила Наташку сидеть на скамье и решительно направилась в сторону Романа Андреевича, но по дороге была буквально перехвачена Кудыкиным.

— Марина, — сказал он вежливо, но твердо, — научный руководитель экспедиции, Ломакин Феоктист Борисович, как раз сейчас освободится. И будет готов дать вам интервью. Зовите своего оператора и проходите вон туда.

Марина ехидно посмотрела на полковника, но спорить не стала. Махнула рукой Косте и послушно двинулась за Кудыкиным в сторону небольшого металлического столика, намертво прикрученного к платформе. За столиком восседал давешний докладчик. Кругом бродили люди в костюмах, старясь держаться поближе к губернатору,

который стоял рядом с Ломакиным и с фальшивым интересом слушал его рассказ о новой космогонической теории, объяснявшей, в том числе, и происхождение Зоны.

— Феоктист Борисович, — сказал Кудыкин, взмахом руки привлекая внимание ученого. — Представители краевой администрации слишком долго злоупотребляют вашим драгоценным вниманием. Давайте уделим немного времени и прессе. Как насчет объяснить основную концепцию возможности извлекать энергию из аномальных образований?

Ломакин живо обернулся к новым слушателям, а губернатор, бросив благодарный взгляд на Кудыкина, немедленно ретировался. Следом потянулись и «костюмы».

— А, это вы! — приветливо расплылся в улыбке Ломакин, обращаясь к Марине и делая приглашающий жест рукой. — Помнится, на брифинге вы сперва пытались задавать вопросы, а потом куда-то исчезли!

— Здравствуйте, Феоктист Борисович, — приветливо отозвалась Марина, присаживаясь напротив и делая Косте знак готовиться к записи. — Ну вот такая у нас беспокойная работа — везде надо успеть. Но уж теперь-то не отвертитесь и все расскажете любопытной журналистке?

Она легко рассмеялась, словно приглашая составить компанию, и Ломакин немедленно растаял: мелко затряс седой бородкой и довольно захихикал.

— Шумно, — пожаловался Костя, пристроив камеру на плече и оценив показатели уровня сигнала с микрофона. — Может петличку повесим?

— Я на свой заберу, — сказала Марина, извлекая из кармана продолговатый брусок диктофона и раскладывая на столе провод микрофона, — ты, главное, картинку сделай.

— Пошла вон! — рявкнул где-то за спиной Роман Андреевич.

Костя обернулся. Большинство людей вокруг тоже повернули головы и смотрели, как чиновник с искаженным в ярости лицом орет на свою помощницу. Наташка в испуге шарахнулась в сторону. Рядом с Романом Андреевичем немедленно появились оба телохранителя, всем своим видом давая понять, что готовы отразить любое нападение на «клиента».

— И вы пошли вон!! — неожиданно заорал чиновник, и Костя с удивлением понял, что Роман Андреевич буквально сотрясается от страха. — Толку от вас! Толку! Что вы сможете... Да ничего!

Вадик и Миха немедленно отступили в толпу. Чиновник оглядел всех страшным взглядом и вдруг бросился обратно внутрь вагона.

— А как же речь, Роман Андреич? — весело крикнула вслед ему Марина, но тот уже скрылся в люке, напоследок отчаянно взмахнув рукавами дорогого костюма.

— Какая-то патология, — с усмешкой сказала Марина. — Это не то, что не мужик — это даже не самец. Манекен для костюма. Ну что, Феоктист Борисович, продолжим?

Люди вокруг старательно делали вид, что ничего не произошло. Вслед за неадекватным большим начальником спуститься никто не решался. Только Миха, выждав паузу, кивнул Вадику, и оба телохранителя отправились следом за своим подопечным.

8

Марина улыбалась. Ломакин принимал ее улыбку на свой счет и с удовольствием излагал предысторию появления идеи использования энергии Зоны в народно-хозяйственных целях. Но Костя, прекрасно знавший все оттенки мимики напарницы, был уверен, что репортерша просто злорадствует над позором Романа Андреевича.

Вспомнив про Наташку, Костя осторожно повернул голову. Девушка сидела на скамье, забившись в самый дальний угол обзорной платформы, и отрешенно смотрела на проплывающие мимо пейзажи. Косте хотелось подойти и утешить ее, но прекратить съемку возможности не было, и он с усилием перевел взгляд на откидной экран камеры.

— Первые эксперименты наши сотрудники проводили еще года четыре назад, — увлеченно тараторил Феоктист Борисович, и было понятно, что хоть и рассказывает он эту историю не впервые, но увлекается так, словно сочиняет все на ходу. — Титановая решетка, свернутая в сферу, неодимовые магниты, катушки — ну типовая, в общем, схема, любой школьник соберет. И ведь уже тогда было признано, что добыча энергии даже этим примитивным способом уже экономически целесообразна!

Снова обернувшись, чтобы посмотреть в сторону Наташки, Костя заметил молодого парня в черной рабочей спецовке на крыше тепловоза. Он поправлял черную трубу камеры наблюдения и слушал указания машиниста, то и дело выглядывающего из окна. По всей видимости, это был помощник машиниста. И судя по тому, что парень был совсем молод, маршрут у бронепоезда и правда был хорошо обкатанным.

Ломакин продолжал что-то увлеченно рассказывать Марине, та профессионально делала вид, что просто не в силах оторваться от собеседника, а Костя, немного заскучав, поневоле стал прислушиваться и к другим разговорам, долетавшим сквозь шум движущихся вагонов.

Громче всех говорил губернатор, который добродушным тоном щедрого хозяина уговаривал Кудыкина дать «свите» немного

пострелять. Полковнику идея не нравилась, но губернатор понимал, что все контрдоводы Кудыкина были формальностью, легко обходимой при наличии доброй воли всех заинтересованных сторон. И продолжал «давить».

Наконец, полковник «сдался» и сказал:

— Ефрейтор Хиженков! Подготовь первый пулемет. Проведем практические стрельбы.

— Вот это дело! — просиял губернатор.

— Смотрите, смотрите! — закричал один из «костюмов», тыча пальцем куда-то вдаль.

Люди начали перемещаться к одному из бортов, вытягивая шеи и пытаясь что-то рассмотреть. Даже Ломакин перестал говорить и с любопытством поднялся взглянуть на причину переполоха. Марина качнула Косте головой. Тот послушно повернул камеру, поиграл джойстиком масштабирования картинки.

В нескольких сотнях метров от поезда, параллельно его движению, легко бежали некрупные пятнистые олени. Костя приблизил картинку и с удивлением обнаружил, что пятна на боках у грациозных животных больше похожи на кляксы, странным образом ассоциируясь с камуфляжной расцветкой, а нижняя часть ног покрыта длинной, совершенно непривычно смотрящейся шерстью, которая развевалась на ветру и создавала впечатление, что олени плывут по воздуху на сером пульсирующем облаке.

— А вот и мишень! — обрадовался губернатор. — А ну, пустите подержаться за ручки пулемета.

— Попрошу всех отойти от края вагона! — зычным голосом сказал Кудыкин, а потом вполголоса добавил, обращаясь к губернатору: — Вадим Сергеевич, может не надо? Из пулемета — это не охота. Да и не принято так здесь.

— Э, да ты совсем тут одичал, полковник, — покровительственно сказал губернатор, похлопывая Кудыкина по плечу. — Не боись, все согласовано и утрясено. Начальство твое предупреждено, что мы тут пострелять собрались, — не будут тревогу объявлять и насылать на нас толпы военсталов.

Губернатор рассмеялся, рядом радостно заухмылялись «костюмы», но Кудыкин шутку не принял и даже не улыбнулся в ответ,

а продолжал озабоченно смотреть на легкое облачко пыли, стелющейся вслед небольшому оленьему стаду.

— Я знаю, — сказал он, наконец. — И даже подал рапорт о том, что категорически возражаю. Поскольку это противоречит основам безопасности, а я отвечаю за вашу жизнь и здоровье.

— Ну что случится-то? — продолжая улыбаться, тихо спросил губернатор. — Зона обидится, и тогда всем нам хана, да? Ну признайся, Кудыкин, ты за время службы тут тоже поверил во все эти сплетни. Черный сталкер, призрачный поезд, противогаз без очковых стекол на дереве. Да?

— Делайте, что собрались делать, Вадим Сергеевич, — с досадой сказал Кудыкин и сделал два шага в сторону.

— Давай ефрейтор, уступай машинку! — энергично заорал губернатор, направляясь к пулемету.

— Что же это вы, товарищ полковник, умыли руки, точно Понтий Пилат? — ехидно сказала Марина.

— Идите вы, товарищ журналистка, в... — протяжный гудок тепловоза заглушил последние слова полковника.

— Поберегись! — заорал губернатор и нажал на гашетку.

Крупнокалиберный пулемет загрохотал так, как ему и было положено: солидно и оглушающе. Вдали цепочкой поднялись фонтанчики земли и ринулись наперерез бегущим оленям. Костя навел камеру на губернатора, но один из «костюмов» решительно положил ладонь на объектив. Марина прикрыла глаза, показывая, что сейчас лучше не спорить, и Костя послушно выключил камеру.

Грохот пулемета оборвался так же внезапно, как и начался.

— Смотри, вроде попал, а? — возбужденно спрашивал губернатор у кого-то за своей спиной.

Снова надрывно завыл тепловозный гудок.

— Да что они там рассигналились? — с досадой спросил Кудыкин неизвестно у кого.

Снова загрохотал пулемет — на этот раз у станка стоял один из людей губернатора, причем полы его расстегнутого пиджака живописно развевались на ветру. Хватило его, правда, тоже ненадолго: потирая руки, он отошел в сторону и принялся что-то радостно объяснять губернатору и двум солдатам, стоящим рядом.

Рядом с Костей прошел машинист и остановился перед Кудыкиным, всем своим видом пытаясь обратить на себя его внимание.

— Ты чего, Иваныч? — озабоченно спросил полковник.

— Как чего? — удивился машинист. — Вызывали — вот и пришел.

— Кто тебя вызывал? — в свою очередь удивился Кудыкин.

— Так вы же и вызывали. Мне Петька сказал. Так мол и так, товарищ полковник поговорить зовет.

— Да ты в своем уме, Иваныч? — слегка раздраженным голосом спросил Кудыкин. — Мы сколько раз с тобой тут ездили — я тебя хоть раз из кабины во время движения дергал?

— Дак Петька же сказал...

— Вот иди и разбирайся со своим Петькой, — нетерпеливо сказал Кудыкин. — Сам за него хлопотал, вот и думай, что у парня с головой приключилось. Не звал я тебя.

— Отличный спец, — забормотал машинист, делая шаг назад, — все равно надо было еще людей в спецсоставе обкатывать.

Но Кудыкин демонстративно отвернулся от него. За разговором отчетливо чувствовался какой-то недавний конфликт.

— Костя, Марина, — оказалось, что, пока он прислушивался к чужому разговору, сзади к нему подошла Наталья в сопровождении Вадика. — Роман Андреевич готов сказать речь, но только внутри вагона. Наружу, сказал, не пойдет.

— Не пойдет, — подтвердил телохранитель.

— Давайте, пока он в настроении, все снимем и закончим эту историю, — просительно продолжала Наташка. — А то найдет на него еще что-нибудь...

— Вы нас простите, если мы ненадолго отвлечемся от нашей увлекательной беседы? — улыбнулась Марина Ломакину.

— Да конечно, какой вопрос! — быстро ответил тот. — А я пока навещу нашу лабораторию, проверю кое-что.

Все вместе они двинулись в сторону люка в крыше, причем впереди всех оказался машинист, наконец очнувшийся от своих мыслей.

Вдруг вагон ощутимо качнулся, и поезд начал резко забирать вправо. Машинист в недоумении остановился и принялся озираться по

сторонам. Вадик с Наташкой чуть было не налетели на него и тоже были вынуждены остановиться. Несколько секунд ничего не происходило, и лишь машинист был похож на человека, внезапно получившего удар по голове.

— Эй, уважаемый, тебе плохо? — участливо хлопнул его Вадик по плечу.

— Куда это мы едем? — тупо спросил машинист неизвестно у кого.

Вадик на мгновение застыл, пытаясь осмыслить услышанное, и вдруг заржал. Рассмеялся и Костя — настолько странным показался ему вопрос человека, лучше других знавшего, куда именно он ведет свой состав. Но в этот момент все звуки перекрыл мощный голос Кудыкина:

— Иваныч, растудыть тебя под хвост! Это что такое?!

— Щас разберусь, товарищ полковник! — растерянно крикнул в ответ машинист. — Щас остановимся и все выясним! Петька!!

Несмотря на возраст, он рванул вниз по лестнице, как заправский спортсмен.

— Что происходит? — тревожно спросил губернатор у Кудыкина, и его голос отчетливо прозвучал в мгновенно наступившей тишине, нарушаемой лишь стуком колес.

— Все в порядке, не волнуйтесь, — тут же громко ответил Кудыкин. — У нас несколько путей, и мы решили показать вам, как легко наш состав маневрирует между ними. Прошу не обращать внимания, скоро доедем до станции и вернемся обратно.

Внезапно оказалось, что лес держался не так уж и далеко от поезда. Не прошло и трех минут с момента перехода на другую ветку, как он оказался совсем рядом, приближаясь сразу с обеих сторон, словно загоняя железнодорожное полотно в узкий темно-зеленый коридор.

— Брешет, — уверенно сказала Марина на ухо Косте. — Пойдем-ка быстрее разберемся с трясущимся замзамом. И бегом обратно — чую: скоро тут интересно будет.

Они начали спускаться по лестнице вслед за Вадиком и Наташкой. Судя по участившемуся стуку колес и более интенсивному покачиванию вагона, поезд набирал скорость.

Внутри складского вагона два солдата выглядывали наружу сквозь смотровые щели рядом с пулеметами. Наташка и Вадик успели сразу же пройти в соседний вагон охраны следом за машинистом, а Марину один из солдат остановил вежливо, почти подобострастно, но твердо.

— Извините ради всего святого, — сказал он с чуть заметным говором, выдававшим в нем жителя глубинки, — но не сказали ли вам: куда мы свернули?

— А разве это не обычный ваш маршрут? — тут же спросила Марина, не только останавливаясь, но увлекая солдата подальше от лестницы.

«Словно суслика, что выбрался из норки в поисках зерна, но вдруг оказался в цепких когтях хищника», — подумал Костя.

Он тоже остановился и, поскольку вопрос задавали не ему, принялся разглядывать бесконечные стеллажи складского вагона. На одной из полок, почти незаметный среди ящиков и тюков, завернутых в брезент, «косил» от исполнения обязанностей один из охранников бронепоезда, видимо на практике проверяя народную мудрость «солдат спит — служба идет».

— Нееет, — робко протянул солдат, не ожидавший такого напора.

— Ну хоть раз-то вы этим маршрутом ездили? — продолжала добиваться своего Марина.

— Вообще-то, это военная тайна, — неожиданно встрял второй солдат.

— Завянь, стручок, — небрежно кинула ему Марина. — Если происходит что-то выходящее за обычные рамки, то при таком скоплении важных людей ваше молчание может быть истолковано как военное преступление.

— Не ругайтесь, — жалобно попросил первый солдат. — Никакой тайны в этом нет — мы ничего не подписывали про маршруты. У нас одна-единственная ветка отремонтирована: до станции, пару сотен метров вдоль перрона, и с полкилометра после него. А сейчас мы еще даже до остатков водокачки не доехали, но ушли вправо. И скорость. Чувствуете? Мы набираем скорость. Мы никогда здесь с такой скоростью не ездим.

— А пару дней назад, — внезапно встрял второй солдат, видимо нисколько не обидевшийся на резкую отповедь, — сталкеры снова

слышали призрак старого поезда. Вам этого не понять, а мы немного послужили здесь и скажу честно: побаиваемся.

— Вы что, всерьез верите в призрак поезда? — поразилась Марина.

— Он своими глазами видел его! — с неприятным возбуждением в голосе сказал первый солдат, кивая на второго.

— Видел, — подтвердил тот. — Только начальство не поверило. Сказали, что почудилось мне со страху. А мне не почудилось. Мы в сумерках шли малым ходом, я стоял наблюдателем и видел вдали силуэт паровоза и двух вагонов. Он просто проехал по чистому полю и ушел в лес. Как растворился. И сталкеры не раз слышали звуки последнего поезда Зоны. Говорят, кто такое слышит, у того кровь в жилах стынет!

По лестнице протопали ботинки и рядом с дверью в соседний вагон появился Кудыкин. На мгновение Косте показалось, что полковник сейчас накричит на Марину, но тот лишь смерил солдат и шуструю репортершу тяжелым взглядом и резко качнул головой. Когда ситуация того требовала, Марина не просто умела заткнуться, но, казалось, могла читать мысли. Не говоря больше ни слова, она быстро прошмыгнула мимо Кудыкина в вагон охраны. Костя заторопился следом. Позади хлопнула дверь и невнятно взревел полковник, явно воспитывая разговорчивых солдат.

Снять интервью, впрочем, не получилось. Роман Андреевич сидел, забившись в угол, и неподвижно смотрел в одну точку. Загораживая его от незримой пока опасности, внушительно пошевеливал плечами Вадик. На вопросительный взгляд Марины он лишь состроил кислую мину и едва заметно покачал головой, одновременно показывая пальцем в сторону следующего отсека.

Почти в ту же секунду с другого конца вагона донеслись приглушенные дверями крики машиниста. Марина рванула вперед по коридору, словно собака, учуявшая дичь. Костя припустил следом. В следующем отсеке он увидел Наташку, отрешенно смотрящую в окно, но окликать не стал и просто прошел мимо.

— Петька, гад! — надрывался кто-то в переходе между вагоном охраны и тепловозом. — Ты что же удумал, поганец?! Открывай! Немедленно открой, а то хуже будет!

Фоном этому ультиматуму звучали тяжелые удары в металлическую дверь.

Помешкав лишь долю секунды, Марина решительно вышла в тамбур. У дверей, ведущих в тепловоз, стояли Миха, машинист и один из солдат-охранников, с коротким автоматом наперевес.

— А что происходит, мальчики? — невинным голосом поинтересовалась Марина.

Машинист бросил в ее сторону неприязненный взгляд и снова заорал, видимо надеясь, что его слова преодолеют бронированную дверь и достигнут ушей помощника даже сквозь рев дизелей:

— Петька! Последний раз прошу! Потом пеняй на себя!

— Закрылся его помощник в кабине, заблокировал дверь и ходу прибавил, — пояснил Миха. — Видать, крыша потекла у пацана. И ведь не достать его там — защита сработана на совесть. Такую дверь не всякая взрывчатка возьмет.

— Что ж делать-то? — жалобно спросил машинист. — А если он там помрет? Надо же как-то его оттуда извлекать. Спасать надо парня!

— А он когда по крыше тепловоза лазил, — подал голос из-за спины Марины Костя, — он как туда попадал? Я не видел, чтоб он на складской вагон переходил.

— Так он в окно, — светлея лицом сказал машинист. — Только кто ж полезет? Я не управлюсь, годы не те...

— Да нет проблем, отец, — хмыкнул Миха. — Я залезу. Нас этому учили, да и практика есть. Надеюсь, он окошко не додумается закрыть? Психи — они того, умные бывают.

— Иванов! — завопил из глубины вагона Роман Андреевич. — Немедленно сюда!

— Вот упырь, — проворчал Миха. — Сейчас ведь еще не пустит. Я рядом с ним, по инструкции, должен сидеть.

— Я ему все объясню, — успокаивающе сказала Марина и нехорошо усмехнулась.

Солдата с автоматом оставили на всякий случай в тамбуре, а сами двинулись обратно. Туда, откуда доносились полные ужаса крики Романа Андреевича.

За окнами по обеим сторонам от вагона убегали назад плотные стены совсем уже близкого леса. Стало заметно темнее. И Костя против воли ощутил, как где-то глубоко внутри шевельнулся страх.

Экспедиция шла совершенно не так, как было запланировано, и могла в любой момент закончиться банальным крушением. Скорость у состава, конечно, все равно была относительно невысока, но сама мысль о возможности оказаться в лежащем на боку вагоне вызывала неприятный дискомфорт.

Возле Романа Андреевича и Вадика уже стоял полковник Кудыкин.

— Успокойтесь, ситуация под контролем, — говорил он, коротко поглядывая на приближающуюся по коридору процессию. — Тепловоз выполнит маневр по запасному пути и вернется обратно на станцию.

— Где мой второй телохранитель? — с надрывом, почти стонал чиновник. — Иванов!

— Товарищ полковник, — быстро сказал Миха. — Помощник закрылся изнутри. Разрешите, я через окно его достану? У меня есть подготовка. Вряд ли ваши солдаты умеют штурмовать вагоны на ходу.

— Хорошо, давай, — сказал Кудыкин. — Вон там за дверью есть пара толковых солдат — бери в помощь.

— Роман Андреич. — Миха оттеснил Вадика. — Разрешите, я отойду минут на пятнадцать — надо помочь машинисту кое с чем.

— Твое дело меня охранять, а не шляться где попало, — неожиданно грубо ответил Роман Андреевич.

Кудыкин в это время слушал торопливое бормотание машиниста, и с каждой секундой лицо его становилось все мрачнее. Стоящий рядом Костя отчетливо услышал, как полковник тихо сказал машинисту на ухо:

— Ты хоть примерно понимаешь, как далеко мы ушли с основной ветки? Если через пять минут не разберешься со своим придурковатым помощником, я прикажу пристрелить его через окно.

Машинист отпрянул в сторону и с испугом посмотрел на полковника.

— Иваныч, ты понимаешь, что мы в любой момент можем уйти под откос? — значительно громче спросил Кудыкин, и Костя вдруг понял, что свои слова полковник неофициально адресует испуганному чиновнику.

— Ну что, ваше благородие, — с презрением в голосе сказала Марина, наклоняясь так, чтобы посмотреть на Романа Андреевича,

почти целиком спрятавшегося за спиной Вадика. — Дашь телака на десять минут или предпочитаешь в канаве сгнить?

— Пусть идет, мне что — жалко что ли?! — истерично взвизгнул чиновник и закрыл лицо руками.

— Все, быстро наверх, — тут же принялся командовать Кудыкин. — И побыстрей, побыстрей! Господа журналисты, оставайтесь здесь — мне совсем не нужны расследования с этим ЧП на уровне министерства.

Миха и машинист быстро зашагали в сторону перехода к складскому вагону.

— Вы не можете нас ограничить в получении информации, — запротестовала Марина. — Все отснятые материалы вам потом покажем и удалим все, что скажете.

— Марина, — проникновенно сказал Кудыкин, — поищите идиотов для своих манипуляций среди гостей нашего поезда. Позже. А пока я запрещаю покидать вагон. И никто вас ни в чем не ограничивает. Вы же пришли брать интервью у Романа Андреевича? Вот и берите себе на здоровье.

Когда за полковником закрылась дверь тамбура, Марина дернула Костю за рукав:

— К тепловозу, живо!

Они вернулись по коридору к оставленному у перехода в тепловоз солдату.

— Ну что, слышно что-нибудь? — спросила Марина, прикладываясь ухом к бронированной двери.

— Не, тишина, — ответил тот. — Вы бы голову от двери убрали. Она сюда открывается. Как бы не досталось вам, если изнутри ее резко откроют.

Марина послушно отступила в сторону и вперила требовательный взгляд в солдата:

— А что, служивый, давно у Кудыкина с машинистом конфликт?

— Не знаю, — равнодушно ответил тот. — Мне вообще-то обсуждать с вами начальство не положено.

— Ну, машинист тебе не начальник, — парировала Марина.

— Да все равно не положено, — спокойно сказал автоматчик, и Костя отметил про себя, что, в отличие от большинства совсем молодых солдат на бронепоезде, этот выглядел возрастным.

Несколько минут прошло в напряженной тишине. Продолжали торопливо отстукивать рваный ритм колеса. За дверью в вагоне охраны слышались голоса — видимо, Кудыкин прогнал зевак с крыши.

Внезапно поезд начал замедлять ход.

Заскрипели тормозные колодки, тело ощутимо потянуло вперед, и Костя даже уперся рукой в стену, чтобы не упасть.

— Похоже, Миха все-таки забрался в тепловоз, — подмигнула Марина автоматчику, но тот лишь слабо улыбнулся в ответ и ничего не ответил.

Вдруг откуда-то снаружи раздался резкий хлопок. По вагону прошел гул, по крыше прокатился металлический звон. Марина с непониманием уставилась в потолок, Костя растерянно закрутил головой. И лишь солдат, до того расслабленно стоявший у стены, весь сжался, оскалился и шагнул к внешней двери.

Снаружи кто-то сильно забарабанил в бронированный борт тяжелым молотком, да так быстро, что оставлялось только удивляться крепости рук бегущего вдоль состава хулигана. Поезд перешел на экстренное торможение: почти весь шум теперь перекрывался свистом тормозных колодок. Солдат выглянул в смотровую щель, а затем отодвинул небольшую заслонку и выставил наружу автоматный ствол.

— Это что? — громко спросила Марина. — Нападение?!

Откуда-то сверху, едва слышимый, но все-таки отчетливо различимый, раздался пронзительный человеческий вопль. И тут же загрохотало сразу несколько пулеметов. Судя по звукам — из вагона охраны и с крыши складского вагона. А затем, сперва в один в борт бронепоезда, а следом и во второй, словно сыпануло металлическим горохом.

Марина испуганно присела и отползла к противоположной стене. Автоматчик прижал приклад к щеке и дал короткую очередь куда-то наружу. Грохот автомата в тесном помещении оглушил и заставил Костю закрыть руками уши. На пол посыпались дымящиеся гильзы. Воздух мгновенно пропитался запахом горячего металла и пороховой вонью. Костя сперва боялся подняться, но потом любопытство пересилило и он, схватившись руками за какой-то выступ, осторожно выглянул в смотровую щель на второй внешней двери. Прижался коленями к двери, всмотрелся...

На фоне медленно уползающей вправо стены леса, длинными перебежками перемещались фигуры людей в камуфляжной одежде. Судя по вспышкам выстрелов и новой порции тяжелых ударов в борт, они стреляли по бронепоезду. Причем было их достаточно много, и, судя по всему, они загодя рассредоточились вдоль путей: впереди по ходу движения, на темном фоне леса, также начали сверкать вспышки выстрелов.

Россыпь гулких ударов в броню совсем рядом со смотровой щелью заставила Костю отпрянуть в сторону. Он прижался к стене тамбура и с надеждой посмотрел наверх. Как раз в этот момент почти синхронно оборвался оглушающий грохот пулеметов на крыше и в вагоне охраны, и стала слышна хаотичная стрельба автоматов.

— Что происходит?! — закричала Марина, испуганно озираясь по сторонам.

— Ложитесь на пол и лежите, — быстро оглянувшись, сказал автоматчик. — Первый раз такое вижу: нас вроде как пытаются взять штурмом. Эх, напрасно начали поезд тормозить!

Он отвернулся и дал несколько коротких очередей. Снова откуда-то сверху донесся рокот пулемета. А затем жуткий грохот на несколько секунд оглушил людей. Вагон ощутимо вздрогнул и словно бы даже накренился, заскрипев всеми своими сочленениями.

— Ого! — заорал автоматчик. — Это чем же по нам вдарили?!

Со стороны тепловоза послышались пистолетные выстрелы, а следом — душераздирающий вопль. Межвагонная дверь распахнулась и на пороге появился тот самый молодой парень, которого Костя недавно видел на крыше тепловоза. Его искаженное лицо было похоже на кровавую маску, на плече, быстро пропитывая ткань спецовки, расплывалось темное пятно. Парень обвел тамбур безумным взглядом, закатил глаза и рухнул на пол. Следом в дверном проеме возник взъерошенный Миха с пистолетом в руке. Его галстук был наполовину распущен и лежал на плече, лицо походило на звериный оскал, а поперек белой рубахи, прячась под костюмом, набухал ярко-алым длинный порез.

Заметив Костю, Миха кивнул ему, плюнул на лежащее тело и лишь после этого хрипло сказал:

— Прикинь, пытался поезд остановить, паскуда. А если встанем — каюк, возьмут нас штурмом. Тепловоз водить умеешь? А то

машинист может и не добраться сверху-то.

— Нееееет, — слабым голосом сказал Костя. — Я никогда не пробовал даже...

— Что происходит, Миша? — испуганно спросила Марина. — Кто на нас напал?

— Да какая разница? — бросил Миха. — Выскочили из леса, обстреляли толпу на крыше и бегут следом, видимо надеются, что остановимся. А этот гад как раз тормоза зачем-то врубил. Свяжите руки козлу, а то вдруг очухается. А я попробую ходу прибавить этому аппарату.

Он вернулся в тепловоз, хлопнула дверь.

— Эй, я умею! — запоздало крикнул автоматчик, потом вытащил из кармана и бросил Косте пучок пластиковых стяжек. — Вяжи ему руки. А я Мишке помогу.

Костя взял одну стяжку и принялся неумело ворочать раненого. Тот застонал, но глаз так и не открыл. На полу медленно растекалась темно-красная лужа. С обеих сторон в бронированные борта поезда снова посыпались тяжелые удары. В соседнем вагоне загрохотали пулеметы, глуша все прочие звуки. Марина испуганно закрыла голову руками и замерла. Поезд перестал тормозить и, кажется, снова принялся набирать ход. Еще несколько минут гремели выстрелы и жутко долбили в борта пули, но вскоре все стихло.

Дверь из вагона охраны открылась и на пороге появились машинист и Кудыкин. Следом за ними в тамбур протиснулись двое солдат. Голова полковника была небрежно перевязана окровавленным бинтом, но голос не утратил твердости.

— Иваныч, ты давай тут не застревай, — скомандовал Кудыкин, заметив лежащего на полу помощника машиниста. — Мы тут и без тебя разберемся. Так, дамочка, оператор — дуйте в вагон, нечего вам тут делать. Бойцы, этого тащите в ближний отсек и зовите медика. Если гнида сдохнет, я медика сам удавлю.

Машинист горестно сказал «Эх, Петька», но послушно бросился в тепловоз.

9

Вагон охраны оказался заполнен людьми. Видимо все, кто недавно любовался видами на обзорных площадках, теперь теснились в коридорах или выглядывали из отсеков. Марина и Костя протолкались к тому отсеку, где недавно видели Наташку, но там теперь был организован мини-лазарет: несколько человек сидели и лежали в разных позах, перевязанные наспех бинтами. Одного из них как раз заканчивали бинтовать два солдата.

Наташка, Роман Андреевич и Вадик обнаружились в той части вагона, где еще совсем недавно должен был состояться праздничный обед. Людей здесь оказалось поменьше: за большим столом было немало свободного места на скамейках — наверное, несмотря на случившееся, большинство «костюмов» старались избегать большого начальника.

Роман Андреевич представлял собой жалкое зрелище. За какие-то четверть часа он растерял всю свою уверенность и лоск и теперь выглядел настолько непрезентабельно, что вызывал желание сказать что-нибудь утешительное. Он сидел в самом углу на длинной скамье, а рядом с ним разместились хмурый Вадик и напуганная Наташка. Правда, стоило Косте встретиться с ним глазами, как всякое желание разговаривать с чиновником испарилось, даже не успев окончательно оформиться. Несмотря на нештатную ситуацию, затравленный взгляд Романа Андреевича выглядел, мягко говоря, несоразмерным возможной опасности.

Напротив чиновника — через стол — никто не садился. «Костюмы» делали вид, что им гораздо интереснее стоять и сидеть рядом с проходом, чем по соседству с трусливым начальством. Тревожные взгляды, которыми съемочную группу встретили присутствующие, отбили всякое желание о чем-то спрашивать: было очевидно, что люди напуганы и сами ничего не понимают.

Костя решительно протолкался в дальний угол. Водрузив кофр с камерой на стол, он устроился на широкой скамье. И тут же мысленно пожалел об этом: рядом уселась, уже успевшая прийти в себя, Марина. Которой, разумеется, требовалось излить на кого-нибудь свои

переживания. Причем жертва как раз была полностью готова к «разделке». Костя, зная жесткость, и даже черствость Марины в уличении чужих недостатков, заранее содрогнулся.

— Ну что, Роман Андреевич, — ядовито сказала Марина, — опасность почти миновала, можно начинать придумывать торжественную речь о вашем героизме, с которым вы отстояли поезд, набитый женщинами и детьми...

Костя понимал, что Марину понесло. И что авторитету большого чиновника сейчас наносится сокрушительный удар, который он вряд ли забудет по возвращении в столицу. Тем удивительней оказалась реакция Романа Андреевича.

— Какая же ты дура, — сказал он тихо, но отчетливо. — Ничего не миновало. Все только начинается.

Сказано это было так горько и с таким убеждением, что Марина остановилась на полуслове, а все, кто только что тихо переговаривались и вроде бы ничего не слышали, — разом замолчали. В полной тишине постукивали, судя по звуку, снова замедляясь, колеса вагона. Протяжно засвистел гудок паровоза. Роман Андреевич положил руки на стол и уронил на них голову. Да так и застыл в позе полной безнадежности.

— Не только слушать — смотреть противно! — презрительно сказала Марина, встала из-за стола и протиснулась между «костюмами» в коридор.

На нее смотрели с осуждением, но она проигнорировала все взгляды и уставилась в окно, словно демонстрируя, что в отличие от большого начальника сумела сохранить присутствие духа. И только Костя видел, что опытной самоуверенной репортерше просто нечего больше сказать.

Он перевел взгляд на Наташку. Та смотрела на него большими глазами, но, кажется, не видела. Он подмигнул ей и даже потянулся через стол рукой в ее сторону, но она так и сидела, даже не моргая. Момент для проявления заботы был не самый подходящий, и Костя убрал руку.

Только теперь он осознал, что совсем недавно подвергся самой настоящей опасности. По ногам и спине до сих пор пробегала нервная дрожь, а спину холодила мокрая от пота ткань майки. Теперь слова майора, который рассказывал им о бронепоезде перед экспедицией,

уже не казались ему смешными, а многократный «запас прочности» состава воспринимался, как прозорливая предусмотрительность.

В томительном ожидании прошло несколько минут. Поезд постепенно замедлял ход, но не останавливался.

— Господа журналисты, — прервал его размышления голос Кудыкина. Полковник уже стоял возле двери, ведущей в складской вагон. Лицо его оставалось невозмутимым, несмотря на большое алое пятно, расплывшееся на белых бинтах. — Прошу вас следовать за мной в штабной вагон на совещание. Будете вести хронику событий и все тщательно записывать.

10

Первое удивление от перемены отношения к съемочной группе быстро прошло. В штабном вагоне их ждал губернатор, и лицо его не предвещало ничего хорошего. Он прохаживался из угла в угол, сцепив руки за спиной «в замок», и напоминал хищника в клетке. На угловом диване расположились Ломакин, майор, командующий охраной поезда, какой-то человек в спецовке, видимо представляющий ремонтно-обслуживающий персонал экспедиции, и два человека в костюмах, из числа заместителей губернатора.

— Может быть, вы объясните нам, что здесь происходит?! — немедленно обрушился губернатор на Кудыкина, с каждым словом, впрочем, сбавляя тон. Но увидев входящих следом Марину и Костю, он буквально взбеленился: — А эти что здесь делают?! Полковник, вы в своем уме?

— Насколько я помню, — сухо сказал Кудыкин, — вы совсем недавно говорили, что присутствие журналистов на поезде согласовано с министром. Я командую экспедицией, и с этого момента репортеры тринадцатого канала будут тщательно фиксировать все происходящее. У меня нет желания потом годами доказывать, что я все сделал и сказал именно так, как написано в моем рапорте. Константин, будьте добры включить камеру и начать запись. А вы, Марина, записывайте все, что посчитаете важным, как можно тщательнее.

— Ваше право, — с вызовом сказал губернатор, враждебно глядя на съемочную группу, — но мне кажется, что вы допускаете огромную ошибку. Если информация о том, что здесь произошло, просочится наружу, пострадаю не только я. Ваша голова тоже, знаете ли...

— А вы не волнуйтесь за мою голову, — холодно оборвал его Кудыкин. — Вот выведем состав из Зоны, сдадим раненых в госпиталь — тогда подумаем о головах и карьерах.

— Ну смотрите, дело ваше.

Марина с иронией посмотрела на губернатора и прошла к пустующему креслу. Костя включил камеру и направил на Кудыкина.

— Товарищ полковник, — гундосо проскрипела рация на поясе у Кудыкина голосом машиниста, — никого сзади давно не видно.

Давайте тормознем.

— Тормози, — сказал Кудыкин в рацию. — Но будь наготове.

— Есть!

— Сафроненко, охранение на обзорной поставил?

— Так точно, товарищ полковник, — поднялся с дивана майор.

— Сиди, не до субординации сейчас. Рации людям раздал?

— Так точно, все на одной частоте.

— Отлично. Кто там у тебя за старшего остался?

— Сержант Козлов.

— Козлов, слышишь меня? — спросил Кудыкин в рацию. — Козлов!

— Слышу, товарищ полковник, — чуть прошипев, разродилась рация бодрым голосом сержанта.

— Приказываю открыть хранилище и подготовить спецсредства.

— Есть, взять спецсредства!

— Итак, господа, — сказал Кудыкин, подходя к столу и раскладывая на нем большую топографическую карту, — произошло невозможное. То, чего не могло произойти в принципе. В итоге, мы потеряли двух человек убитыми. Пятеро ранено. Один пропал без вести. Рядовой Ерохин. Вроде бы, сослуживцы видели, как его сбросило с поезда взрывной волной. Итого, восемь человек личного состава выведено из строя. Это, разумеется, самая настоящая беда. Но для того, чтобы беда не превратилась в катастрофу, мы не должны паниковать или совершать необдуманные поступки.

Поезд весьма ощутимо начал тормозить, и Костя присел на край дивана, продолжая снимать Кудыкина.

— Попробую теперь объяснить, что именно случилось, — продолжал тем временем полковник, не спеша прикрепляя карту магнитами к белой металлической доске. — Вот здесь поезд внезапно ушел с единственно возможного пути и оказался на старой ветке, которую мы только планировали начать разведывать в следующем году. Я поговорил с Иванычем — похоже, что там кто-то оборудовал скрытую «стрелку» и даже восстановил пути. Это значит, что поезд атаковали не просто какие-то случайные бандиты. Нападение готовили долго и тщательно. А помощник машиниста был в сговоре с нападавшими. Его еще предстоит допросить, как следует, но главное он уже и так рассказал.

— Товарищ полковник, — прогундосила рация. — У нас ЧП. Помощника машиниста перенесли в лабораторию, как в самое надежное место. Профессор Ломакин сам предложил. Но когда я отошел к другим раненым, помощник машиниста, видимо, очнулся и зачем-то сунул руку в преобразователь напряжения. Откачивали, но ничего сделать не смогли. Помощник машиниста умер от сочетания пулевой и электротравмы.

— Дьявол, — с досадой сказал Кудыкин. — Как сглазил.

— Я ничего не понял про «стрелку», — сказал раздраженно губернатор. — Вы можете объяснить без этих дурацких ребусов?

— Бандиты сумели проложить недостающие рельсы от нашего основного пути до другой уцелевшей ветки дороги, — терпеливо сказал Кудыкин. — И поставили свою стрелку. Мы здесь ездили не один раз, и ничего не видели. Значит, все было хорошо замаскировано. А сегодня они перевели стрелку и пустили состав по своей ветке. Помощник машиниста должен был просто остановить поезд в условленном месте, чтобы штурмовые группы бандитов могли забросать охрану гранатами. Помните, тепловозные гудки? Это помощник подавал сигнал бандитам.

— Не понимаю, — сказала вдруг Марина. — Мы ведь в любом случае остановились бы, обнаружив, что поехали не туда. Зачем эта затея с помощником машиниста?

— Вы наблюдательны. Но вот, смотрите. — Кудыкин наконец расправил карту на доске и принялся показывать кончиком карандаша. — Вот Периметр, вот старая станция, куда мы должны были попасть. Ложная «стрелка» была устроена здесь. С учетом нашей обычной скорости, мы бы остановились примерно здесь. И если раньше тут был заболоченный участок — видите эти обозначения? — то сейчас там, скорее всего, малопроходимые поля аномалий. Поэтому предатель и разогнал сперва поезд. Чтобы мы остановились немного подальше. Примерно тут. На взгорочке. Но мы не дали ему остановить поезд в нужном месте. И забраться к нам на состав штурмовая группа не смогла. Бандиты, правда, все равно нас обстреляли, но и сами получили хороший урок на будущее.

Вслед за протяжным скрипом тормозных колодок последовал толчок, и поезд остановился. В наступившей тишине все начали переглядываться, а губернатор сказал:

— Это все прекрасно. Но что дальше?

— Об этом я и хотел поговорить на совещании, — ответил Кудыкин, — поскольку на борту нашего спецсостава слишком много посторонних людей.

— Надеюсь, вы не планируете нас высадить, — с нервным смешком сказал губернатор.

— Дело вот в чем. — Кудыкин медленно осмотрел всех присутствующих. — Мы можем, конечно, проехать на скорости в обратную сторону. Но если они подорвут рельсы или выведут из строя стрелку — состав уйдет под откос. Поэтому я предпочел бы вызвать подкрепление, немного подождать и только потом осторожно вернуться к развилке. Чтобы с той стороны нас было кому подстраховать. Может быть, я слишком осторожен и бандиты давно разбежались. Но рисковать в сложившейся ситуации я не имею права.

— И долго потребуется ждать? — спросила Марина.

— Думаю, что часа четыре будет вполне достаточно. Я все это вам говорю только для того, чтобы вы осознали: другого варианта нет. Но и ничего страшного в этом нет. Осознали и доходчиво объяснили это всем остальным.

— То есть вы хотите, чтобы мы застряли в этом ужасном месте на несколько часов? — поразился губернатор. — Полковник Кудыкин, у вас самая настоящая крепость на колесах, полно солдат с автоматами, а вы боитесь каких-то уголовников?

— Эти уголовники, — спокойно ответил Кудыкин, — только что сделали по нашему составу два выстрела из гранатомета. По счастью, бронеколпак с орудием необитаем, а лаборатория имеет слишком солидную защиту. Но попади они в складской вагон, вы бы сейчас не говорили мне о моих ресурсах, а лежали бы где-нибудь в тамбуре. И медленно остывали.

— Как вы смеете разговаривать со мной в подобном тоне? — вспылил губернатор. — Немедленно примите меры к возвращению поезда на базу! Я не собираюсь тут ждать! У меня здесь чиновник из министерства между прочим!

— Вот этого я и боялся, — скривившись, сказал Кудыкин. — Послушайте меня внимательно. На этом поезде командую я. И будет здесь только так, как я говорю. Поэтому прошу вас пройти в вагон охраны, объяснить ситуацию нашим гостям. А потом можете

возвращаться. И Романа Андреевича с собой возьмите. Для вас я готов предоставить спальные места в штабном вагоне.

— Вы ответите за это свое самоуправство, — злобно сказал губернатор, бессильно сжимая кулаки.

— А что будет, если мы поедем дальше? — неожиданно спросил Костя, о существовании которого все давно уже забыли.

— Примерно через четыре-пять километров, — впервые подал голос Ломакин, — железнодорожные пути разрушены. У нас есть средства дистанционного контроля, с помощью которых можно оценивать целостность рельсовых ниток на расстоянии до десяти километров.

— Так давайте проверим целостность путей в другую сторону, — сказал Костя. — И если окажется, что дорога цела, — вернемся.

Несколько секунд все молчали, «переваривая» услышанное. Потом Ломакин сказал:

— Молодой человек прав. А я — старый кретин.

Кудыкин, казалось, смутился, а губернатор подошел и пожал Косте руку:

— Молодчина, оператор! Военные даже до такой элементарщины додуматься не смогли.

— Это не совсем элементарщина, — подал голос Ломакин. — Надо будет кое-что перенастроить, хотя это и займет не более получаса.

— Полчаса я готов подождать, — великодушно согласился губернатор.

— И это не исключает риска подрыва путей прямо под колесами состава, — вкрадчиво добавил Кудыкин.

— Знаете что! — «взорвался» губернатор. — Хватит нас пугать! Вызывайте свое подкрепление, но поедем, как только профессор разберется с аппаратурой!

— Вы забываете — здесь командую я, — сдержанно напомнил ему полковник.

— А это ненадолго, — хамовато ответил губернатор. — Как только мы пересечем Периметр, я тут же поставлю вопрос о вашей компетентности в роли руководителя экспедиции!

— Ваше право, но пока...

— Хватит болтать! Включайте свою рацию и зовите подмогу! Это давно уже надо было сделать, вместо того, чтобы лясы точить!

— В Зоне дальняя радиосвязь не действует, — спокойно сказал Кудыкин, но Косте показалось, что полковник сдерживается из последних сил, и он даже слегка испугался, что прямо здесь и сейчас губернатора могут арестовать, а то и стукнуть прилюдно в глаз. — Сигнал бедствия сейчас подадим.

Полковник открыл высокий металлический шкаф, в котором обнаружились ряды автоматов, закрепленных в вертикальном положении, и стопки снаряженных магазинов, и вытащил с верхней полки несколько сигнальных ракет.

— Товарищ майор, товарищ полковник, — в шуме и треске помех «ожила» рация. — Видимость падает, туман! Какие будут указания?

— Проклятье, — выругался Кудыкин. — Господа, возвращайтесь в вагон охраны. Поверьте: все будет сделано наилучшим образом и никому ничего не угрожает. Сейчас мы подадим условный сигнал и можно будет вообще никуда не двигаться.

Быстрым шагом Кудыкин двинулся в дальний конец вагона. Немного помедлив, Костя выключил камеру и поспешил следом. Перед выходом в тамбур, соединяющий штабной вагон с лабораторией, наверх уходила почти вертикальная металлическая лестница. Полковник ловко поднялся по ней и откинул в сторону потолочный люк. Костя полез следом и оказался на совсем небольшой обзорной площадке штабного вагона.

Поезд стоял посреди леса. Когда-то здесь справа и слева от железнодорожного полотна деревья были вырублены человеком, а теперь, судя по всему, какая-то другая сила не подпускала древесное воинство слишком близко к рельсам. Вокруг виднелись следы многочисленных пожаров, лежали тонкие деревца, разбитые в щепу и успевшие превратиться в странные длинные гнилушки, но молодая поросль продолжала в изобилии расти вдоль незримой границы аномального поля. Солнце над головой тонуло в белесой мути, а в той стороне, откуда поезд недавно пришел, неспешно плыли над самой землей неряшливые белые клочья тяжелого тумана.

На обзорной площадке, помимо Кудыкина, находилось двое солдат. К тому моменту, когда Костя, осмотревшись, включил камеру и начал съемку, полковник уже успел с ними о чем-то переговорить и

взялся за ракеты. В абсолютной, какой-то первобытной тишине, три красные ракеты с гулким шипением, разбрызгивая искры, одна за другой ушли в мутное небо.

— Их должны увидеть возле Периметра? — спросил Костя, подходя к полковнику поближе.

— Должны, — мрачно сказал Кудыкин, и Костя пора-зился перемене в лице руководителя экспедиции.

— Что-то не так? — спросил он и поспешил добавить, видя настороженный взгляд Кудыкина: — Я ничего никому не скажу.

— Видишь, туман? А теперь посмотри, как становится темно. Это очень плохо, не может сейчас темнеть, если все в норме. Придется возвращаться, не ожидая подмоги. Надеюсь, губернатор будет доволен.

— Товарищ полковник, — тихо позвал Кудыкина один из солдат. — Послушайте. Какой-то странный звук из тумана идет. Словно бы поезд...

— Я ведь уже говорил про дурацкие сплетни эти, — с досадой сказал Кудыкин. — Как бабки на скамейке: призраки, кругом призраки!

— Слушайте!

Из тумана, с той стороны, откуда бронепоезд приехал менее получаса назад, отчетливо донесся металлический лязг и гул, словно где-то рядом действительно медленно двигался поезд.

— Что за черт? — озадаченно сказал Кудыкин, вглядываясь в стену тумана.

Костя направил в ту же сторону камеру и включил запись, надеясь записать странные звуки. Стало еще темнее. И в этих несвоевременных сумерках мерещилось что-то пока незримое, но угрожающее.

— Может, это уже помощь прислали? — неуверенно спросил Костя, явно ни к кому не обращаясь.

Словно в ответ из стены тумана медленно выплыл черный профиль орудийной башни, за которым просматривался контур большого тепловоза.

— Поезд-призрак! — ахнул один из солдат.

И столько было неподдельного ужаса в его словах, что Костя поневоле ощутил, как морозным холодом пробирается вдоль

позвоночника колючий страх. Кудыкин тоже, казалось, оцепенел, но, к счастью, его растерянность длилась недолго.

— Все по местам, боевая тревога! — рявкнул он в рацию и повернулся к солдатам и Косте: — Быстро все вниз!

Но еще до того, как нырнуть в бронированное брюхо вагона, Костя успел заметить, как шевельнулось орудие на башне поезда-призрака.

11

— Слушай, Ерохин, — ефрейтор Хиженков поправил автомат, висящий на плече. — А если бронепоезд атакуют, что тогда?

Ерохин посмотрел на товарища и тяжко вздохнул.

— Бронепоезд? Атакуют?

— Ну, да...

— Объясни: каким придурком надо быть, чтобы «прыгать» на охраняемый состав? Мародеры на такое вряд ли пойдут — силенок не хватит. Сталкеры — тем более.

— Ну, а все-таки, — не унимался Хиженков. — Не зря же нас тут собрали, да еще и в таком количестве.

— Ясен пень, что не зря. Вон, сколько начальства понаехало: и пресса, и секретари, и замы. Вон того видишь? — Ерохин кивнул на человека в однотонном сером костюме, который напряженно всматривался вдаль, стоя у заградительных перил смотровой площадки. — Большая шишка. Цельный зам кого-то там еще более крутого. Так боится, что даже телохранителей с собой притащил. Придурок.

Состав неторопливо постукивал колесами на стыках старых рельс. Благодаря высокой железнодорожной насыпи, он словно летел над полем, покрытым желтым травяным ковром с редкими островками деревьев. Вдали, темной размытой линией, закрывающей горизонт, виднелся лес. Осеннее солнце светило ярко, обещая хорошую, — что в Зоне редкость, — погоду.

Разномастная публика, собравшаяся на обзорной площадке вагона, что-то активно обсуждала, но в целом выглядела достаточно праздно. Тем не менее, даже на таком расстоянии хорошо ощущалось общее эмоциональное возбуждение — Зона все-таки вокруг. Настоящая!

— Что, заняться нечем? — полковник Кудыкин будто материализовался из воздуха, и солдаты вытянулись по стойке «смирно». — Отправляйтесь вниз, принесите со склада патронов для пулемета. Сколько вдвоем унесете. Начальство желает стрельбами побаловаться.

Вслед за ефрейтором Хиженковым Ерохин спустился в складской вагон.

— Погоди, — сказал Хиженков, — за журналом отпуска боеприпасов схожу сначала.

Ерохин кивнул, посмотрел на двух молодых бойцов, стоявших возле лестницы, отошел по коридору в глубь вагона и забрался на полупустой стеллаж. Все равно Хиженков минут десять ходить будет.

Пользуясь случаем, в голову нагло полезли всякие неприятные мысли. И дернул его черт напроситься в роту охраны бронепоезда. Ведь сам себе клялся, что в Зону больше ни ногой. Что сталкерская карьера завершена и, как минимум, года два ему за периметр хода нет. Ан нет, нашел себе лазейку, обманул сам себя — сперва подписал контракт на военную службу в батальон охраны Периметра, а уже оттуда, как-то незаметно, записался добровольцем охранять бронепоезд. Не отпустила его Зона, даже спустя много месяцев. Посмотрела на придуманную им спокойную дорожку по жизни, хитро улыбнулась, да и нашла для него запасной путь.

Вдруг поезд ощутимо качнулся и начал забирать вправо. Ерохин чуть не свалился со стеллажа, лишь в последний момент ухватившись за стойку. Крепко выругавшись, солдат с недоумением посмотрел в узкое оконце. Железнодорожная ветка, по которой они ездили чуть ли не раз в три дня, осталась слева, а бронепоезд ехал по какому-то совершенно новому пути. Которого раньше здесь просто не было.

С обзорной площадки чуть ли не бегом спустился машинист и ринулся через тамбур и вагон охраны к тепловозу.

— Это что за фигня? — удивился Ерохин.

Поезд качнулся и начал набирать ход. Колеса застучали быстрее. Лес незаметно обступил состав. Казалось, коричневые стволы деревьев были повсюду, мелькали там и тут, сливаясь в одну сплошную стену.

Сверху спустилась столичная журналистка со своим оператором и устроила короткий, но эффективный допрос двум молодым солдатам. Ерохин аж заслушался. Но потом пришел полковник Кудыкин и все испортил. Попадаться ему на глаза не стоило, и Ерохин затаился среди стеллажей.

На обзорную площадку быстро поднялся один из телохранителей большого начальника. За ним по пятам почти бежали двое ребят из

второго взвода.

Вдруг поезд начал замедлять ход — заскрипели тормозные колодки, а тело потянуло вперед.

Взрыв на платформе разорвал тишину как тряпку.

Это было абсолютно неожиданно, да и практически невозможно, но рефлексам было плевать на то, что там себе напридумывала голова. Руки сами схватили автомат, а ноги вынесли Ерохина вверх по лестнице из безопасного вагона на открытую всем ветрам обзорную площадку.

Град пуль буквально обрушился на поезд. Гости закричали. Взревел полковник Кудыкин, приказывая всем лечь на пол. Вдоль железнодорожных путей замелькали силуэты в камуфляжной одежде.

Дав неприцельную очередь по нападающим из автомата, Ерохин заметил обмякшего у станка пулеметчика. Тогда он бросился к пулемету, развернул тяжелый ствол и открыл огонь по вспышкам выстрелов, хорошо видимым на темном фоне леса.

«А ведь прав был Хиженков, зараза такая, — пронеслось в голове солдата. — Напали, не спрашивая, возможно ли такое вообще».

Тем временем ситуация становилась все хуже и хуже: гости бросились к лестнице — единственному пути к спасению от пуль и осколков. Образовалась давка. Кто-то покатился вниз по ступенькам. Полковник, бледный как смерть, что-то кричал в рацию.

Поезд начал набирать ход, уходя от бегущих за ним по шпалам людей. Ерохин злорадно усмехнулся, но в этот момент рядом с ним раздался резкий хлопок. Взрывная волна подхватила Ерохина и, словно щепку, перенесла через перила ограждения. Падение с такой высоты гарантировало смерть, даже если ни один осколок не попал бы в цель. Но, видно, в этот момент ангел-хранитель как раз решил поцеловать своего подопечного в макушку: вместо земли под ним «спружинила» безобидная, но временами вредная аномалия, которую все звали «батут». Ерохина мягко затормозило, а потом отбросило в сторону, едва не закинув под колеса проходящего вагона. Но ангел-хранитель и тут не подкачал — уберег. Удар о землю, казалось, расплющил Ерохина в лепешку, но сознание он потерял не сразу. Перед тем, как темнота охватила его, он успел увидеть, как бронированный состав медленно скрывается за поворотом.

«С возвращеньицем, сталкер Связист», — сказал он сам себе и отрубился.

12

Ерохин открыл глаза и еле сдержался, чтобы не взвыть — голова чуть не лопнула от боли. Рядовому казалось, что еще немного, и его череп треснет, как спелый арбуз. Все тело болело, время от времени по спине пробегала дрожь. Но особенно сильно ныло плечо.

Солдат попытался пошевелиться и не смог. Видимо, он давно был связан по рукам и ногам — пальцы онемели от недостатка крови. Ерохин поерзал на месте, устраиваясь поудобнее и заодно разминая затекшие конечности.

В горле запершило. Рядовой прокашлялся и сплюнул густую тягучую слюну.

— Очнулись, молодой человек? Как самочувствие? — раздался хриплый старческий голос где-то справа. Повернуть голову и посмотреть, кто говорит, у Ерохина не было ни сил, ни желания.

— Не фонтан, — ответил он. — Где мы?

— В плену. У бандитов. В вагоне у железнодорожной станции... эх, запамятовал название. Впрочем, не суть...

— Стоп, — тихо сказал солдат, медленно сжимая и разжимая кулаки. — Какого хрена здесь делают бандиты? Мы тут ездим каждый день и... И вообще, какой, на фиг, плен? Как я сюда попал? Я ничего не понимаю.

— Так вы что же, ничего не помните? — удивился собеседник. — Вас притащили сюда сегодня утром. Вы были без сознания. Долго ворочались, бормотали о бронепоезде и звали некого Хиженкова.

В голове солдата всплыла картина атаки на бронепоезд: скоротечная перестрелка, взрыв, сильный удар и тьма...

— Не продолжайте, — попросил Ерохин. — Кажется, начинаю припоминать. А вы кто будете?

— Я — Версоцкий Александр. Доктор психологических наук. Прибыл в Зону с группой ученых для исследования одной крайне занятной аномалии.

— Ну, а сюда-то вы как попали?

Ученый тяжело вздохнул:

— После всех проведенных опытов, которые, к огромнейшему моему сожалению, не увенчались успехом, мы собирались к отъезду. Бронетранспортер ждал нас в нескольких километрах от лагеря. Но до него мы добраться не успели. Началась стрельба. Я и мой коллега, вечная ему память, притворились мертвыми, но когда бандиты принялись добивать раненых, мы сдались в плен. К сожалению, по дороге сюда мой товарищ по несчастью погиб в аномалии вместе со своим конвоиром. Хотел сбежать да забыл, где мы находимся. И бандит, что за ним погнался, видимо, тоже забыл.

— Как бандиты, пусть и хорошо вооруженные, могли положить отряд военсталов? Я ведь знаю, как охраняют ученых, — усомнился Ерохин.

— Я долго думал на эту тему и пришел к единственному возможному выводу: уничтожить отряд охраны могли только наемники, — последние слова ученый произнес шепотом.

— Слышь, яйцеголовый, — раздался грубый голос откуда-то с другой стороны. Солдат повернул голову на звук: скрытый полутьмой, возле стены, приподнявшись на локте, лежал человек. — Я тебе щас челюсть сломаю и глаз на жопу натяну! Наемники никогда не работали на бандитскую шваль. И вообще, заткнитесь оба. Я спать хочу.

— Эй, умник, — произнес Ерохин, удивленный такой наглостью. — Ты мне руки развяжи, я тебя быстро спать уложу. И пикнуть не успеешь.

— Чё?

— Через плечо! Колыханка кончилась. Хлебало завали и баиньки.

— На работе поговорим, — зло пообещал неизвестный и умолк.

— На какой еще работе? — удивился солдат.

— Пренеприятнейшая история. Впрочем, сами все увидите, — тихо произнес Версоцкий.

— Ладно, — пожал плечами рядовой и сморщился от боли. — Так, на чем мы с вами остановились, профессор?

— На наемниках... — неуверенно ответил тот.

— Ах да! Что же, вполне дельная мысль. Давно Зона глобальных зачисток не видала. Развелось всякой швали, — вздохнул солдат и опять сплюнул.

— А вы, простите, не знаю имени...

— Можно пока без имени. Рядовой Ерохин.

— Ерохин, значит. И как же вы сюда попали, рядовой?

— По глупости, — сказал солдат. — Напросился в охрану бронепоезда...

— Да-да, слышал, — перебил рядового ученый. — Несколько последних дней бандиты только и говорили об атаке на состав научной экспедиции. Все суетились, бегали туда-сюда. На взводе были, в общем. Васильев — ихний проводник, говорил, что они два месяца операцию готовили. У них здесь даже тепловоз есть, представляете? Восстановили рельсы и ездят, как ни в чем не бывало. И вот сегодня утром штурмовая группа погрузилась на этот тепловоз и уехала. Теперь понимаю — куда именно.

Васильев. Фамилия, прозвучавшая у профессора как прозвище, показалась знакомой.

— Тепловоз? Свой? Здесь? — Ерохин нахмурился. — Профессор, скажите, что вы шутите.

— К сожалению — нет. У бандитов действительно имеется свой тепловоз, с установленной орудийной башней. Правда, самодельной. Я даже принимал участие в ее сборке, когда только попал сюда.

— Ох-ре-неть! — медленно, чеканя каждый слог, произнес солдат и замолчал.

— Так вы говорите, что были на том самом бронепоезде? И что же, в каком состоянии он был в момент нападения?

— Да, все нормально, — сказал Ерохин, пытаясь уложить в голове сказанное Версоцким. — Уехал. Это только мне не повезло.

— Странно, что правительство дало «зеленый свет» на подобную экспедицию в Зону, — сменил тему профессор. — Ведь всего десять лет прошло после катастрофы в лаборатории номер сорок два. Погибли люди, дорогостоящее оборудование пришло в негодность. Тогда вроде бы окончательно поставили крест на организации масштабных экспериментов в Зоне.

— Вы о чем? — вяло откликнулся Ерохин, продолжая обдумывать новую информацию. — Ни про какую лабораторию я не слышал. И никаких экспериментов у нас не планировалось. Это вообще была рекламная, по сути, поездка. Там, конечно, есть вагон-лаборатория, но Ломакин ни про какие эксперименты заявки не подавал.

— Ломакин, — глаза Версоцкого остро блеснули. — Знакомая фамилия. Хотя здесь, в Зоне, столько ученых находится — не

удивительно. Ну ладно. Так вы недоговорили. Зачем вы отстали от своего бронепоезда?

— Я не отстал, — нехотя буркнул Ерохин, догадавшись, что имеет в виду «яйцеголовый». — Бандиты атаковали наш бронепоезд, и меня взрывной волной сбросило с вагона. Чудом жив остался.

— А зачем же вы на вагон полезли? — удивился Версоцкий.

— На вагонах бронепоезда, сверху смонтированы обзорные площадки, — объяснил Ерохин. — Профессор, а что бандиты сказали, когда меня сюда приволокли? Захватили они бронепоезд?

— Ничего не сказали, — ответил профессор. — Но рассуждая здраво, если бы захватили, мы бы их радость здесь точно услышали. И пленных было бы намного больше. Правда, их тепловоз пока не вернулся, так что...

— Понятно, — помрачнел Ерохин при мысли, что вскоре чужой тепловоз еще может привезти трофеи и массу пленных людей из состава экспедиции.

От мрачных мыслей следовало срочно отвлечься, и он попросил:

— Расскажите, что здесь происходит. Не зря же нас тут собрали?

— Вы правы — не зря. Днем мы работаем на АПке, а вечером сидим тут, в этом вагоне. А вчера я случайно услышал, что бандиты собираются переправить нас за Периметр и вроде бы продать на органы, — голос ученого заметно дрогнул.

— Ништяк, — прокомментировал Ерохин. — Всегда мечтал пахать на бандитов, а потом быть выпотрошенным и распроданным на пирожки.

— Пирожки! Зюзя хочет есть. Зюзя голоден, — где-то в темноте сказал, судя по голосу, совсем молодой парень.

Это прозвучало так неожиданно, что рядовой дернулся и тут же скривился от боли в плече.

— Это еще кто? — спросил он, вглядываясь в темноту.

— Эх, — вздохнул Версоцкий. — Это и есть цель нашего эксперимента.

— Поясните, профессор.

— Понимаете, в чем дело... Пару месяцев назад к нам в руки попала очень занятная документация о свойствах некоторых пси-аномалий. Согласно документам, они способны многократно

расширить психические способности человека. Представляете, какой это прорыв в науке?

— Не представляю, — честно сказал Ерохин. — Но знаю, что делают с человеком эти ваши пси-аномалии. Это похуже контролера будет.

— Человек использует возможности своего мозга меньше чем наполовину, — словно не слыша рядового, вдохновенным голосом сказал Версоцкий. — Сейчас же нам предоставился уникальнейший шанс простейшей процедурой резко увеличить производительность головного мозга! Представляете, что это значит?

— Вы повторяетесь. Ближе к делу, — сухо сказал Ерохин, на глазах у которого когда-то пси-аномалия уничтожила целую группу молодых сталкеров.

— Мы разработали прибор, позволяющий активировать аномалию на большом расстоянии. Чтобы на человека производилось минимальнейшее воздействие. Все было рассчитано, насколько это вообще возможно. Доброволец получал микроскопический пси-удар, после чего его способности подвергались объективным и субъективным измерениям. Мы нашли молодого сталкера, готового рискнуть за приличную сумму денег. К сожалению, парень был нетерпелив. Ощутив прилив уверенности после первого контакта с аномалией, он слишком близко подошел к ее эпицентру. А остановить его мы не успели.

— Да уж, — протянул рядовой. — Вот компашка подобралась: ученый, наемник и шизанутый сталкер. Профессор, про совесть говорить не буду — все понятно и так. Но, как вижу, Зона отплатила вам той же монетой. Не удивлюсь, если бандиты перед тем, как вытащить из вас ливер, отведут вас в пси-аномалию.

— Не стоит ёрничать. Возможности головного мозга до конца...

— Слышь, умник, — послышался голос наемника. — Харэ трепаться. Запарил уже своей производительностью мозга. Маньяк яйцеголовый.

За стеной завыл ветер, а следом по крыше забарабанил дождь. Вдалеке кто-то закричал, раздался громкий хлопок, и крик оборвался.

«Вот оно значит как, — подумал Ерохин. — Бандиты захапали старую железнодорожную станцию и держат здесь пленных, которых потом продают за Периметр на органы. Умные, твари: знают, что в

Зоне никто их искать не будет, вот и творят беспредел. Да еще и тепловоз этот... Ну ничего, я им так просто не дамся».

Свернувшись калачиком, Ерохин закрыл глаза. Он давно научился ни о чем не думать, когда ложился спать, благодаря чему засыпал очень быстро.

13

В штабном вагоне уже почти никого не было. Только Марина с недоумением смотрела на Кудыкина, который уселся в кресло перед массивным стеллажом.

Полковник нажал какую-то кнопку, и стеллаж принялся трансформироваться в самый настоящий центр управления — с экранами, куда выводилась «картинка» из разных вагонов, селекторной связью, джойстиками неизвестного назначения и даже портативным блоком сплит-системы.

— Сафроненко, — говорил он в изогнутый микрофон, появившийся из фальш-стены, прикрывающей стеллаж. — Лично проверь, чтобы каждый боец находился на месте согласно боевого расписания. Подготовь разведывательную группу. И ко мне потом иди.

Одновременно он успевал нажимать на какие-то кнопки и просматривать ряды цифр на черно-зеленом дисплее, висящем в центре стеллажа.

— Что происходит? — тревожно спросила Марина у Кости.

— Сзади нас — еще один поезд, — сказал Костя Марине на ухо. — С пушкой. Но думаю, что Кудыкин эту информацию сейчас живо засекретит.

— Константин, — громко сказал Кудыкин со своего места, — не вздумай трепать о том, что видел наверху.

— Тут губернатор хочет вас срочно повидать, — отчетливо сказал голос Сафроненко в динамике селектора.

— Нет, я ни с кем сейчас разговаривать не буду, — быстро ответил Кудыкин. — Объясни губернатору, что мы снова вошли с огневой контакт с противником. Некогда мне его претензии выслушивать.

— Он просит чиновника из министерства забрать в штабной вагон. А сам, со своими людьми готов остаться в вагоне охраны.

Кудыкин сделал паузу, несколько секунд глядя в монитор справа от себя.

— Я бы тоже от этого паразита постаралась бы как можно быстрее избавиться, — сказала Марина.

— Ладно. Отправляй большого начальничка сюда. Вместе с телохранителями и секретаршей, — принял решение Кудыкин.

И, отпустив кнопку связи, добавил:

— Заодно и санитарами поработают, если что.

Откуда-то снаружи донесся отчетливый, хоть и явно далекий, гудок тепловоза.

— Откуда здесь второй бронепоезд, товарищ полковник? — требовательно спросила Марина. — Или вы готовы признать, что и сами не все понимаете в происходящем?

— Марина, уж сейчас-то вы можете помолчать? — отозвался Кудыкин. — Или вас посадить под арест, пока мы отсюда не выберемся?

— Не надо меня под арест, — покладисто сказала Марина, — но пообещайте, что, когда все закончится, вы ответите на все мои вопросы.

— Нет, — отрезал полковник.

— Что ж, я должна была попробовать, — сказала Марина Косте.

— Константин, иди сюда, — сказал вдруг Кудыкин. — Нужна твоя консультация, как специалиста. Ты ведь все время видео монтируешь, глаз должен быть наметан. Посмотри. Ты что-нибудь понимаешь?

Один из экранов демонстрировал лес справа и слева, мутную стену тумана в центре, с уходящими в нее рельсами, и неподвижный вагон чужого поезда, плохо видимый из-за серо-беловатой дымки. Камера заднего вида?

Костя замер, внимательно изучая достаточно четкое изображение. Он давно научился с первого взгляда замечать все основные детали в кадре.

— Ну? — требовательно спросил Кудыкин. — Что скажешь?

— Это не военный поезд, — уверенно сказал Костя. — Такое впечатление, словно хулиганы угнали товарняк и построили сверху баррикаду.

— Абсолютно верно, товарищ оператор, — сказал Кудыкин. — Какая-то фигня, а не бронепоезд. Точнее, обычный старенький тепловоз. Однако же пушка имеется.

В этот момент открылась дверь, ведущая в соседний вагон, и в дверном проеме появился телохранитель Вадик. Роман Андреевич

понуро брел позади телохранителя, а следом звонко цокала каблучками Наталья.

— Сразу туда проходим, — жестким, не терпящим возражений голосом сказал Кудыкин, показывая пальцем в глубь вагона. — Там два спальных отсека. В них абсолютно безопасно. Для большей надежности рекомендую пристегнуться ремнями. Главное — сюда даже нос не суйте без разрешения.

— Ясно, — буркнул на ходу Вадик.

Роман Андреевич прошел мимо Кудыкина даже не повернув головы. Зато Наталья так жалобно посмотрела на Костю, что у того словно аж что-то оборвалось внутри.

Замыкал процессию Миха. Он явно хотел задержаться и о чем-то спросить, но Кудыкин помотал головой и понятливый телохранитель без единого звука скрылся вслед за остальными в спальном отсеке.

— Так откуда этот тепловоз взялся, полковник? — подала голос Марина.

— Понятия не имею, — неприязненно сказал Кудыкин. — Меня сейчас больше интересует, чего он хочет. Судя по всему — это бандиты. Предположим, они нас заперли здесь. Ну и что дальше?

Словно в ответ на его вопрос, рядом с чужим поездом появилась фигура в бесформенной мешковатой одежде. Лицо человека было прикрыто темной повязкой. В руке он держал кривую палку с привязанной к ней белой тряпкой.

— Ух ты, — с веселой злостью сказал Кудыкин. — Переговорщик. Сейчас будет делать предложение, от которого сложно отказаться.

— Товарищ полковник, наблюдаю человека с белым флагом. Какие будут указания? — прогундосил динамик.

Кудыкин нажал кнопку селектора:

— Наблюдать. Без команды не стрелять. Сафроненко, отправь к этому клоуну бойца пошустрее.

Вскоре в поле зрения камеры появился небольшого роста солдат, уверенно идущий по шпалам в сторону чужого поезда. Заметив его, парламентер бросил белую тряпку и зашагал навстречу. Несколько минут они о чем-то оживленно переговаривались, а затем солдат резко развернулся и тяжело побежал обратно. Переговорщик от бандитов, напротив, шел вразвалочку, явно ощущая свое превосходство в сложившейся ситуации.

— А ну пальните в воздух, — скомандовал Кудыкин, нажав кнопку селектора. — А то эта гнида совсем себя вольготно чувствует.

Гулкая очередь из пулемета произвела на парламентера должное впечатление — он тоже бросился бежать под прикрытие своего поезда.

Вскоре раскрасневшийся и запыхавшийся солдат уже стоял перед Кудыкиным и докладывал суть предложений, сделанных парламентером от бандитов.

— Мы должны покинуть состав и перейти без оружия на поезд вольных сталкеров. Так они вроде бы себя называют. Тогда нам гарантируют жизнь. А через месяц выведут за границу Зоны и отпустят на все четыре стороны.

— Да они что, за дураков нас держат? — возмутился Кудыкин. — Выяснилось, что у бандитов целый поезд по Зоне ездит. А мы там, снаружи, ни сном, ни духом об этом. Да если хоть один из нас наружу выберется и расскажет об этом, спецназ прочешет каждый сантиметр, но базу бандитскую найдет.

— Еще он сказал, — продолжил говорить, как ни в чем не бывало, солдат, — что у нас на принятие решения есть не больше часа. После этого они нас возьмут штурмом и всех перебьют. И еще, что торговаться им некогда. Поэтому, либо мы через полчаса выходим безоружные, либо они начинают штурм. А еще, что на подкрепление мы можем не рассчитывать — искать нас будут совсем в другом месте. Да и начнут еще не скоро.

— Все ясно, — сухо сказал Кудыкин. — Молодец, справился на отлично. Отправляйся на свое место.

Солдат откозырял, повернулся и вышел.

— Господа, — обратился Кудыкин к Марине и Косте. — Сейчас здесь начнется военное совещание. Вам, как лицам гражданским, я рекомендую переместиться в спальный отсек, поближе к солнцеликому Роману Андреевичу и его прекрасной секретарше.

— А вот это вы напрасно, товарищ полковник, — сказала Марина. — От кого вы все время все секретите? Мы с вами в одной лодке. Записываем, между прочим, все ходы. Всегда пригодится для анализа, особенно если сразу не будет найдено верного решения.

Кудыкин недобро посмотрел на репортершу, потом неожиданно смягчился и кивнул головой:

— Вы правы, оставайтесь.

Совещание, на котором присутствовали Сафроненко, как заместитель начальника экспедиции, губернатор, Ломакин, в качестве представителя научной мысли, и машинист тепловоза, быстро зашло в тупик. Все сразу сошлись во мнении, что сдаваться не только глупо, но и абсолютно бесперспективно, но что делать дальше — никто толком сказать не мог.

— Справа и слева от нас аномалии, правильно Феоктист Борисович? — обратился Кудыкин к Ломакину.

— Совершенно верно, — с готовностью подтвердил тот. — Сплошные аномальные поля — пройти по ним может решиться только самоубийца.

— Отлично. Значит, мы уязвимы только со стороны тепловоза, — бодро сказал губернатор, демонстрируя, что он здесь находится не просто так. — Значит, все силы надо бросить на укрепление задней части поезда. Перенести туда тяжелое оружие. И вообще. Сколько у вас солдат, полковник Кудыкин?

— То, что пройти через аномальные поля нельзя, — это хорошо, — словно не слыша губернатора, произнес Кудыкин. — Но стрелять-то через них можно?

— Безусловно, стрелять можно, — сказал Ломакин. — Ведь хотя на траекторию пули аномалии могут влиять, при известной плотности огня это не будет иметь особого значения. Будет просто очень много хаотично летящих пуль. И находиться на крыше все равно будет опасно.

— Вот и я о том же, — сказал Кудыкин. — Если бы я брал штурмом наш бронепоезд, мои стрелки долбили бы по нему со всех сторон. А в это время штурмовая группа пыталась бы пробраться с взрывчаткой под вагоны.

— Если прицельный огонь затруднен, можно прикрыть пулеметчика на крыше запасными бронепластинами с бортов вагонов, — подал голос Сафроненко. — Прикрепить их к станку «коробочкой» так, чтобы пулеметчик вращал их вместе со стволом. Получится отличное прикрытие с боков. Тогда он сможет эффективно давить своим огнем любые незащищенные цели.

— Хорошая идея. За какое время сможете собрать защиту? — сразу же отреагировал Кудыкин.

— Если прямо сейчас начнем — успеем. Конструктивно все готово — как собрать конструктор. Даже листы брони на крыше лежат с прошлого ремонта.

— Тогда давай сразу берись, — скомандовал Кудыкин. — Чтобы оба пулемета на крыше были готовы к бою. Солдат не бери — у нас полно гражданских для такой работы. Губернатор, вы позволите?

— Конечно, забирай их всех, все равно толку от этих бездельников никакого, — тут же ответил губернатор.

— Сколько нам надо продержаться до прихода помощи, полковник? — спросила Марина, как только Сафроненко вышел из вагона. — Только честно.

— Да, давай предельно честно, полковник, — подключился губернатор. — Мы тут все люди взрослые.

— Стрельба никого не взволновала — спасибо за это вам, Вадим Сергеевич. Зато поохотились от души. Часа через три нас наверное хватятся, — начал загибать пальцы Кудыкин. — Еще пару часов подождут «на всякий случай». Потом начнут готовить запасной бронированный тепловоз. Это еще часа два. Поисковые группы выдвинутся, конечно, раньше, но им идти далеко.

— То есть, в лучшем случае, только часов через шесть подмога сможет подойти? — с легким испугом спросила Марина.

— Вы сами просили предельно честно, — сухо ответил Кудыкин. — И должен вас поправить: через шесть часов поисковая подвижная группа на тепловозе всего лишь проедет в сторону станции. Нас они даже не увидят. В лучшем случае, услышат, что где-то в окрестностях идет бой.

— Это вот такая у вас абсолютная безопасность на маршруте? — внезапно «вскипел» губернатор.

— Реальная помощь придет только ближе к ночи, — закончил свою мысль Кудыкин. — Очень сильно ближе. Из хорошего могу сказать, что у нас надежные бронированные вагоны, достаточно оружия и боеприпасов. Если сумеем не подпустить бандитов со взрывчаткой под колеса — уже сегодня ночью вы будете спать в своих кроватях.

— И как же нам защитить колеса? — спросил губернатор.

— Внимательно следить за противником, — ответил Кудыкин. — И первым делом необходимо обеспечить наблюдение под вагонами.

Феоктист Борисович, выдели кого-нибудь из своих смонтировать снизу камеры и подключить к общей шине данных. Это же конструктивно было предусмотрено? Насколько помню, сняли их оттуда три месяца назад из-за того, что они быстро портились во время движения из-за песка и мелких камней.

— Хорошо, — коротко отозвался Ломакин.

— Я могу помочь, — вызвался Костя, чем заслужил одобрительный взгляд со стороны губернатора.

— Поставим наблюдателей со снайперками на крышу. Ну, и как крайний вариант, — продолжал Кудыкин, — держать тепловоз «под парами» и если что — сразу отъезжать назад. Сможешь, Иваныч? Чтоб по команде — резко дернуть вперед? Секунд тридцать у тебя будет гарантированно.

— Да чего ж не смочь-то? — степенно ответил машинист. — Главное, чтобы связь не подвела.

— Да, связь надо дополнительно продублировать, — сразу же встрял губернатор.

— У нас и так четыре резервных канала, — сказал Кудыкин. — Просто надо включить их все. Так, что еще? Надо выставить наружное боевое охранение. То, что нам якобы дали час — еще ничего не значит. Но этим я сам займусь.

Через несколько минут совещание закончилось и все разошлись по своим местам.

Марину Кудыкин посадил писать бортовой журнал бронепоезда, а сам взял двух солдат и куда-то ушел. Сверху раздавался грохот — свита губернатора под присмотром Сафроненко пыталась установить защиту для пулеметчиков.

Костя заглянул в вагон-лабораторию, но осмотреться ему там не дали, сразу вручив два толстых цилиндра камер с замысловатыми шарнирными креплениями. Все, что он успел заметить, это множество экранов, покрытых паутиной графиков и рядами цифр.

Открыв дверь вагона, Костя быстро осмотрелся и лишь потом спрыгнул на покрытую короткой травкой с круглыми листиками насыпь. Пространство между вагоном и лесом показалось ему странным образом похожим на бок огромного больного животного. Высокая трава, перемежаясь с низким колючим кустарником, росла неровными пятнами-клочками, то сходя на нет вблизи от блестящих

земляных пятен-лишаев, то окружая концентрическими линиями-волнами невзрачные холмики, а то стелясь вдоль земли, словно прижимаясь к ней под порывами ветра. Остро пахло свежескошенной растительностью и озоном. А забравшись под вагон, Костя ощутил и запах креозота, которым даже после стольких лет продолжали пахнуть старые шпалы.

— Давай сюда, — сказал один из научных сотрудников, появляясь в пространстве под вагоном и показывая пальцем на металлические скобы. — Вот крепеж для одной камеры. А вон там — для второй. Вот, в чемодане, шуруповерт. А я пока магнитные датчики подключу.

Бандиты предприняли штурм минут за пятнадцать до окончания оговоренного срока. Костя как раз только закончил крепить последнюю камеру и уже собирался вылезать из-под вагона, как вдруг, совсем недалеко резко хлопнуло и тут же со всех сторон затрещали автоматы. От неожиданности Костя выронил шуруповерт. Вокруг раздавался пронзительный звон и грохот, что-то неразборчиво кричали люди, вскоре послышался еще один мощный хлопок, и по пространству вокруг вагона принялось бродить гулкое эхо.

Едва придя в себя, Костя с ужасом обнаружил, что человек, с которым он только что работал бок о бок, лежит неподвижно рядом с вагоном, а на его спине расплывается огромное красное пятно. На фоне темного леса сверкали огненно-красные вспышки, а совсем недалеко, буквально в каком-то десятке метров, прямо в воздухе непонятно откуда рождались снопы искр и облачка дыма.

Потом с крыши бронепоезда загрохотал пулемет, разом перекрыв звуки боя. И сидеть внизу, между колесных пар, стало совсем невыносимо. Косте вдруг показалось, что поезд сейчас тронется, и он, не помня себя от страха, выбрался из-под вагона и быстро полез по лесенке, чтобы оказаться побыстрее под защитой надежной брони.

Краем глаза он видел людей, что мечутся где-то в районе тепловоза, но разглядывать их даже не пытался — инстинкт самосохранения гнал его вверх по лестнице, которая вдруг закончилась закрытой дверью. Он повернул голову направо и вдруг понял, что отчетливо видит часть вражеского тепловоза. Считанные мгновения он, словно парализованный, смотрел на размытый силуэт чужого поезда, как вдруг мощная вспышка подсветила контур уродливого паровоза, а громкий звук буквально ударил по ушам.

Костя с ужасом вжался в холодную бронированную стенку, но продолжал смотреть в сторону бандитского поезда и поэтому видел, как что-то непонятное и почти невидимое метнулось сбоку, словно пытаясь перебежать железную дорогу между двумя тепловозами. А спустя мгновение, в стороне от дороги, прямо в воздухе распустилась черная клякса и раздался ужасный треск. И тут же все пространство вокруг расцвело дымными бурунами ярко-белых вспышек, как будто внезапно вскипела вода в котле.

Где-то наверху, видимо на крыше, что-то грохнуло, рядом в стену с рикошетным визгом ударила пуля. Костя в ужасе беспомощно замолотил слабой рукой по клепаной броне. И когда казалось, что жизнь уже осталась где-то позади, холодный металл поддался и крепкие руки втащили оператора в темный тамбур.

В штабном вагоне царила кутерьма. Десяток солдат и Вадик щелкали затворами автоматов и набивали подсумки магазинами. Михи нигде видно не было.

— Быстрее-быстрее! — торопил их Кудыкин. — Если они сейчас взрывчатку дотащат — небо с овчинку покажется!

— Товарищ полковник! — ожил динамик селекторной связи на столе у Кудыкина голосом Михи. — Машинист оглушен, но вроде жив.

— Бери медика и откачивайте Иваныча, но без приказа движение не начинать, — быстро ответил Кудыкин. — Так, Сафроненко, бери своих и вперед!

Костя едва успел шарахнуться в сторону, когда сперва Сафроненко, а за ним и все остальные бросились к выходу из вагона. Замелькали вороненые стволы, искаженные лица, остро пахнуло потом, и вагон разом опустел. Костя осмотрелся, помахал рукой испуганной Марине, потом схватил лежащий на столе автомат и побежал вслед за остальными, словно только что не мечтал отдать все на свете, чтобы оказаться за металлическими стенами.

14

В тот момент, когда раздались первые выстрелы, Марина сразу же убралась в самый дальний угол, чтобы никому не мешать. Она видела, как из спального отсека вышел Миха и ушел в сторону вагона охраны. Почти сразу пришел Ломакин и предложил ей укрыться в своем, наиболее защищенном, вагоне, но она вежливо отказалась. Наталью, впрочем, галантный ученый уговорил и увел в лабораторию.

Когда солдаты, второй телохранитель Романа Андреевича, Кудыкин и Костя выбрались наружу, она вдруг поняла, что осталась совсем одна. Ну почти одна. Ведь в спальном отсеке продолжал прятаться мужчина.

Марина ощутила, как ее охватывает самая настоящая ненависть к важному чиновнику. Она решительно поднялась с места, едва ли не бегом промчалась через штабной вагон и буквально ворвалась в спальный отсек.

— Почему вы сидите здесь, вместо того чтобы взять автомат и отправиться на крышу? — с ненавистью в голосе сказала Марина. — Вы же мужчина! Оба ваших телохранителя вышли наружу, вся ваша свита стоит у бойниц. Чем вы лучше?

Роман Андреевич, весь какой-то серый и жалкий, невидящим взглядом уставился на журналистку, беззвучно шевельнул губами, но, так ничего и не сказав, отвел взгляд в сторону.

— Эй, ты, замзам! — рявкнула Марина. — Ты меня не расслышал что ли? Или жопой к лавке приклеился? Возьми ствол и хотя бы по вагонам пройдись — уж на это у тебя должно храбрости хватить?

Где-то снаружи все чаще звучали выстрелы, похожие то на громкие хлопки, то на треск раздираемой ткани.

— Вы не понимаете, — едва слышно прошелестел Роман Андреевич, жалобно глядя на разгневанную Марину красными слезящимися глазами. — Это же все на меня охота... Я... Я...

— Послушай меня, якальник, — наклонилась к Роману Андреевичу Марина так близко, что явственно ощутила запах дорогого одеколона. — Мы тут все в курсе, что весь мир охотится

исключительно на тебя. И очень тебе соболезнуем. Но в данный момент тебе ничего не грозит.

— Да что ты понимаешь во всем этом? — с неожиданной яростью завизжал на весь вагон Роман Андреевич, и вдруг, схватив с полки твердую подушку, стукнул ею журналистку.

От неожиданности Марина громко пискнула и подалась назад. А Роман Андреевич в каком-то неистовстве принялся лупить кулаками по стене и время от времени вскрикивать:

— Нельзя было сюда ехать! Нельзя! Дура! Тварь! Сволочи!

Марина почти не боялась собак и мышей, достаточно хладнокровно вела себя вблизи от очагов техногенных аварий, но сумасшедших опасалась всегда. Поэтому, стараясь больше не привлекать к себе внимание, она попятилась и выскользнула в тамбур. Где почти сразу наткнулась на Миху.

Телохранитель тяжело дышал, от него пахло порохом, потом и свежей землей, вместо пиджака на нем красовалась новенькая, хоть и вся измазанная грязью камуфляжная куртка, но в целом он выглядел бодро и явно шел навестить «клиента».

— Не ходи к нему, — твердо сказала Марина, для большей убедительности упираясь ладонью Михе в грудь. Судя по твердой негнущейся поверхности, телохранитель перед боем надел бронежилет скрытого ношения.

— Что с ним? — с плохо скрываемым волнением спросил Миха, оглядываясь назад, и в этот момент Марина отчетливо поняла, что охранник рвется обратно в бой, а сюда пришел просто для очистки совести.

— Нервничать изволит его величество, — язвительно сказала Марина. — Вторую пачку памперсов распаковал. А в остальном — все отлично у него.

— Ну и хорошо, — с облегчением улыбнулся Миха, развернулся и быстро пошел обратно.

— Марина! — громко позвал кто-то из штабного вагона. — Вы где, Марина?

Дверь приоткрылась, и в дверном проеме показалась голова Ломакина.

— Ваше нежелание укрыться в научном отсеке мне вполне понятно, — с лукавой улыбкой сказал ученый. — Вы молоды и полны

отваги, и не желаете слушать приказы этого грубого полковника. Но может быть вас заинтересует небольшая экскурсия в мои владения? Уверяю, даже для такой прекрасной дамы, как вы, скучно не будет. Готов рассказать столько всего про изучение аномальной активности, что вам потом на год материала хватит для вашей... гм... газеты.

Напуганная приступом бешенства Романа Андреевича, Марина была готова перебраться в «научный» вагон и без незамысловатой хитрости начальника ученых. Поэтому она бледно улыбнулась и сказала:

— Только если вы проводите даму, чтобы она не заблудилась по дороге.

Ломакин отступил назад и предложил ей руку. Снаружи снова активизировалась стрельба, по вагону покатился грохот от попадающих в броневые листы пуль. На какой-то миг Марине показалось, что она спит и видит странный сон, в котором только и возможен роскошный вагон посреди дикого леса, окруженный бандитами, трусливый чиновник-психопат и галантный ученый, на полном серьезе готовый посреди всего этого безобразия пройтись с ней под ручку.

Ухватившись за руку Ломакина, она прошла через вагон, осторожно заглянув по дороге и в купе Романа Андреевича. Тот сидел на полу, обхватив руками колени и спрятав в них лицо. Ей вдруг стало жалко большого и сильного мужчину, который при первом признаке опасности вдруг оказался «тряпкой». Весь страх перед его ненормальной яростью моментально улетучился, и она с удивлением ощутила, что трусость большого чиновника придает ей самой беспричинной смелости.

15

— Куда?! — Кудыкин схватил Костю за шею и заставил пригнуться. — Тебе что, совсем жизнь не мила?

Солдаты рассредоточились справа и слева от вагона, но дальше двух-трех метров от насыпи никто не отходил.

— Слушаем сюда, — громко сказал Кудыкин. — Двигаемся вперед короткими перебежками. По одному. В полный рост не вставать. От вагона дальше, чем на десять шагов, не отходить. Увидев противника, следует залечь и подать условный сигнал. Главное — скрытность. Идеально, если удастся взять минеров живьем. Сафроненко! Давай на ту сторону. Люди должны видеть командира рядом.

— Есть, — сказал заместитель и сразу нырнул под вагон.

— Так. А теперь вперед, — приказал Кудыкин. — Константин. Ты бы лучше сидел в вагоне, чем с автоматом бегать. Но раз вылез — держись позади меня.

— Понял, — испуганно сказал Костя, только в этот момент сообразивший, что на вылазку его никто не звал и что дальше делать — он просто не знает.

На всякий случай он снял автомат с предохранителя и, храбрясь, агрессивно дернул затворную раму. Та с громким лязгом отправила патрон в патронник.

— И не вздумай стрелять, — буркнул Кудыкин. — Не хватало мне еще автоматной очереди в спину.

— Не буду, — пообещал, мгновенно устыдившись, Костя и поставил автомат на предохранитель.

— Первый — пошел! — скомандовал Кудыкин. — Если я правильно понимаю их замысел, они скоро начнут стрелять, чтобы отвлечь внимание от своих взрывников.

Словно услышав его слова, нападавшие, вяло постреливавшие до этого из-за деревьев, открыли ураганный огонь. Россыпь резких ударов по броне и треск аномалий вдоль насыпи дополнили раскатистое эхо от автоматных очередей и грохота двух крупнокалиберных пулеметов на крыше. Косте показалось, что он сейчас оглохнет. Было понятно,

что двигаться вперед в таких условиях невозможно. Однако, Кудыкин как ни в чем не бывало принялся жестикулировать, отдавая приказы, и вскоре убежал куда-то вперед.

Собравшись с силами, Костя уже хотел было подняться и броситься следом, но в этот момент совсем рядом сверкнула синим ветвистым разрядом какая-то аномалия и две пули с визгом отрикошетировали от ближайшего металлического колеса. Это было так страшно, что он только крепче вжался в землю, боясь подняться над ней даже на сантиметр.

Несколько минут он лежал в полном напряжении, но постепенно грохот выстрелов, резкий металлический стук в стены вагонов и треск аномалий становились все более привычными, как обычный рабочий фон, и на смену страху получить случайную пулю пришел ужас от того, что он остался совершенно один и теперь не представляет, что делать дальше. Правда, последняя команда Кудыкина подразумевала движение вперед, и поэтому Костя все-таки сумел оторваться от земли и, спотыкаясь о камни и наступая на выпирающие из земли углы шпал, побежал туда, где вскоре должен был случиться решающий бой за живучесть бронепоезда.

Тем страшней было увидеть несущегося навстречу полковника Кудыкина и двух солдат, а за их спинами поднимающийся к небу клуб белого дыма. В растерянности Костя остановился и выпрямился в полный рост. Поэтому хорошо видел, как из белой клубящейся стены выбежал Сафроненко, перешел на шаг, покачиваясь из стороны в сторону точно пьяный, потом схватился за горло и упал навзничь.

— Назад! — страшным голосом заорал Кудыкин, буквально налетая на Костю. — Газ! Они применили газ!

Полковник и два солдата промчались мимо Кости, и тогда он тоже сообразил, что следует делать дальше, неловко повернулся и бросился бежать, с ужасом понимая, что оказался внезапно в арьергарде отступающего отряда. Причем отряда, который только что был почти полностью уничтожен.

Страх придал силы, а едва ощутимый незнакомый пряный аромат подействовал настолько стимулирующе, что к штабному вагону Костя прибежал одним из первых.

— Быстро, матьвашу! — орал Кудыкин, подпихивая Костю и солдат вверх по лестнице, умудряясь одновременно размахивать

зажатой в руке рацией. — Вагоны на рециркуляцию! Герметизировать! Пулеметчиков и наблюдателей с крыши убрать! Химическая тревога! Противник применил газ!

Костя и не заметил, как снова оказался в штабном вагоне. Тяжело дыша, он упал в кресло и только тогда начал понемногу приходить в себя, осознавая весь кошмар происходящего. Кудыкин отдавал приказы, но при этом тяжело, с хрипом кашлял. Кашлял и один из трех уцелевших солдат, причем вскоре его даже увели в другой вагон, под присмотр медика. Обстрел поезда практически прекратился, зато за окном проплывали клочья белого дыма.

— Вот гады, — тяжело выдохнул Кудыкин, обессиленно опускаясь в свое кресло.

— Готов начать движение, — сипло сказал динамик селекторной связи, и Костя догадался, что Миха все-таки привел в чувство машиниста.

— Давай, Иваныч, трогай, — сказал Кудыкин.

— Никого не осталось снаружи? — спросил Иваныч.

— Все, кто остался, уже не нуждаются в поезде, — мрачно сказал Кудыкин, глядя, как окна затягивает белой пеленой. — Да шевелись! Эта дрянь на броню оседает — получим потом вторичные отравления!

Поезд вздрогнул, качнулся и принялся медленно набирать ход. В дверях появилась Марина, за ее спиной виднелось перепуганное лицо Наташки.

— Живой? — тревожно спросила Марина Костю и, получив в ответ слабый кивок, сразу же направила к небольшому кухонному закутку, где стояли кружки, чайник и маняще блестел обычный кухонный кран.

Костя вдруг понял, что во рту буквально все пересохло, и, если бы не слабость, он, наверное, бы давно уже пил прямо из крана. Марина принесла Косте воды в кружке и, удостоверившись, что с оператором все в порядке, перешла к полковнику Кудыкину, которому медик оставил какие-то таблетки.

— Ты как? — рядом с Костей на табурет опустилась Наташка, с тревогой заглядывая ему в глаза.

— Все нормально, — с облегчением сказал Костя. — Испугался больше, чем пострадал. Полковник вон травануся по-настоящему.

Наташка взяла его за руку и смотрела в глаза с такой тревогой, что Костя ощутил, как зашлось в сладостной истоме сердце.

В дверях вагона появился Ломакин и, в ужасе всплеснув руками, кинулся к полковнику, чуть не столкнувшись с Мариной.

— Что же вы, голубчик, вперед-то полезли? — с упреком спросил он. — Мало разве подчиненных?

— Они первым выстрелом ударили в наш тепловоз и оглушили машиниста, — хрипло сказал Кудыкин. — Пришлось принимать решение в считанные секунды. Сколько у нас впереди целых путей?

— Километров пять точно есть, а дальше непонятно пока.

Прямо за окном вдруг полыхнул яркий огонь. Костя инстинктивно прикрыл лицо рукой, Марина резко выпрямилась, завизжала Наташка.

— Не бойтесь, девочки, — успокаивающим голосом сказал Ломакин. — Это просто крупная аномалия рядом с насыпью. Наша броня для нее непроницаема.

Снова открылась дверь, и на пороге возник бледный губернатор в сопровождении одного из своих людей.

— Что случилось, полковник? — с порога спросил он.

— Ну сказано же — газы! — резко ответил ему Ломакин. — Потравили наших людей.

— И вы так спокойно об этом говорите? — возмутился губернатор.

— А что мне прикажете делать? — удивился Ломакин. — Это не аммиак и не хлор, который, бывает, выделяют аномалии. Это специальная отрава. Я ничего в боевой химии не понимаю.

— Я не про это, — тоном ниже сказал губернатор. — Погибли люди. Неужели вы не понимаете?

— Отчего же не понимаю? — спокойно сказал Ломакин. — Все отлично понимаю. У меня в команде тоже потери, если вы не в курсе. Это очень трагично, но я ничем помочь им уже не могу.

— Не ожидал от вас подобной черствости, — с упреком сказал губернатор.

Ломакин посмотрел на него с удивлением, но ничего не сказал. А Костя с ужасом осознал, что абсолютно отстраненно воспринимает новые потери в экспедиции. Словно все происходящее его не касалось.

Кудыкин протянул руку и включил селекторную связь:

— Иваныч, тормози.

— И что теперь? — немного помолчав, спросил губернатор.

— Мы выехали из зоны поражения газом, — сказал Кудыкин, с трудом ворочаясь в кресле. — Но угроза никуда не делась. Нужен план действий. В прямое боестолкновение я входить права изначально не имел, а теперь, после урона в личном составе, это вдвойне проблематично. Давайте посмотрим карту еще раз.

Марина, не проронив ни слова, помогла Кудыкину прикрепить карту к доске.

— Мы все время смотрели на то место, где находимся, — сказал Кудыкин. — А если пристальнее посмотреть туда, куда дорога уходит?

Костя вдруг вспомнил о своей главной задаче и взялся за камеру.

— Смотрите, — сказал Ломакин, ведя пальцем по карте, — полковник Кудыкин прав. Если смотреть, как тут было раньше, дорога загибается и километров эдак через двадцать проходит через небольшой полустанок. И если на нем мы сможем уйти по левой ветке, то вскоре выйдем на нашу главную магистраль. Просто намного дальше, чем когда-либо по ней ездили. И тогда мы сможем вернуться домой, оставив бандитов караулить здесь пустые пути.

— Это было раньше, — сказал губернатор. — А сейчас? Есть уверенность, что пути целы?

— Нет, — сказал Ломакин. — Такой уверенности, как понимаете, быть не может. Но по предыдущему опыту должен вам сказать, что, как правило, железнодорожное полотно отлично сохраняется. А если где-то будут разрывы — восстановим. У нас же для этого все есть.

— А чтобы минимизировать риски, — добавил Кудыкин, — у нас есть беспилотная дрезина. Поставим ее на рельсы впереди поезда и отправим разведывать дорогу.

— Но полковник, вы же говорили, что отрава, осевшая на броне, все еще опасна, — напомнила Марина.

— Дрезина запускается автоматически с передней платформы, — пояснил Ломакин. — Руками ничего делать не нужно. На ней есть камеры и основные датчики аномалий.

— На том и порешим, — сказал Кудыкин. — Запускай дрезину, Феоктист Борисович. Если все пойдет гладко, через пару часов уже вернемся на базу. А завтра с утреца повторим маршрут в сопровождении роты военсталов. Вадим Сергеевич, я вынужден ваших людей привлечь к охране экспедиции.

— Раз ситуация требует — какие могут быть возражения? — риторически вопросил губернатор. — Пойду, распоряжусь.

Он встал и отправился в вагон охраны. Тем временем отрывистый кашель сотряс тело полковника.

— Медика сюда! — крикнул Ломакин по общей селекторной связи.

— Наталья, помощь твоя нужна, — выглянул из спального отсека Вадик. — Роману Андреевичу нехорошо.

Наташка поднялась, словно извиняясь, погладила Костю по голове и ушла помогать телохранителю чиновника. Вскоре появился солдат с медицинским чемоданчиком и занялся Кудыкиным, а Ломакин почти сразу же ушел. Минут через пять Костя ощутил слабый толчок, а еще минут через десять поезд снова тронулся вперед.

К этому моменту Кудыкин уже пришел в себя после нескольких уколов и отослал медика заниматься ранеными в вагон охраны.

— Что там у тебя, Феоктист Борисович, — спросил он по селекторной связи.

— Дрезина опережает нас на километр, — почти тут же отозвался Ломакин. — Все в норме, пути целы. Можно спокойно ехать. Разве что, обнаружена очень мощная радиоактивная аномалия — ее хорошо бы пройти на более высокой скорости. И желательно закрыть все бронеставни.

— Командуй Иванычем по необходимости, — разрешил Кудыкин.

Вскоре поезд ощутимо прибавил в скорости. Выглянув в окно, Костя решил, что так быстро они еще здесь не ездили.

— Прошу всех прикрыть окна бронеставнями, — прокатился по коридорам через динамики общего оповещения голос Ломакина. — Это ненадолго. Я скажу, когда можно будет открыть.

Костя и Марина прошли по всему штабному вагону, дергая за рычаги. Вскоре все окна оказались закрыты снаружи тяжелыми металлическими плитами, а в помещении автоматически зажглись лампы.

Именно в этот момент Костя почему-то начал осознавать, в какую катастрофу попала вся их увеселительная, в общем-то, экспедиция. Видимо, искусственный свет и легкое покачивание вагона в такт перестуку колес будили самые мрачные страхи в глубинах сознания.

По вагону вдруг прошла слабая вибрация. Началось с короткого толчка, словно по вагону со всех сторон разом вдруг ударили подушками, потом мелко задребезжала вся незакрепленная мелочевка, которой оказалось на удивление много, и почти сразу все прекратилось.

А вскоре Ломакин объявил по рации отбой и Костя с облегчением прошел по вагону, открывая ставни. Но облегчению суждено было длиться недолго.

Почти одновременно с разных сторон в штабной вагон вернулись и Ломакин и губернатор, а из спального отсека вышла Наташка. И в этот же момент Костя заметил, как за окном вдруг проплыл длинный бледно-серебристый клок тумана. Губернатор проводил его взглядом и со страхом посмотрел на Кудыкина.

— Смотрите, опять газ, — дрожащим голосом сказала Наташка, показывая пальчиком в другое окно.

— Это не может быть отравляющим веществом, — уверенно сказал Ломакин. — Бандиты же сзади остались.

— Вы так в этом уверены? — спросил губернатор. — А по-моему нас перехитрили. И сейчас снова травят.

— Пока поезд герметизирован, это нам не страшно, — сказал Кудыкин.

За всеми окнами теперь вовсю плыли густые серебристые клубы то ли тумана, то ли дыма. Все, кто был в вагоне, смотрели на них, словно завороженные. Первым очнулся Ломакин. Он вытащил из кармана рацию и сказал:

— Ребятки, мы проезжаем зону неизвестного газового концентрата. Возьмите пробы внешним анализатором.

За окном резко потемнело. Серебристый туман облепил поезд со всех сторон. Словно огромное аморфное чудовище, вцепился лохматыми лапами в крышу, обслюнявил стекла и накрыл собой уходящий от преследования бронепоезд.

— Товарищ полковник, худо мне что-то, — сказал вдруг по рации машинист. — Шли подмогу, а я пока приторможу состав.

Но Кудыкин, вместо того чтобы начать отдавать приказы, неподвижно скорчился в своем кресле.

Странное головокружение застало Костю врасплох. Он покачнулся, схватился руками за рычаг закрытия бронеставня и, уже

теряя сознание, успел заметить, как оседает на пол Наташка и падает плашмя, лицом вниз, губернатор. Затем весь мир вокруг перевернулся и потух.

16

Комната была опутана проводами, словно сетью гигантского паука. Всевозможные кабели красного и синего цвета, шнуры и просто какие-то веревки, закрепленные на кронштейнах, а то и намотанные на гвозди-сотки, вбитые в стены, пересекали помещение от стены до стены под разными углами. На компьютерах огромных размеров моргали лампочки индикаторов. Иногда что-то пищало, и на мониторах вспыхивали колонки с рядами цифр. Под высоким потолком, покачиваясь, висела лампочка, тускло освещая серые, покрытые копотью стены и холодный бетонный пол. Напряжение и опасность буквально витали в воздухе, рискуя свести с ума путника, случайно забредшего в чужие угодья.

А среди всего этого техно-хаоса, у дальней стены, на железном троне, восседал Хозяин. Щупленький старичок с жиденькой бородкой, морщинистым лицом и седыми волосами, он был одет в темно-синий халат, под которым виднелась белая рубашка и галстук-бабочка.

Время от времени Хозяин недовольно причмокивал, облизывая сухие губы. В левой руке он держал пульт с одним-единственным тумблером, а правой медленно поглаживал толстую ухоженную крысу, сидящую на подлокотнике. Перед старичком, стоя на коленях и безвольно опустив голову, что-то шептал мужчина, на вид сорока лет, одетый в военный комбинезон и разгрузочный жилет. Из ножен, болтающихся на ремне, торчала рукоять ножа, а за спиной висел автомат Калашникова.

— Ну-с, ты точно решил уйти? — нарушил молчание Хозяин.

— Да, — ответил человек в разгрузке и всхлипнул.

— Но почему, Александр? — старичок подался вперед, наклоняясь к человеку. — Путешествие в любую точку пространства-времени — разве не об этом мечтали наши разгоряченные юностью головы много лет назад? Ты ведь сам мечтал! Грезил!

— Я так больше не могу. Не хочу я смотреть, как сталкеры уходят в рейд и бесследно пропадают. Как пугаются каждого шороха. Я хочу домой. К себе домой. У меня жена и сынишка десяти лет...

— Когда это было, Александр? — перебил товарища старичок. — Что ты помнишь из ПРОШЛОЙ жизни, кроме жены и сына? И встань, наконец, с колен.

Александр, шатаясь, поднялся и схватился за провод, чтобы не упасть. Посмотрел на Хозяина.

— Я... я... — замямлил человек, пытаясь хоть что-нибудь вспомнить.

— Вот видишь! — возликовал старичок. — Ты не для того мира, друг мой. Теперь ты — часть Зоны. Часть этого гиблого места. Ты — величайший ученый, которого еще не знало человечество...

— Тварь! — перебил Хозяина человек. — Я — тварь!

— Нет! Ты — ученый. И всегда им будешь. И через десять лет, и двести лет назад.

— Нет! — закричал Александр. — Не могу! Не хочу! Я ухожу, с меня хватит!

Глаза Хозяина недобро блеснули в свете лампочки, а пальцы рук начали удлиняться, становясь похожими на когти. Крыса, будто почувствовав настроение человека, недобро зашипела, царапая коготочками железный подлокотник. Казалось, грызун готовился к прыжку. Хозяин, оставив пульт, рывком поднялся и в миг оказался рядом с перепуганным Александром...

Громкий скрежет створок разъехавшейся двери выдернул рядового из сна. Солдат попытался вскочить на ноги, но тут же упал, сильно ударившись больным плечом. От жуткой боли Ерохин сжал зубы, чтобы не застонать. Посмотрел в сторону выхода. В открывшемся проеме стояли двое. Один высокий и худой, с черными как смоль волосами и бледной кожей, одетый в засаленную майку и грязные джинсы. Второй — полная противоположность первому — низкий плечистый мужичок с пепельного цвета волосами и красными прожилками на тонкой, будто пергаментной коже лица.

— Подъем, мясо! — поприветствовал пленных худой бандит. В руках он держал увесистый дробовик. — Жрите и на выход.

Ерохин медленно повернулся на спину, стараясь не делать резких движений, чтобы не растревожить рану снова.

— А ты, — худой повернулся к рядовому, — после хавчика идешь к бугру. Он видеть тебя хочет. Егорка, проводишь солдатика.

— Понял, зроблю, — ответил коренастый бандит, опуская поднос с тарелками.

— Эй, как там тебя? — окликнул рядовой. — Да-да, ты, бомж в джинсах. Руки развяжи.

— Ух ты, такой смелый, — бандит усмехнулся, но подошел к лежащему Ерохину. — Егорка, подержи его на прицеле, пока развяжу. А то новичок еще не понял, куда попал. Может сдуру начать вести себя неправильно.

Егорка извлек из кобуры «вальтер» и прицелился в Ерохина. Худой быстро развязал веревки и, не говоря больше ни слова, вышел из вагона. Коренастый отходил пятясь, словно подозревал, что пленники готовы прыгнуть на спину, стоит ему отвернуться. Лязгнул засов. Послышались удаляющиеся голоса.

Солдат встал и потянулся, разминая затекшие конечности. Кончики пальцев закололо, будто в них разом впились десятки иголок. Ушибленное плечо не переставало болеть. По спине пробежали мурашки, а мышцы ног свело судорогой.

Несмотря на это, Ерохин продолжал вспоминать странный сон. Он никогда не встречал людей, которые ему приснились, разве что Хозяин, по всей видимости из-за синего спецхалата, смутно ассоциировался с Ломакиным. Сразу вспомнился бронепоезд и оставшиеся на нем товарищи. Ерохин тяжело вздохнул, но взял себя в руки. Бороться с приступами тоски начинающего сталкера учили первым делом. Если, конечно, первые учителя были правильные. А Звяга был правильным учителем и вбил когда-то в молодого сталкера Связиста тонкую науку подавления внутреннего дискомфорта, надолго и качественно.

Профессор, растирая руки, подошел к подносу, взял две тарелки и двинулся было назад. Но путь ему преградил наемник.

— Почему две? — зло спросил он. — На каждого по порции, или ты считать не умеешь, ботаник?

— Так это... — замялся профессор. — Мне и Зюзе. Он со вчера ничего не ел.

— Ну и хрен с ним, — наемник сделал шаг вперед и вырвал из рук профессора тарелку с едой. — И сегодня не поест. Ему все равно подыхать. А мне валить отсюда надо, к своим пробиваться. Значит, жрать я должен больше.

Профессор не осмелился возразить, лишь тяжело вздохнул и направился к сумасшедшему сталкеру. Наемник, взяв вторую порцию, с довольным лицом двинулся на свое место, но голос Ерохина заставил его остановиться:

— Эй, крыса наемная, тарелочку профессору верни. Нехорошо у брата-сталкера паек отбирать.

Наемник остановился и, поставив миски с едой на пол, развернулся к рядовому.

— Проблемы? — спросил он, хрустнув костяшками.

— Ага, — мрачно констатировал солдат. — У тебя. С математикой.

Наемник ринулся на Ерохина, надеясь сбить того с ног, но солдат предугадал его движение и сделал эффектную подсечку. Наемник с глухим стуком впечатался лбом в стену и взвыл от боли.

— Пор-рву сучонка! — прошипел он, разворачиваясь.

— Порвалка треснет, — спокойно сказал Ерохин.

Наемник снова атаковал. Рядовой ловко увернулся от летящего кулака, но, что задумал противник, понял слишком поздно. И тут же задохнулся от мощнейшего удара коленом под дых, а врезавшийся в спину локоть окончательно бросил его на пол. Рефлексы не подвели: Ерохин сразу же откатился в сторону, а в то место, где он лежал мгновение назад, впечатался ботинок наемника. Ловко вскочив, солдат провел «двойку» в корпус и лицо противника. Наемник взревел и невольно сделал шаг назад. Не давая ему опомниться, Ерохин ударил противника в пах, а через секунду, когда наемник сложился пополам, добавил коленом в переносицу. Кровь хлынула у наемника из разбитого носа, заливая одежду и пол. Ерохин толкнул его в бок и, дождавшись, пока наемник распластается на полу, наступил ботинком на руку.

— Х-хватит... — тяжело дыша, прохрипел противник. Кровь ручьями стекала по его лицу на пол, шею и за воротник.

Ерохин еще слегка поддал наемнику напоследок носком ботинка в подмышечную впадину, и только тогда отошел в сторону и взялся за еду. Руки тряслись после стычки, и, пока солдат нес две тарелки Версоцкому, часть их содержимого рассыпалась.

— Возьмите, профессор, — рядовой протянул свою порцию. — Пускай Зюзя поест, да и вам силы нужны.

— А как же вы, молодой человек? — Версоцкого явно изумил такой поступок.

— Я не хочу, — коротко ответил солдат и, пройдя мимо окровавленного наемника, сел в углу вагона.

Дыхание постепенно восстанавливалось, сердце стучало все медленнее. Рядовой закрыл глаза и прислушался ко внутренним ощущениям. Все сейчас казалось бессмысленным: и эта поездка в Зону, и вчерашний разговор с Версоцким, и драка с наемником. Ну вот зачем, зачем Ерохин напросился в охрану бронепоезда?! Сидел бы сейчас в части, на границе с Периметром и попивал чаек.

— Спасибо, Ерохин, не ожидал. Мне казалось, что таких людей уже и не осталось на белом свете, — тихо сказал Версоцкий.

— Да бросьте, проф. Ерунда, — сказал Ерохин.

Раздался скрежет, и створки двери снова разъехались. Проникший в помещение свет резал глаза, и Ерохин прикрылся ладонью.

— Чего так рано? Дайте пожрать, — заворчал наемник, утирая кровь. Остальные, кроме солдата, спешно доедали свои порции. Особенно старался Зюзя: на себя он еды рассыпал больше, чем съел.

— Так надо было жрать, а не боксом заниматься, — злорадно произнес худой, глядя на окровавленную физиономию наемника. — А будешь выступать — добавим пару раундов. Рот закрой и на выход. Все на выход! Руки держать на виду. Псих остается в вагоне.

Вздохнув, Версоцкий поднялся и выбрался на улицу. Перед тем как спуститься, он оглянулся и помахал Зюзе. Ерохин заметил, что руки профессора слегка дрожат — то ли от волнения, то ли от страха. Сумасшедший сталкер помахал в ответ виновнику своих злоключений и принялся дальше вылизывать тарелку. Быстро доев свою порцию, из вагона выпрыгнул и наемник.

— А тебе что, особое приглашение надо? — обратился худой бандит к рядовому, перехватывая дробовик двумя руками. — А ну, пошел!

— Не «нукай», не запряг, — лениво ответил солдат и, медленно поднявшись, спрыгнул вслед за недавним противником.

Тип с дробовиком оказался за спиной — закрывал дверь вагона. Но пленных тут же взял на прицел коренастый Егорка.

— Вишикуватись биля вагону, — приказал он, стволом указывая направление.

Пленные построились в шеренгу и стояли, переминаясь с ноги на ногу.

Солдат осмотрелся. Они стояли на небольшой железнодорожной насыпи, засыпанной сверху гравием. Ни малейших следов своего бронепоезда Ерохин не заметил. Да и радости на лицах бандитов видно не было.

Ерохин перевел дух, утер тыльной стороной ладони слезы и продолжил осмотр местности. На соседних путях стоял башенный кран с переломанной стрелой. Вниз, через густую траву, вела тропинка, заканчивающаяся у самых ворот, которые охранялись пулеметной точкой, расположенной в сторожке. Далее — потрескавшаяся от времени асфальтовая дорога, с густыми зарослями кустарника по обе стороны, ведущая к центральному двухэтажному зданию, построенному из красного кирпича. Окна и двери помещения были укреплены металлическими листами. Над входом красовалась пятиконечная звезда с облупившейся красной краской. По соседству с центральным зданием располагались постройки поменьше — гаражи, подсобные помещения, заправка и еще что-то. Чуть в стороне — трактор без передней оси и старенькая «копейка», которую давно растащили на запчасти, оставив от гордости советского автопрома лишь ржавый остов с редкими следами краски. Всю территорию погрузочно-разгрузочного пункта огородили забором с колючей проволокой и, как понял Ерохин, постоянно патрулировали.

— Егорка, — сказал худой бандит, справившись с дверью и подбрасывая в руке связку ключей, — веди солдатика к бугру, а я этих на территории погоняю.

— Я те погоняю, — прошептал наемник так, что кроме Ерохина, стоящего рядом, его никто не услышал.

— Пишли. Мясо, — приказал Егорка и толкнул рядового в больное плечо.

17

Шел Ерохин медленно, внимательно рассматривая территорию базы бандитов. Он не собирался ждать, пока его переправят за Периметр, чтобы там рукастые врачи растащили его бесценное тело на органы для богатеньких старперов.

Сквозь толстые прутья арматуры, которой зарешетили окно грязно-серой сторожки, наружу хищно выглядывал ствол РПК. В помещении рядовой увидел двоих: один, дымя сигаретой, сидел за столом и чистил пистолет, а второй смотрел прямо на солдата.

— Чё зыришь? — небрежно бросил Ерохин и осклабился. — Открывай ворота, гости идут.

— Что за фраер? — обратился бандит к Егорке, не оценив, видимо, реплику рядового. — Куда его — в каталажку, или сразу на кладбище?

— Та зачекай з кладовищем, — улыбнулся Егорка. — До бугра этого голубка спочатку. Перетерти йому треба, а потим...

— Кончай по-украински трепаться, — поморщился бандит. — Все люди как люди, а ты...

— Пишов у дупу, — огрызнулся Егорка и выставил руку с оттопыренным средним пальцем. — Открывай ворота.

Бандит усмехнулся и скрылся за стенкой. Спустя несколько секунд послышался щелчок и неприметная дверь отъехала в сторону на закрепленных в пазах роликах.

— Хрена себе, — удивленно произнес Ерохин. — Да у вас тут хай-тек, все дела.

— А ти думав. — Егорка толкнул рядового в спину стволом пистолета. — Иди давай.

«Вывернуться бы и выхватить пистолет из рук этого козла, а потом устроить карнавал с зачисткой сторожки и выносом худого с дробовиком», — позволил себе немного помечтать солдат. Но подавил, без сомнения суицидальный, порыв еще в зародыше и, пригнувшись, вошел в раскрытую дверь. Взору Ерохина открылся внутренний двор, который он уже видел с железнодорожной насыпи.

Миновав заросли кустарника, Ерохин, по приказу своего конвоира, свернул влево и двинулся в обход здания. Взгляд рядового остановился на вороне, спикировавшей с крыши подсобного помещения. Птица каркнула, сделала круг и приземлилась в аккурат на колючую проволоку, идущую поверх забора. Немного посидела и, еще раз каркнув, принялась клювом чистить оперение.

«Значит ворота автоматизированы и открываются только с пульта управления, расположенного в сторожке, но „колючка“ не под напряжением», — отметил про себя Ерохин.

Хоть на первый взгляд и казалось, что проще сбежать прямо из вагона, расположенного за периметром базы, накопленный опыт позволил сделать совсем другие выводы.

Во-первых — из сторожки прекрасно виден как сам вагон, так и окрестности на ближайший десяток метров, по-этому пулеметчику, в случае чего, не составит труда расстрелять беглеца прежде, чем он выберется на свежий воздух. Дело-то нехитрое — знай, успевай давить на спусковой крючок. Во-вторых, пленники все еще в Зоне, и у них нет оружия. Побег без минимального даже снаряжения, куда более гарантированная смерть, чем расстрел из пулемета. И все, кто здесь мог оказаться, прекрасно это знали.

Поэтому раздобыть автомат, дозиметр и противогаз нужно, как говорится, «кровь из носу». Это не считая еды на несколько суток — поезд углубился в Зону далеко, и до Периметра минимум три дня пути. Именно поэтому начинать атаку и дальнейший побег нужно только изнутри. Отобрав необходимое у бандитов. И обязательно вместе с наемником и Версоцким. Так элементарно больше шансов на выживание.

— К бугру? — хриплый, прокуренный голос одного из бандитов оборвал мысленные рассуждения Ерохина. Обращался подонок к Егорке. — Это тот щегол с бронепоезда?

— Он самый. Да стой ты, зараза! — Егорка схватил солдата за шиворот и резко дернул на себя. — Строптивый, сука. Ну и фиг с ним — Сергей Григорьевич его быстро...

Ерохин не слушал, что сделает с ним бугор Сергей Григорьевич. Все внимание солдата привлекли двое отморозков, стоящие у стены какого-то подсобного помещения. Оделись бандиты будто близнецы: одинаковые черные комбинезоны, одинаковые автоматы, даже

кроссовки, несмотря на разную степень изношенности, похожи. Но главное заключалось совсем не в этом. Бандиты громко, не стесняясь, обсуждали штурм бронепоезда.

— Я те зуб даю, — говорил один из них. — Никуда этот бронепоезд не денется. Там, дальше на путях разрывы чуть не каждый километр. Все равно догоним и достанем.

— Ага, как же, — кривая ухмылка исказила лицо правого. — Чтобы снова по сусалам получить и с болтом в жопе остаться?

— Дебил ты! Бронепоезд — это ж какой шанс над Зоной подняться! Нам тут равных не будет! На всех болт забьем и мзду снимать будем. Бугор такой шанс не упустит ни за что. Мясо на органы покажется детским заработком, если у нас будет такая бронированная махина.

— Да, хорошо бы, — протянул второй. — А еще я в бинокль на крыше у них такую бабенку видел — мммм...

Что ответил левый бандит своему напарнику Ерохин не расслышал: грубый пинок чуть ниже спины отвлек его от подслушивания.

— Шагай, давай, чебурашка хренов.

Глубоко выдохнув, Ерохин медленно двинулся в указанном конвоиром направлении. Благо, идти долго не пришлось, и вскоре солдат оказался с обратной стороны центрального здания, у обшарпанной двери, выкрашенной в ядовитый зеленый цвет. Бандит оттолкнул рядового и постучал. Ерохин обдумал и снова с сожалением отбросил мысль о нападении на Егорку, чувствующего себя слишком вольготно в присутствии пленного. И как он с такими навыками до сих пор в Зоне жив остался?

Открыл дверь рослый крепыш, одетый в синюю вязаную кофту с вышитыми оленями. Черные джинсы с рацией на ремне, высокие «берцы», кобура на поясе.

Крепыш окинул Егорку и Ерохина внимательным взглядом. Сделал шаг в сторону, освобождая проход.

— Пишли. — Егорка махнул стволом пистолета, указывая внутрь.

— Нет, — сказал вдруг здоровяк, и по тону его становилось понятно, что возражений он не потерпит. — Ты остаешься тут, а этого, — бандит кивнул в сторону Ерохина, — я сам отведу.

Егорка хотел возразить, но крепыш легко втащил пленника в помещение и захлопнул за ним дверь.

— Васильев, фраера не доставили еще? — раздалось из рации.

— Уже веду, — ответил бандит.

Вот, оказывается, кто такой Васильев. Фамилия, кажущаяся кличкой, снова показалась странно знакомой. Спустя несколько секунд Ерохина осенило.

— Ты тот самый Васильев? Ветеран Зоны, картограф, авторитет среди сталкеров? — с неподдельным удивлением спросил Ерохин. — Пропавший неизвестно куда вместе со всеми своими картами?

— Я что, давал команду «голос»? — Васильев враждебно посмотрел на Ерохина. — Шагай вон туда.

Ерохин послушно зашагал в глубь коридора, к лестничному пролету, видневшемуся слева. Обшарпанные стены внутри помещения были окрашены в темно-синий цвет. Большие окна заделаны металлическими листами, благодаря чему в помещении царил полумрак.

По левую руку шел ряд дверей, ведущих в какие-то кабинеты. На стене справа висело несколько выцветших агитационных плакатов времен СССР. Среди них резко выделялся «улучшенный» плакат с идущим по железнодорожным путям мужчиной, позади которого виднелся приближающийся товарный состав. Украшала картинку подпись от руки: «Смело по шпалам я пьяный хожу, если раздавят — кишки покажу. Товарищ, не бойся смерти!»

Ерохин поднялся по лестнице и очутился в похожем коридоре: такие же стены, такие же двери.

— Нам туда. — Васильев указал на самую дальнюю дверь, оббитую дерматином. — И быстрее, а то плетешься, как черепаха беременная.

Ерохин беспрекословно ускорил шаг и вскоре они оказались у нужного кабинета. Бандит постучал в дверь и, пропустив Ерохина, вошел следом.

В тускло освещенном кабинете, за грубо сколоченным деревянным столом, заваленным ворохом бумаг, сидел человек и что-то писал. За ним стоял шкаф, две нижние полки которого занимали папки, а две верхние пустовали. Слева располагалась кровать,

прикрытая пледом, служившим одновременно и одеялом, и покрывалом.

— Вот, Сергей Григорьевич, привел вам пленника, — доложил бандит, переминаясь с ноги на ногу.

— Свободен, — буднично махнул рукой Сергей Григорьевич. — Подожди за дверью.

Васильев бросил косой взгляд на Ерохина и вышел. Солдат, сложив руки за спину, остался стоять, разглядывая комнату и ее хозяина.

— Ну, чего стоишь, — бандит оторвался от бумаг и посмотрел на пленника. — Садись.

Рядовой сел на стул с другой стороны стола. Хозяином кабинета оказался совершенно лысый человек, с морщинистым лицом, кривым, не раз сломанным носом, крупным волевым подбородком и двухнедельной щетиной. На правом глазу виднелось бельмо, а на левой руке не хватало двух пальцев. Сергей Григорьевич откинулся на спинку стула, достал из кармана пачку сигарет, извлек одну, лениво помял и закурил, выпуская крупные клубы табачного дыма. Ерохин закашлялся.

— Ты труп, — сказал он, как можно небрежнее.

Сергей Григорьевич громко рассмеялся, выронив сигарету изо рта. Выругался, поднял и, затушив, зашпульнул в пепельницу, и так ломившуюся от бычков.

— Почему это? — поинтересовался он.

— Через несколько часов здесь будет отряд военсталов, которые ваш лагерь в асфальт укатают, — соврал Ерохин.

— Блефуешь? Молодец, не сдаешься, — бандит покачал головой. — Но ты не учел одного: я тоже не дурак. Бронепоезд ваш сбежал от меня, но и подмоги не будет.

— Раз наши ушли, значит подмога уже в пути — сказал Ерохин.

— Хотелось бы обозвать тебя дураком, но это будет неправдой. Ты просто плохо информирован. Думаешь, откуда я все знаю про бронепоезд? И как мне удалось построить такую ловушку? Заказчик-то штурма не здесь сидит. А где-то там. В штабе подготовки экспедиции. Я же просто исполнитель, который вдруг придумал, что бронепоезд мне пригодится и самому. Но заказчик не в курсе. И как не пустить сюда подмогу — его забота и головная боль.

— Врешь, козел шелудивый.

— Что касается убегшего поезда, так еще не вечер. Никуда он не денется, — с довольной улыбкой ответил Сергей Григорьевич. — Мы его немного траванули кое-какой интересной химией — тоже, кстати, заказчик помог — и поезд хоть ушел дальше в Зону, но на нем мало кто выжил. Потому, что моя волшебная химия была рассчитана на идиотов в противогазах.

Он засмеялся, и Ерохин вдруг понял, какое чувство может заставить совершить убийство за обычный смех.

— И даже когда его станут искать, подмога пойдет по тем путям, где он ездил последний месяц. А вовсе не в ту сторону, куда твое сокровище уехало на самом деле.

— Наш полковник Кудыкин поумнее тебя, недоумка, будет, — презрительно сказал Ерохин. — Сейчас все начальство за броню уберет, фугасами пушку зарядит и пройдет сквозь все ваши хитрости как нож сквозь масло!

— Нету на борту фугасов, не свисти. Вот листочек, на котором все вооружение бронепоезда на этот выезд указано в деталях. До патрона.

— Не переживай. На твоих бандерлогов всего по одному патрону хватит.

— Красавец. За два года совсем не изменился, — с насмешкой сказал бандит, разваливаясь на стуле, словно в кресле. — Иногда я просто восхищаюсь тобой. Ну чё пялишься? Или до сих пор не признал меня, Связист?

Ерохин озадаченно уставился на Сергея Григорьевича.

— Мать честная, — сказал он в полном изумлении. — Хантер!

— Добро пожаловать в мои владения, Связист, — ухмыльнулся Хантер.

Несколько секунд Ерохин в растерянности смотрел на Хантера, а потом решил попробовать рискнуть.

— Короче, Хантер, — сказал он. — Какие ко мне предъявы? Ты сталкер, хоть и условно. Я — сталкер, пусть и бывший. Если за мной косяков нет — давай разойдемся как в море корабли.

— Ах, Связист, Связист, — осклабился Хантер. — Давно я не слышал твоих наглых шуток. Скучал по ним даже. Косяки, говоришь? Полгода назад ты и отряд тупоголовых вояк напали на лагерь у кирпичного завода. Помнишь?

Ерохин медленно кивнул. Он еще не понимал ситуации в целом, но кое-какие подозрения уже закрались в душу.

— В том лагере был мой брат, — продолжал бандит. — Вы убили всех, в том числе и его. За эти полгода я нашел всех твоих товарищей, принимавших участие в операции. Знаешь, что я с ними сделал? Разрезал на мелкие кусочки. На двадцать пять частей. Каждого! А вот ты, после той заварушки свалил за Периметр и пропал из виду совсем. А тебя, между тем, вся Зона искала! Я уже переживал: не откинул ли ты копыта где-то там, в сером дурацком мире вне Периметра.

Хантер поднялся со стула и принялся расхаживать по кабинету.

— И тут на тебе — такой подарок! Мы атакуем бронепоезд и берем в плен не кого-нибудь, а самого Связиста! Точнее, бывшего Связиста, а ныне — рядового Ерохина! Сюрприз-сюрприз! Бинго!

— Прости, что ты сказал? Плакат разглядывал — отвлекся, — сказал Ерохин.

Он понимал, что положение безвыходное, но «прогибаться» перед бандитом не собирался. Жесткий удар в челюсть бросил его на пол.

— Один на один? — предложил Ерохин, поднимаясь и вытирая кровь с разбитой скулы.

— Не в этой жизни, тупое тело, — ответил Хантер, потирая кулак. — Знаешь, я бы сделал с тобой то же самое, что и с твоими дружками, если б не знал, через что тебе придется пройти на Большой Земле или, на худой конец, на Аномальной Полянке. Ты будешь молить о быстрой смерти, но никто тебе такого счастья не подарит. Подыхать будешь долго-предолго.

— Я тебя еще лет на двадцать переживу, тварь.

— Не груби, не в том ты положении, — сморщился бандит.

— А ты что думал, ковриком перед тобой лягу?

— Так, хватит. Васильев! — рявкнул Хантер.

Дверь открылась и на пороге показался охранник.

— Забирай его. На АПку вместе со всеми. Поставишь в третий сектор. И если попадет во что — не добивать. Я хочу, чтобы этот урод мучился до последней секунды своей поганой жизни. Позови меня тогда. Хочу посмотреть.

— Сделаю, Сергей Григорьевич, — отчеканил бандит и наставил на Ерохина пистолет. — Пошел!

18

Ерохин покорно вышел из кабинета, зло посмотрев на конвоира, держащего его на прицеле. Мысли беспорядочно крутились в голове, и Ерохин изо всех сил старался сконцентрироваться. Но ничего не получалось — слишком много всего произошло за последний день пребывания в Зоне. Еще утром он ехал под защитой брони по накатанной трассе, а после обеда посреди Зоны ему готовят страшную участь. Казалось, что мозг превратился в кашу, не выдержав наплыва информации. Все это вызывало нешуточное раздражение. Хотелось курить. Вдобавок ко всему, снова разболелась голова, отзываясь тупой пульсирующей болью при каждом шаге.

— Что за третий сектор? — угрюмо спросил он у Васильева, спускаясь по лестнице.

— На месте узнаешь.

«Странный тип, этот Васильев, — думал Ерохин. — Видно же, что чужой он среди этих отморозков. И вряд ли станет своим. Он — сталкер. Вольный ходок, а не бандитская шваль. Пару лет назад о нем такие легенды ходили, что новички, а то и уважаемые бродяги, слушали, затаив дыхание. Несколько группировок даже завербовать к себе пытались, но безуспешно».

Солдат тяжело вздохнул и вышел из здания.

На улице заметно похолодало. Небо затянуло пеленой свинцовых туч, через немногочисленные разрывы в которых еле-еле пробивались солнечные лучи. Холодный ветер срывал с деревьев листву, гонял по земле пыль, закручивая ее причудливыми каруселями. Тело непроизвольно содрогалось при каждом сильном порыве, трепавшем волосы, а по коже пробегали мурашки. Стал накрапывать мелкий дождик.

— Васильев, ты так и не ответил, — сказал Ерохин, оглядываясь на своего конвоира. — Ты у них хоть человеком считаешься, или просто так, на побегушках?

Быстро схватив Ерохина за шиворот, Васильев крепко прижал солдата к стене. В подбородок пленника уперлось холодное дуло пистолета. Послышался щелчок взведенного курка.

— Да что ты, сука, знаешь о людях? — прошипел бандит, прижавшись губами почти к самому уху солдата. — Думаешь, я доволен такой жизнью? Будь моя воля, перестрелял бы всех к чертовой матери и двинул на Большую Землю.

— Так что же тебе мешает? — ухмыльнулся Ерохин. Солдат не боялся оружия у своего подбородка. Почему-то он был уверен: Васильев не выстрелит. Не посмеет.

— Не твое дело, — рявкнул бандит, толкая Ерохина перед собой. — Вперед!

Солдат молча двинулся к воротам, за которыми, сидя на рельсе, отдыхали Версоцкий и наемник. Егорка, держа в руках короткий автомат, бесцельно шатался туда-сюда, что-то напевая себе под нос. Завидев Васильева и Ерохина, бандит приказал пленникам встать. Те нехотя подчинились.

— Чому так довго? — недовольно пробурчал Егорка, засунув руку в карман кожаной куртки. Автомат остался висеть на ремне, перекинутом через плечо. — Дождь идет. Я на АПке мокнути не збираюся.

— Мне плевать, — огрызнулся Васильев, толкая солдата к остальным. — Этого в третий сектор. Приказ начальника.

Егорка присвистнул от удивления, а Версоцкий протяжно вздохнул. Наемник же, глядя на солдата, расплылся в злой улыбке.

— Чим же ты так начальнику насолив, друже, што он тебя сразу в третий сектор отправил? — усмехнулся бандит.

— Я тебе не «друже», — ответил Ерохин. — Задницу начальнику своему лизать будешь.

— Кончай трепаться, — повысил голос Васильев. — Я объясню «мясу» что да как, а ты пока мне куртку принеси. И ствол не забудь.

Егорка коротко кивнул и, поправив автомат, отправился к сторожке.

«Надо же. А все-таки Васильев не последняя пешка у этих отморозков».

— Разъясняю специально для тебя, Ерохин, — сложив руки за спиной, начал бандит. — Твоей основной задачей является извлечение артефактов из аномалий. Их там много.

— Кого? — не удержался солдат. — Артефактов или аномалий?

— Еще раз перебьешь — получишь по хлебалу, — осадил пленника Васильев. — И того, и другого много. Ты пойдешь в третий сектор — самый опасный. Аномалии там расположены хрен пойми как и постоянно перемещаются, но за пределы определенного пятна не выходят. Артефакты там самые дорогие. На то, чтобы собрать как можно больше «ништяков», у тебя будет минут пятнадцать-двадцать. Потом ты оттуда сваливаешь. Если норму сделаешь — отдыхаешь до завтра. Не сделаешь — снова пойдешь в третий сектор. Я и Егорка вас охраняем.

— От кого? — спросил Ерохин. — Там что, еще и зоопарк с мутантами рядом?

— Не смешно.

У Ерохина начинало складываться странное впечатление, что он прямо чувствует злость, которая закипала в душе у Васильева и которую он тщательно скрывал за показушной крутостью. Теперь Ерохин был уверен, что бандит люто ненавидит всех этих отщепенцев, оборудовавших свой лагерь у старой железной дороги, но по неизвестным обстоятельствам должен быть с ними заодно.

— Заспокойся, Васильев, — вернувшийся Егорка протянул кожанку. — Одевайся и пишли.

Васильев облачился в куртку и, проведя крупной ладонью по мокрым волосам, натянул капюшон. Пистолет он спрятал в кобуру, взяв у Егорки второй автомат.

— Вперед, — качнул он стволом. — Дорога чистая, так что в аномалию не вляпаетесь.

Пленные угрюмо двинулись в указанную сторону. Воспользовавшись тем, что бандиты, занятые разговором между собой, не обращают на пленных никакого внимания, Ерохин нагнал Версоцкого и пристроился рядом.

— Как вы, профессор? — участливо спросил солдат, глядя в лицо старика, на котором блестели капельки дождевой воды. Если бы не накидка, сделанная из большого куска полиэтилена, ученый промок бы до нитки, а так лишь вздрагивал в такт порывам холодного ветра. У Ерохина такой накидки не было, и он, стуча от холода зубами, пытался согреться, растирая замерзшие предплечья.

— Стабильно, — профессор приподнял уголки губ в жалком подобии улыбки. — А вы как? Что говорил Сергей Григорьевич? Он

просто так не вызывает.

Ерохин, так, чтобы его не услышал наемник, вкратце пересказал Версоцкому разговор с Хантером. Что-то утаивать в сложившейся ситуации все равно было глупо, тем более, что бежать Ерохин планировал уже только в компании с профессором.

— Даже так, — удивленно поднял брови Версоцкий, когда Ерохин рассказал ему о личных мотивах главаря бандитов. — Крупно же вы ему насолили. Это очень плохо.

— Не надо, профессор, — у солдата не было желания выслушивать печальные прогнозы. — Лучше расскажите мне о третьем секторе.

Версоцкий поправил накидку и заговорил вполголоса, словно боялся, что его накажут за выдачу секретной информации:

— В третьем секторе аномалии, как уже сказал Васильев, бродячие. Но двигаются они не в хаотичном порядке, а в строго замкнутом цикле. И по спирали. Средняя скорость высока — примерно пять-семь метров в минуту. Но границы видны отчетливо, случайно нормальному человеку не попасть. Только из-за усталости или ошибки.

Пленники, постоянно оступаясь и оскальзываясь на мокрой траве, с трудом поднялись на холм, откуда их глазам открылся вид на старый, заброшенный вагончик. А прямо за ним, в радиусе нескольких сотен метров, вспыхивали, искрили, выбрасывали хлопья снега, — которые испарялись не долетая до земли, — гудели и просто переливались всеми цветами радуги всевозможные аномалии. Казалось, будто добрый волшебник специально собрал все эти чудеса Зоны в одном месте, чтобы создать красоту, с которой не в силах тягаться ничто в этом мире.

Аномальная Полянка действительно состояла из трех секторов, которые отличались так же, как день отличается от ночи. Не заметить условные границы между секторами мог только слепой.

В первом секторе преобладали, по всей видимости, гравитационные аномалии, стягивающие грунт, из-за чего земля в секторе была изборождена канавами, изрыта ямами и вспучена каменистыми буграми. Аномалии то и дело разряжались с громкими хлопками, далеко разбрасывая прессованные комья земли. Границы

аномалий не были видны достаточно хорошо, но кто-то заботливо расставил вокруг вешки.

Во втором секторе термических аномалий было больше, чем гравитационных. Здесь царил огонь, а земля была выжженна, изуродована ветвистыми трещинами и, местами, даже оплавлена. Поэтому, достаточно было не лезть туда, где виднелась обгоревшая земля.

Но самым странным выглядел третий сектор, где аномалии, выстроившись друг за другом в замысловатую цепочку, водили «хоровод», сопровождая свое перемещение яркими всполохами и громкими хлопками. Очередная аномалия, достигнув центра «спирали», исчезала, но спустя миг появлялась позади остальных. Зато и границы этих аномалий были видны вполне отчетливо.

Ерохин стоял, не в силах оторвать глаз от неописуемой, но смертельно опасной картины. На несколько долгих секунд он позабыл о льющем дожде и пронизывающем ветре. Ему хотелось стоять так целую вечность и наблюдать за ни с чем не сравнимым чудом природы.

— Красота бывает обманчива, — заметил Версоцкий, словно читал его мысли. — Это ж настоящий коктейль смерти. Где еще вы увидите «снежинку» рядом с «соковыжималкой»? А какие тут артефакты! На Большой Земле им цены нет. Поэтому и не жалеют нас, отправляя сюда на работу. Иногда, даже одним-единственным артефактом окупаются все расходы, включая смерть пленного.

— Чего встали? — прикрикнул Васильев. — Шагай живее!

Поправив накидку, Версоцкий тяжело вздохнул и, стараясь не упасть, начал спуск с холма. Ерохин шел слева, поддерживая ученого под локоть.

19

Открыв глаза, Костя несколько минут не мог сообразить, где находится и почему лежит на твердом полу, глядя в странный потолок, бо2льшую часть которого занимали небольшие экраны. Экраны ничего не показывали, словно их включили, забыв обеспечить сигналом, но светились неярким серым светом.

Откуда-то из-за головы послышался слабый стон. Костя поднял руку, осторожно пошевелил ногой и, решившись, начал приподниматься на локте. И вместе с этим движением к нему начала возвращаться память.

За серые экраны он принял окна вагона, которые оказались на своих местах, стоило ему сесть. В кресле слабо ворочался полковник Кудыкин, с трудом приходя в себя и обводя вагон мутным взглядом. Стонал же, как оказалось, губернатор, часть лица которого была испачкана подсохшей кровяной коркой. А потом Костя увидел Наташку и сперва испугался за нее — девушка лежала неподвижно, свернувшись калачиком. Но как раз в этот момент она тоже пошевелилась, повернулась и посмотрела на Костю удивительно чистым и спокойным взглядом. Чуть в стороне, недовольно морща нос, сидела Марина.

— Я не очень хорошо понимаю, что происходит, — сказал сидящий на полу Ломакин, — но, по всей видимости, мы крупно вляпались в какую-то аномалию.

— Надо выяснить, что у нас с людьми и поездом, — сказал, поднимаясь с кресла, Кудыкин.

Костя подошел к Наташке и помог ей подняться. К этому моменту все, кто находился в вагоне, уже пришли в себя и слабо двигались, создавая впечатление, как от больничной палаты. Из спального отсека появился растрепанный Вадик. Дверь, ведущая в складской вагон, открылась, и на пороге появился Миха с пистолетом в руке.

— Как вы тут? — спросил он, подозрительно оглядывая штабной вагон. — А то везде сонное царство какое-то.

— Так, — сказал Кудыкин. — Миха, за клиентом смотрит Вадик. Поэтому твоя задача — тепловоз. Посмотри, что с Иванычем. И в

каком состоянии техника. Мы вроде бы на рельсах стоим, но хотелось бы подробностей. Феоктист Борисович разбирается со своей лабораторией. Вадим Сергеевич — вагон охраны. Господа журналисты — прошу вас оценить последствия для складского вагона. Сам иду смотреть, что у нас с поездной бригадой. Встречаемся здесь через двадцать минут. Выбираться наружу до выяснения обстоятельств категорически запрещаю.

А через час они все уже стояли на крыше складского вагона. Один из лаборантов Ломакина в защитном костюме выбрался наружу и взял пробы с крыши и стен вагонов. Оказалось, что отравляющее вещество успело разложиться на безопасные компоненты и больше не представляло угрозы. После этого Кудыкин объявил по общей связи, что разрешает с осторожностью покинуть состав и осмотреть вагоны снаружи.

Странная аномалия, усыпившая людей во всех вагонах, исчезла без следа вместе с серебристым туманом. Во всяком случае, ни малейших следов ее присутствия люди Ломакина не обнаружили. Никакого особого вреда она тоже не принесла, и вскоре с обеих сторон от поезда замелькали люди.

Поезд стоял перед разрушенными рельсами, буквально в нескольких метрах позади замершей неподвижно беспилотной дрезины. Со смотровой площадки, где Кудыкин устроил совещание, хорошо просматривалась проплешина в лесу, откуда когда-то пришел водяной вал, промоина в насыпи и торчащие в разные стороны, вывернутые стихией рельсы. Люди Ломакина, наскоро изучив характерные признаки случившейся здесь когда-то катастрофы, сделали вывод, что базовый принцип путешествий в Зоне по железной дороге остался ненарушенным: пути были уничтожены водой, которая где-то долго копилась, а потом вырвалась на волю, похватала камни, бревна, веревки и проволоку — все, что оказалось рядом, — и ринулась в атаку на лес. Устроила настоящую просеку, повалив все деревья, что посмели встать на ее пути, а потом влетела на аномальные поля, протянувшиеся вдоль железнодорожной насыпи, и почти немедленно превратилась в пар. Получился взрыв такой силы, словно здесь отбомбился авиационный полк.

Тем не менее, после короткого осмотра, монтажная бригада решила, что сумеет восстановить дорогу за несколько часов. Теперь

платформа, груженная рельсами, пустела прямо на глазах. Подъемный кран, лебедка и люди двигались в настолько согласованном ритме, что Костя даже начал «отключаться», погружаясь в транс наблюдателя.

— Вы все прекрасно знаете, что положение дел у нас — незавидное, — начал свою речь Кудыкин, но вынужден был прерваться, чтобы откашляться.

Собственно, именно из-за этого он и перенес совещание на открытый воздух — в штабном вагоне он кашлял так, словно собирался выкашлять не только легкие и бронхи, но и вообще все внутренние органы.

— Бандиты применили самое настоящее боевое отравляющее вещество, — продолжал Кудыкин. — И это не просто какой-то яд, с которым справится любой противогаз. Все было рассчитано именно на то, что мы воспользуемся противогазами и сразу же погибнем. Как они такой химией в Зоне разжились — понятия не имею.

Все подавленно молчали. Только Марина шептала что-то успокаивающее Наташке на ухо. Да переглядывались «костюмы» из свиты губернатора.

— Ситуация сложилась непредвиденная. Мы потеряли больше половины личного состава экспедиции. И находимся во внутренних районах Зоны. Позади у нас бандиты, в распоряжении которых есть гранатометы и даже орудие, поставленное на тепловоз. Впереди — разрушенные рельсы и полная неизвестность. Вдобавок, мы попали в аномалию, которая частично вывела из строя некоторые приборы. Судя по тому, что я вижу вокруг, сейчас вечер. Это значит, что без сознания мы провели много часов. А еще это означает, что сегодня мы вернуться на базу вряд ли успеем — придется ночевать здесь, в Зоне.

Костя ждал, что губернатор снова набросится на Кудыкина с упреками, но тот, оглядев свою «свиту», поднялся, подошел и положил ему руку на плечо.

— Полковник, ты не держи на меня зла, что орал на тебя, — извиняющимся голосом сказал губернатор. — Нет тут теперь начальников и подчиненных — все в одной ловушке сидим. Знаю, с пулеметчиками у тебя напряг — давай, я к станку встану. Не бойсь, умею.

Кудыкин несколько секунд испытующе смотрел на него, потом, не говоря ни слова, лишь устало качнул головой, соглашаясь.

— А если со мной что — вон, мужики подменят. Стреляют, они, конечно, как придется, но это лучше, чем ничего. Справишься, Федор?

— Да чего там, — отозвался молодой мужчина из «свиты». — Наши все служили, записывайте в пехоту.

— Теперь главное решить, что дальше делать, — сказал губернатор.

— Проедем и сразу же демонтируем рельсы, — сказал Кудыкин. — Потом отъедем на несколько километров, чтобы нас нельзя было достать газом. Закроемся изнутри и будем ночевать. Предпринимать еще что-либо в нашей ситуации — безумие. Ну, придется провести в поезде ночь или две. А потом нас либо обнаружит спасательная экспедиция, либо мы сами выберемся на основную дорогу и вернемся на базу своим ходом. Как бы ни печальны показались наши дела, мы все-таки находимся в достаточно безопасном месте. Хоть и среди аномалий.

— Отличный план, — сказал губернатор, поворачиваясь к «свите». — Так, мужики, убираем костюмы до лучших времен. Всем надеть форму. Переходите в полное прямое подчинение начальника экспедиции.

— Наталья, — позвал Кудыкин. — Как там Роман Андреевич себя чувствует?

— Действительно, — сказала издевательски Марина. — Как там наш Замзам поживает?

— Лежит лицом к стене, — сказала Наташка, поправляя рукой сползающие на лицо волосы. — Иногда что-то бормочет и всхлипывает.

— Все как обычно, — «перевела» Кудыкину Марина. — Жалеет, что не может задержаться здесь подольше, ведь тут так интересно!

На разборку путей позади бронепоезда Кудыкин отправил всех свободных людей, которые в состоянии были держать инструмент. Поэтому приличный участок дороги разобрали за каких-то пару часов. Снятые рельсы тут же пустили на починку дороги впереди, и вскоре бронепоезд отошел от места последней остановки на несколько километров. Но снова был вынужден остановиться из-за точно такого же разрушения путей.

К этому моменту сумерки окончательно накрыли одинокий бронепоезд, и Кудыкин приказал закрыть все двери и герметизировать

вагоны.

20

Несмотря на потери, людей в составе экспедиции оставалось достаточно, чтобы пришлось срочно решать проблему с организацией спальных мест. Правда, все к вечеру вымотались настолько, что никого не смущало отсутствие постелей. Вагон для охраны оказался наиболее заполненным, и люди просто ложились на пол, подложив под голову любую скомканную тряпку.

Люди Ломакина решили ночевать в своей лаборатории. Самого профессора, губернатора, Наташку и Марину Кудыкин определил в спальный отсек по соседству с Романом Андреевичем. А Косте и ефрейтору Хиженкову предложил размещаться в общем помещении штабного вагона, где собрался ночевать и сам.

— В нашем вагоне дежурить будете вы, — сказал он, раскладывая на диване подушку, завернутую в одеяло, — и телохранители Романа Андреевича. Средства связи, инструкции — все выдам сейчас, когда соберутся дежурные из остальных вагонов.

Заметив, как Марина вышла из спального отсека и отправилась в тамбур, Костя пошел следом и попросил у напарницы сигарету.

— Держи, — сказала Марина, открывая новую пачку. — Отравы не жалко.

В темноте неосвещенного тамбура вспыхнула зажигалка, подсветив осунувшееся, но без тени уныния, лицо Марины. Как выглядит его собственное лицо, Костя старался даже не думать.

— За красавицу свою не волнуйся — дрыхнет уже без задних ног, — сказала Марина, сделав пару глубоких затяжек. — Зачем этот дурак потащил молодую девку в Зону — огромная для меня загадка.

— Как думаешь, — осторожно спросил Костя, — завтра сумеем вернуться?

— Костя, ты же мальчик, — шутливо сказала Марина, — а девочка здесь я. Это ты меня успокаивать должен.

— Я не то чтобы сильно боюсь, просто хотел спросить, — сказал Костя и вдруг понял, что на самом деле ему есть чего бояться. И что прямо за стенкой вагона царит ночь, в которой может бродить что

угодно: от мутантов и завистливых людей с гранатометами до каких-нибудь движущихся аномалий.

— Боишься-боишься, — сказала Марина. — А если не боишься, значит совсем мозги себе из-за Наташки вывихнул. Не знаю насчет завтра. Мне теперь кажется, что если мы вообще из этой истории выпутаемся, это будет для нас удача. А ты, кстати, почему перестал снимать?

— Снимал, когда вспоминал, — сказал Костя. — Просто, не всегда об этом думать была возможность.

— Ну и напрасно, — сказала Марина. — Это же наша работа. Представь, какой будет успех, если мы с таким материалом отсюда сумеем выбраться?

— Так нам и дали такое показать, — возразил Костя, — но в целом ты права. Постараюсь вести съемку как можно чаще.

С непривычки от сигареты начала немного кружиться голова. Но пришла и некоторая расслабленность, словно бы отодвинувшая на второй план все тревоги и волнения.

Дверь из вагона открылась, и в темноту тамбура сунулся ефрейтор Хиженков.

— Костя, ты здесь? Пойдем, товарищ полковник начинает инструктаж для дежурных.

Пока Кудыкин объяснял график дежурств и порядок действий в случае тревоги, Костя снимал инструктаж на камеру. Полковник не только не возражал, но даже одобрительно кивнул, увидев, как загорелся индикатор начала записи на корпусе камеры.

Вскоре все разошлись, а поскольку первым выпало дежурить Хиженкову, Костя соорудил себе нехитрую постель из двух бушлатов, которые ему дал Кудыкин. Дежурство ему выпало под утро, поэтому он рассчитывал поспать хотя бы четыре часа.

Он думал, что сразу заснуть не получится — слишком много всего случилось за прошедший день, и слишком неопределенной оставалась ситуация. Но стоило голове опуститься на самодельную подушку, как он немедленно провалился в сон.

Проснулся Костя от звуков возни рядом с тамбуром. Кто-то с яростью в голосе шептал:

— Пусти, сволочь. Там мой дружбан!

— Совсем сбрендил, солдат, — отвечал ему другой голос тоже шепотом. — Откуда твоему дружбану взяться здесь, да еще среди ночи? Тебе разве это полковник объяснял?

— Руки убери, — шептал первый. — Руки! А то вдарю!

Костя быстро поднялся и, еще ничего не понимая, пошел на звуки яростной, хотя и очень тихой, перебранки. Он вдруг понял, что проснулся именно из-за этой вот напряженности в голосах обоих спорщиков, поскольку сам их шепот был еле слышен.

Рядом со спальным отсеком горела крохотная лампочка дежурного освещения, и в ее свете Костя с удивлением опознал в первом спорщике ефрейтора Хиженкова, а во втором — Романа Андреевича собственной персоной. Судя по всему, Хиженков собирался выйти в тамбур, а чиновник загораживал ему выход.

— Ты что, не слышишь разве? — чуть не плача, шептал Хиженков. — Это же Ерохин. Он догнал нас и просит, чтобы его пустили. А ты что, предлагаешь ему до утра у вагона сидеть?

— Это не может быть Ерохин, — шептал в ответ Роман Андреевич. — А если сомневаешься — буди Кудыкина.

— Товарищу полковнику отдых нужен, да и незачем будить ради плевого дела. Уйди, а то применю силу.

Весь этот дурацкий разговор показался вдруг Косте на редкость зловещим. Сама мысль о том, что где-то рядом с поездом, посреди ночной Зоны, может сидеть отставший еще утром Ерохин, не вызывала никаких иных чувств, кроме страха.

— Что здесь происходит? — спросил он, приближаясь к Хиженкову сзади.

— Ерохин снаружи, — горячо сказал Хиженков. — Неужели вы не слышите, как он зовет? Ну вот же. «Хиженков, — говорит. — Открой дверь. Я очень устал и замерз. Открой скорее, брат».

Костя честно прислушался, и даже вроде бы действительно начал улавливать на пределе слышимости какое-то невнятное бормотание, но не смог разобрать ни слова.

— Что ты за дурак такой, солдат! — зашипел на Хиженкова Роман Андреевич, и Костя понял, что чиновник с трудом сдерживается, чтобы не заорать от страха. Видимо поэтому он и говорил только шепотом. — Как сквозь броню ты мог услышать тихие слова? Откуда

твой Ерохин знает, что ты здесь, если ты должен быть в вагоне охраны?

— Тихо, — сказал Хиженков. — Слышите?

Теперь Костя слышал отчетливый цокающий звук где-то наверху, словно по крыше вагона действительно ходил солдат в сапогах с подковками. Только шагал этот «солдат» как-то странно. Делал несколько быстрых шагов и замирал, словно прислушиваясь к происходящему внутри вагона.

Леденящий страх хлестнул по спине колючими иглами. Костя понял, что начинает терять контроль над собой. Что же касается Романа Андреевича, то он и вовсе выпучил глаза и, беззвучно вскрикнув, вдруг метнулся в спальный отсек, чуть не сбив с ног выходящего Миху. Хиженков тут же двинулся в тамбур, и Костя вдруг предельно отчетливо понял: ефрейтору абсолютно не страшно и через несколько секунд он просто откроет наружную дверь.

— Миха, держи его! — обретая голос, вскрикнул Костя, хватая Хиженкова за плечи.

Миха повел себя, как и положено телохранителю. Не задавая лишних вопросов, он подсек Хиженкову ногу и за секунду скрутил его в какой-то замысловатый узел, из которого торчали только вывернутые в суставах руки. А Костя метнулся в общую часть вагона.

Разбуженный шумом борьбы, Кудыкин не спал. Он сидел на диване, с уже включенным светильником, и смотрел на Костю совершенно нормальным взглядом, в котором не было и следа сонливости. В руке его тускло блестел пистолет.

Пока Костя сбивчиво объяснял Кудыкину, что случилось, вокруг него собрались губернатор, Ломакин и Марина.

— Великие силы, — со страхом в голосе сказал Ломакин. — Ночной шептальщик! Прямо у нас на крыше! Полковник, будите всех! Срочно!

Костя ничего не понял, но видя, как исказилось лицо Кудыкина, сообразил, что дело плохо.

— Тревога! — рявкнул полковник в рацию, и почти в тот же момент где-то за бронированной стенкой отчетливо хлопнул выстрел.

— Это на складе, — слабо простонал Хиженков. — Отпустите, я в норме.

— Отпусти его, — быстро сказал Кудыкин Михе. — Вадика зови. Автоматы берите в пирамиде. Быстро!

Так же глухо застрекотал автомат, а следом кто-то закричал так протяжно и страшно, что у Кости аж ноги подкосились от страха. Но глядя на обоих телохранителей, деловито щелкающих затворными рамами автоматов и пристегивающих магазины, опомнился и тоже устремился к пирамиде. Правда, последний автомат прямо у него перед носом забрал Хиженков.

— Держи, — сказал Миха, оценив взглядом безоружного оператора и протягивая ему пистолет. — К стрельбе все готово. Просто жмешь на курок и будет выстрел.

Костя лихорадочно кивнул.

— Сиди здесь и прикрывай нас со спины, — строго сказал ему Кудыкин. — Так, все готовы? Миха первый. Пошли!

В соседнем вагоне разом ударили сразу два автомата и снова кто-то закричал. Кудыкин открыл дверь и, пропустив вперед Миху, быстро шагнул следом. Над левым плечом Михи он держал включенный фонарь. Вадик шел за ним след в след, держа автомат немного под углом, но явно готовясь стрелять из-за полковника, как из-за стены. Хиженков положил левую руку Вадику на плечо, а в правой нес автомат стволом кверху и не отставал ни на шаг. Короткая колонна почти мгновенно втянулась в тамбур, и Костя остался стоять у открытой двери, за которой была лишь темнота.

Он оглянулся. Губернатор стоял, по-ковбойски расставив ноги, в рубашке с засученными рукавами и без галстука. В каждой руке у него было по пистолету. Ломакин вытащил откуда-то короткий дробовик. С оружием наперевес он сразу перестал казаться добрым дедушкой. И даже Марина встала за столом и слегка покачивала в руке небольшой туристический топорик с пластиковой рукоятью. На лице напарницы Костя с удивлением не заметил и тени страха. Марина выглядела хмурой, сосредоточенной и уверенной в себе.

Костя посмотрел на тяжелый пистолет в своей руке и вошел в тамбур. В складском вагоне снова поднялась стрельба, и раздались яростные вопли. Решившись, Костя бросился вперед, открыл дверь и вломился на склад, держа пистолет в вытянутой руке.

По вагону метались черные тени, звенел металл, пахло порохом и горелой бумагой.

— Не стрелять! — орал полковник Кудыкин. — Своих рикошетом положите!

— Вон он, стреляй! — тут же закричал кто-то с другой стороны.

Костя в растерянности остановился одновременно оглушенный, ослепленный мелькающими вспышками света и шокированный смрадным воздухом. Пистолет он продолжал держать перед собой, но никак не мог сообразить, надо ли стрелять, и если надо, то куда.

— Бей, бей его! — заорал в темноте голос Михи, и грянул выстрел, подсветив на мгновение раскоряченные на бегу фигуры и страшную тварь, несущуюся прямо на Костю.

Ее было видно долю секунды, но и этого было достаточно, чтобы навсегда запомнить бугристую кожу, похожую на кору больного дерева, длинные кривые когти и вытянутую книзу, словно обвисшую под собственной тяжестью, морду, странным образом напоминавшую и человеческое лицо, и свиное рыло. Но ужаснее всего были глаза твари, словно бы заглянувшие прямо в душу. Косте вдруг показалось, что этим взглядом тварь что-то схватила внутри него, что-то очень важное и нужное. Схватила, обернула в липкий кокон и потащила наружу.

— И-и-аа! — завизжал от ужаса Костя и конвульсивно нажал на спусковой крючок.

Тяжелый пистолет грохнул, точно в железный лист саданули молотом, отдача подбросила руку вверх, но промахнуться с такого расстояния даже такому никудышному стрелку, как Костя, не удалось. Подбежавший через пару секунд Кудыкин подсветил сперва перепуганного, но абсолютно целого оператора, и лежащую на полу тушку какого-то уродца, половина головы которого превратилось в маслянистую кашу.

— Еще один! — заорали на другом конце вагона. — Он Серегу наверх потащил!

Кудыкин хлопнул Костю по плечу и метнулся по коридору обратно. Еще не отойдя от шока, Костя все-таки бросился следом.

В темноте, лишь время от времени подсвечиваемой высверками фонариков, Костя торопливо пробирался по каким-то мягким вещам, лежащим на полу, наступил во что-то липкое и наконец оказался в другом конце вагона. Как раз в тот момент, когда сверху по лестнице с криком покатился клубок из человеческих тел, а в открытый люк

просунулась хищная вытянутая морда. Судя по размерам головы, тварь была величиной с человека, а обилие кривых зубов в открытой пасти не оставляло сомнений в намерении хищника.

Оказавшись в пучке яркого света фонаря Кудыкина, тварь зарычала, жмуря раскосые глаза. Костя судорожно поднял пистолет, но первым начал стрелять полковник. Стрелял он быстро, и Костя услышал два выстрела Кудыкина прежде, чем успел выстрелить сам. Следом загрохотал автомат, но тварь уже исчезла из проема люка.

Клубок тел, докатившись до низу, распался, и первым из него на ноги поднялся окровавленный ефрейтор Хиженков.

— Они Серегу утащили! — заорал он и снова полез вверх по лестнице, размахивая ножом.

— Стоять! — рявкнул Кудыкин. — Козлов, гранату!

В этот момент у них за спиной лязгнула дверь и Костя с испугом обернулся, ожидая увидеть очередного монстра. По счастью, это оказались солдаты и люди губернатора из вагона охраны, только к этому моменту сумевшие организоваться на подмогу. Несколько секунд царила немая пауза, пока те, кто был на складе, осознавали, что опасности нет, а те, кто пришел на помощь, растерянно смотрели в направленные на них стволы.

Первым опомнился Кудыкин:

— Это свои, блин! Козлов, гранату кинул и сразу наверх. Миха, Вадик, прикрываете. Потом все остальные разом. Да смотрите, в спины друг другу не постреляйте. Давай, Козлов!

Небольшого роста сержант взбежал на несколько ступеней, оперся о плечо замершего на ступеньке Хиженкова и ловко бросил гранату наверх в открытый люк. С оглушительным треском граната взорвалась, в броню снаружи ударил град осколков. Над проемом люка с воем мелькнула темная тень.

— Вперед! — взревел Кудыкин.

Первым на обзорную площадку устремился Хиженков. Миха и Вадик отстали на какую-то секунду.

— Иваныч, прожектора! — заорал Кудыкин в рацию.

Костя и сам не заметил, как оказался на лестнице, и побежал вверх по ступеням, чуть ли не подталкиваемый снизу вооруженными людьми. Снаружи уже вовсю трещали автоматы и визжали на разные голоса неведомые твари. Но, пожалуй, впервые с того момента, как

проснулся, Костя не испытывал страха. Выбравшись наружу, он оказался на обзорной площадке, ярко освещенной прожекторами бронепоезда. Со всех сторон, спинами к люку теснились люди, поливающие огнем крыши вагонов. Правда, к грохоту выстрелов Костя уже почти привык и поэтому смело протиснулся между двумя автоматчиками, выставив перед собой пистолет.

К этому моменту почти все уже было закончено: лишь где-то в районе грузовых платформ еще прыгали в темноту скрюченные тени каких-то животных, зато вся крыша была усеяна ужасными на вид, агонизирующими трупами.

— Прекратить огонь! — скомандовал полковник Кудыкин. — Прекратить!

Почти сразу стрельба стихла. Люди поднимали оружие, отсоединяли магазины, производили контрольные спуски.

— Серега! — закричал Хиженков и бросился бежать к слабо шевелящемуся телу у самого края вагона.

Миха осторожно забрал у Кости пистолет.

— Трупы тварей сбросить вниз, — громко скомандовал Кудыкин, — и вернуться на свои места. Люк задраить. Всем дежурным пройти в штабной вагон — надо сделать кое-какие выводы из случившегося.

Вернувшись в штабной вагон, Костя немедленно подвергся новой атаке: Наташка буквально повисла на нем, спрятав лицо у него на плече. Костя растерянно гладил ее по спине и немного сконфуженно смотрел на Марину, Ломакина и губернатора, уже поубиравших оружие и спокойно сидящих за общим столом. Правда, никто, вопреки опасениям, не ухмылялся и не строил многозначительные гримасы. Дыхание смерти, прошедшей от всех присутствующих на расстоянии вытянутой руки, разом все упростило и оконкретило, лишив любые двусмысленности их волнующей остроты.

И даже когда через полчаса в вагоне собрались все дежурные, которым еще предстояло нести вахту до утра, Наташка отказалась уходить и сидела рядом с Костей, вцепившись ему в руку, словно боясь, что он вдруг встанет и снова убежит воевать с монстрами в складской вагон.

— Для тех, кто не понял, что случилось, объясняю, — говорил между тем полковник Кудыкин, словно напрочь забывший о своих ранах. — Ночной шептальщик — один из самых неприятных монстров

местного происхождения. Тварь редкая, опасная, но в сталкерской среде довольно известная. Действует на жертву, внушая ей некие галлюцинации, которые должны заставить ее подойти к нему поближе. Он не такой мощный телепат, как зомбовод или кукловод, и сопротивляться ему можно, если критически относиться ко всему неожиданному и непонятному. Поэтому сам по себе он не очень опасен. Но с ним, как рыбы-прилипалы, обычно всегда бродит некоторое количество хищного зверья. Они-то сегодня и доставили больше всего неприятностей. Итак, шептальщик опасен, прежде всего, для тех, кто не привык критически мыслить. А пример того, как поступать с ночным шептальщиком, нам сегодня подал Константин.

Костя смущенно улыбнулся, когда десяток человек с удивлением посмотрели на него.

— Не смотрите, что Константин в Зоне впервые. С одного выстрела завалил вполне серьезного монстра, — полковник улыбался и было непонятно: хвалит или тонко издевается над перепугавшимся оператором?

— Я случайно, — сказал Костя и смущенно умолк, когда все начали смеяться.

— Между прочим, Костя, — сказал Ломакин, — у сталкеров есть поверье, что убив ночного шептальщика, сталкер забирает себе часть его души. И становится не таким уязвимым перед другим ночным шептальщиком или кукловодом, например. Суеверие, конечно, но если случится пить в сталкерском баре — могут за такую историю и напоить вдребезги за бесплатно.

— Итак, — сказал Кудыкин, легко перекрывая все голоса, — шептальщик забрался к нам на крышу и попытался вынудить людей внутри открыть двери. В нашем вагоне дежурный попал под влияние мутанта, но мы успели его остановить.

— Виноват, — сказал Хиженков.

— Вашей вины здесь нет, юноша, — сказал Ломакин. — Это скорее вина руководства экспедиции. Мы не провели инструктаж по зверью. В основном, все про бандитов думали.

— В лабораторном, дежурный вместо того, чтобы нести вахту, занялся изучением интереснейшей сейсмограммы, — ехидно сказал Кудыкин, — поэтому, сколько шептальщик ни тужился, пробить научный интерес нашего ученого ему не удалось.

Все снова засмеялись, поглядывая на молодого парня, моментально покрывшегося красными пятнами от стыда.

— Дежурный вагона охраны заснул на посту, — жестко отсек веселье Кудыкин. — Стыд и позор. Его счастье, что он является лицом гражданским и принадлежит к аппарату губернатора, а то за такие дела военный трибунал — самое то.

— Я с ним разберусь по приезде, — пообещал губернатор. — Тоже мало не покажется.

— Тем не менее, крепкий сон этого человека уберег самый населенный вагон от атаки мутантов. Боюсь, если бы он открыл двери, там была бы настоящая бойня. Именно так случилось на складе. Там дежурному показалось, что принесли пиццу. Я не знаю, каким надо быть кретином, чтобы открывать люк на крышу разносчику пиццы в Зоне. Или, может, человек оказался слишком чувствительным к воздействию шептальщика. Этого мы уже не узнаем — как только люк был открыт, парня немедленно вытащили на крышу и успели наполовину сожрать.

Больше никто не улыбался. Несмотря на тот факт, что это была далеко не первая потеря, смерть члена экспедиции все еще воспринималась очень тяжело.

— Потом сам шептальщик и несколько его «прилипал» спустились в складской вагон и попытались там полакомиться. Но получили достойный отпор.

Костя вдруг понял, что медленно засыпает, несмотря на то, что отчетливо слышит каждое слово Кудыкина. Вздрогнула, просыпаясь, задремавшая было Наташка.

— Костя, ты бы отвел барышню спать, — прервался Кудыкин. — А потом и сам ложись. Я на сегодня с тебя снимаю дежурство. Далеко не каждому удается хотя бы увидеть ночного шептальщика, а не то, чтобы убить из пистолета. Так что, на сегодня для тебя война закончена.

Уже ворочаясь на своей лежанке, перед тем как провалиться в темный сон, Костя вдруг с испугом очень отчетливо вспомнил страшные глаза монстра, которого он успел убить раньше, чем тот что-то потянул из его души. И с ужасом осознал, что какая-то липкая часть неизвестно чего, принадлежащая ночному шептальщику, осталась где-

то внутри Кости. И от этого «неизвестно что» будет весьма трудно избавиться.

21

Пленники спустились с холма и остановились недалеко от границы Аномальной Полянки. Васильев вытащил из кармана связку ключей и подошел к двери вагончика, а Егорка, перевесив на пояс гранату, принялся озираться по сторонам, всем своим видом показывая, что готов к отражению любой угрозы. Ерохин с презрением посмотрел на бандита и сплюнул. В абсолютной небоеспособности Егорки он был уже практически уверен. Во времена своего сталкерского бытия, он считал бандитов чем-то похожим на микробов, поразивших организм Зоны. Вроде как для опытного сталкера и опасности большой не представляют, и планомерному лечению поддаются — число рейдов на бандитские лагеря сталкер Связист перестал считать после второго десятка, — но и совсем извести эту заразу не получалось никогда.

Наглядным доказательством тому было появление постоянной базы бандитов чуть ли не под носом у военных. Да еще и со своим собственным тепловозом, а значит — и с сетью восстановленных железнодорожных путей.

— Ну, ты там скоро? — мерзкий голос Егорки вернул Ерохина к промозглой реальности.

— Открывай сам, если такой умный, — огрызнулся Васильев, дергая ключ в ржавом, намертво заклинившем замке. Спустя несколько секунд его попытки все же увенчались успехом — с громким щелчком замок открылся. Бандит обернулся, окинул взглядом всех и жестом приказал отойти. Находясь под прицелом автомата, пленные сделали несколько шагов назад, но Егорка с места так и не сдвинулся. Васильев презрительно посмотрел на него, сбросил с головы капюшон и медленно, очень осторожно, приоткрыл дверцу вагончика. Просунул в образовавшуюся щель руку и, после пары манипуляций, громко выдохнул. Когда дверца открылась полностью, на порожек выкатился черный ребристый предмет, матово блестящий гранями в тусклом свете солнца.

— Растяжка, — машинально сказал Ерохин, силясь понять, для чего бандиты ее поставили? Что может быть в старом, потертом

вагончике? Без сомнения, что-то важное, раз гранаты не пожалели. И ведь сделано с умом, толково.

— Угу, — буркнул Васильев и скрылся в вагончике.

Со стороны Аномальной Полянки подул теплый ветерок.

Ерохин довольно зажмурил глаза. На его лице появилась счастливая улыбка. На миг позабылись все проблемы, захотелось вдруг расправить крылья и лететь, растворившись в потоке благодатного воздуха. Но только на миг... Тревожная мысль о неправильности происходящего промелькнула в голове Ерохина за секунду до разрядки аномалии. Инстинкты бывшего сталкера, даже спустя столь долгое время после ухода из Зоны, сработали безупречно — солдат бросился на Версоцкого, повалил его на землю и накрыл своим телом. Рядом плюхнулся наемник. Яркий столб пламени, достигающий в высоту двухэтажного дома, взметнулся к небу в трех-четырех метрах позади пленников, почти полностью высушив их одежду. А полиэтиленовая накидка, которую Версоцкий так и не снял, даже слегка оплавилась, облепив оранжевый костюм эколога. Взревев, будто на прощание, аномалия погасла, оставив после себя пепел выжженной травы и расширяющееся облачко черного дыма.

— Чё ржешь, сучонок?! — заорал наемник, когда Егорка, находившийся на безопасном от аномалии расстоянии, начал смеяться над пленниками.

Громко сопя, Егорка отряхнулся и посмотрел на наемника так, что всем сразу стало понятно — такого унижения бандит не простит никогда.

Между тем Васильев присел на корточки и расстегнул рюкзак, поочередно вытаскивая из него мешочки и прямоугольные, разделенные на отсеки, ящички.

— Контейнеры на пояс. Мешки с болтами тоже, — приказал бандит, бросая оборудование к ногам пленников. — Ерохин, идешь в третий сектор. Наемник — во второй. Профессор, вам, как всегда, тихое место с комфортом в первом секторе.

Ерохин хмыкнул и поднял с земли слегка влажный контейнер. Перебросив ремень через плечо, открыл ящичек — взгляду предстали толстые освинцованные стены с небольшими круглыми выемками для артефактов. Ну, теперь ясно, почему контейнер такой тяжелый. Захлопнув крышку, Ерохин оставил его болтаться на поясе и взял в

руки мешочек. Мокрая ткань тряпки, в которую были завернуты болты, неприятно холодила ладонь, и Ерохин убрал мешочек в карман комбинезона.

Окинув взглядом нервно переминающегося с ноги на ногу профессора, солдат пожелал ему удачи и зашагал в сторону первого сектора.

Аномалии будто почувствовали приближение человека — со всех сторон раздался гул, потом тонкий, переходящий в ультразвук, писк, а затем и хлопки. Ерохин расставил пальцы в стороны и выставил руку вперед — только так, на кончиках пальцев, и следовало идти через хорошо видимые аномальные поля. От болтов здесь толку не было. Выдавая ему набросочный комплект, бандиты действовали как обезьяны, копируя привычки сталкеров. И не понимая, что болтик используют, чтобы увидеть невидимое. А когда аномалию видно, болт нужен как восьмая нога семиногой мутсобаке.

Не почувствовав никакого давления на ладонь, солдат медленно сделал шаг вперед. Сталкерские инстинкты обострились до предела: все движения стали предельно точными; сузившиеся зрачки улавливали малейшие движения; слух фиксировал даже самые тихие звуки, исходившие от ловушек, а напряженное, как струна, тело было готово в любую секунду отреагировать на опасность.

Осторожно минуя коварные аномалии, Ерохин преодолел метров семьдесят.

Внезапно все звуки пропали. Не стало слышно ни писка, ни гула, ни хлопков. Осталась лишь первозданная тишина. Сперва Ерохин испугался, что оглох, однако несколько слов, сказанные им для проверки, были слышны так же хорошо, как и раньше, развеяв опасное предположение. А спустя миг вопросы отпали сами собой — солдат понял, что попал в невидимую и, в принципе, безобидную аномалию «глушилка». Но безобидную тогда, когда рядом нет пары десятков ловушек. И если раньше Аномальная Полянка казалась Ерохину всего лишь достопримечательностью Зоны, пройти которую для опытного ходока не составило бы большого труда, то сейчас, лишившись одного из жизненно необходимых чувств, солдат понял: место опаснее, чем это, еще нужно поискать.

Множественные аномалии, так красиво искрящиеся и бьющие хлопьями снега издалека, больно обжигали ладонь, или же сковывали

нестерпимым холодом. Комья спрессованной земли летели в лицо, когда очередная ловушка разряжалась.

Тихий писк, прорезавшийся будто сквозь вату, заставил солдата остановиться. Что-то было не так. Внутри появилось какое-то давящее, ранее незнакомое ощущение. Казалось, все естество солдата кричало: «Берегись! Кругом опасность!» Уставшие глаза зафиксировали вспышку пламени чуть правее; разрядившаяся гравитационная аномалия выбросила комок земли, который разбился прямо у ног Ерохина. Но отнюдь не аномалии стали причиной внезапной тревоги.

Между тем писк нарастал, становясь все громче. Спустя пару секунд раздался оглушительный хлопок, и сразу же на барабанные перепонки Ерохина обрушилась какофония звуков. Это было так внезапно, что солдат вскрикнул и схватился за уши, еле сдержавшись, чтобы не упасть на колени. Ушибленное плечо от резкого движения отозвалось тупой болью.

А на фоне всего этого безумия ясно слышались частые одиночные выстрелы.

Борясь с накатившим приступом головной боли, солдат медленно обернулся. Затуманенному взгляду открылась страшная картина: за границей Аномальной Полянки, вокруг вагончика, к которому, держа автоматы на изготовку, прижались Васильев и Егорка, кружили примерно полтора десятка псов. Управлял ими матерый псевдоволк, хорошо видимый в доброй сотне метров от места схватки. То и дело со стороны бандитов слышался звук выстрела, и одна из мутсобак падала замертво. Остальные псы, громко лая, отступали, но не оставляли попыток подобраться поближе к людям.

На то, чтобы определить приоритеты и составить дальнейший план действий, солдату потребовалась пара секунд, после чего он, выставив руку вперед, побрел в обход Аномальной Полянки. Его интересовал только вожак, находящийся у подножья холма и контролирующий действия своей стаи. Васильев и Егорка вожака не видели и поэтому вынуждены были стрелять по беснующимся мутапсам. А попасть в стремительную вертлявую спину, которая и доли секунды не стоит на месте, но двигается при этом хаотично и непредсказуемо, очень трудно.

Спрятавшиеся за аномалиями в первом секторе и почти недосягаемые для мутсобак, Версоцкий и наемник с недоумением

смотрели на размытый контур товарища, наверняка думая, видимо, что тот тронулся умом. Но никто из них не сказал ни слова, когда Ерохин прошел мимо.

Спустя несколько минут Ерохин, миновав границу Аномальной Полянки, вышел к подлеску. Ловушек здесь не было вообще, по крайней мере солдат их не видел. Зато чувствовал, что силы на исходе и надолго его не хватит. Однако идти стало все же проще, и Ерохин позволил себе ускориться. Пробежав примерно пятьдесят метров, он свернул вправо, по пути схватив лежащий в куче прелой листвы ржавый железный прут. Увесистый кусок арматурины не мог заменить автомат, но это было лучше, чем ничего.

Прячась за густым кустарником, он быстро обошел псевдоволка так, чтобы оказаться как можно дальше от мутсобак, которых тот контролировал. Сердце бешено колотилось, а перед глазами плясали разноцветные круги. Глубоко вдохнув, Ерохин покрепче сжал прут и осторожно двинулся в сторону мутанта, стараясь ни о чем не думать: ходило поверье, что псевдоволки могут слышать мысли на небольшом расстоянии. А расстояние между человеком и зверем не превышало уже и десятка метров.

Псевдоволк стоял неподвижно, напряженно глядя в ту сторону, где мутсобаки пытались добраться до вкусной добычи. Осторожно пройдя примерно половину оставшегося расстояния до мутанта, солдат услышал дружный собачий лай, длинную автоматную очередь и взрыв гранаты. Сомнений не оставалось — псевдоволк приказал стае атаковать без оглядки на потери. И это означало, что долго бандиты не продержатся. Сколько бы патронов у них там не было запасено.

Мысленно перекрестившись, — плевать теперь на конспирацию! — Ерохин бросился на вожака стаи, но тот успел отскочить в сторону. Замешкайся тварь хоть на мгновение, и солдат непременно размозжил бы ей череп, а так он оказался перед лицом смертельной угрозы лишь с железным прутом в руках.

Быстро развернувшись, Ерохин выставил перед собой прут, блокировав бросок мутанта, целившегося человеку в горло, однако не устоял на ногах и растянулся на земле, больно ударившись спиной обо что-то твердое. В одно мгновение тварь оказалась рядом, всем своим телом навалившись на грудь солдата, и все, что Ерохин успел сделать — схватить зверя за складку кожи на шее и держать, сколько хватало

сил, подальше от себя. Из раскрытой пасти псевдоволка свисала тягучая нитка желтой слюны, а вонь была такая, что даже глаза заслезились. Ерохин попытался ударить мутанта прутом, однако хитрая бестия, глухо зарычав, подставила свой лоб и удар, получившийся и так слабым, не принес никаких результатов. Мало того, солдат не смог удержать свое единственное оружие и прут вылетел из руки, плюхнувшись в траву совсем рядом.

Псевдоволк, не оставляя попыток добраться до горла Ерохина, утробно зарычал.

Ерохин сдерживал мутанта левой рукой, а правой шарил по траве, пытаясь нащупать прут. Тварь будто почувствовала, что задумал человек, и усилила натиск. Ее глаза налились кровью, а изо рта пошла пена. Когда сил совсем не осталось и Ерохин был готов сдаться, пальцы нащупали заветную железяку. Подтянув прут к себе, солдат крепко схватил его и что было сил ткнул в слабое место мутанта под передней лапой, и сразу же отпустил складку кожи. Мутант резко дернулся вперед и вниз, железка с противным скрипом вошла в мышцы, и дальше, к позвоночнику, разрывая артерии, разрушая нервные узлы. Псевдоволк конвульсивно дернулся и почти сразу же замер, придавив собой человека.

Ерохин свалил в сторону с себя бесчувственное тело монстра и тяжело поднялся. Мышцы нещадно болели, голова налилась свинцом, а во рту чувствовался солоноватый привкус. С хрустом размяв шею, солдат посмотрел в направлении вагончика: мутанты, еще несколько минут назад бывшие единой стаей, разбегались кто куда. Две особи пересекли периметр Аномальной Полянки и попали в гравитационную ловушку; еще одна сгорела в «пламени», в которое чуть не попали сами пленники. Васильев, все еще нервно сжимая автомат, вошел в вагончик, а Егорка медленно съехал по его стенке и опустился на землю, держась за ногу. Версоцкий и Шуруп осторожно двигались в направлении выхода с АПки. Судя по всему, целые и невредимые.

Ерохин стоял, озираясь по сторонам, и сам себе не верил. Ведь он смог уничтожить псевдоволка практически голыми руками.

«А, собственно говоря, зачем? — ни с того ни с сего подумал солдат. — Какой в этом смысл? Что мне сделал мутант, который просто хотел поесть и накормить стаю? А вот люди... Бандиты,

предатели и ученый-размазня. Вот с кем нужно было разобраться, а не с бедным животным! Вдруг он еще жив?»

Превозмогая нахлынувшее головокружение, Ерохин, ковыляя, подошел к мутанту и присел рядом. Положил ладонь на шею, пытаясь нащупать пульс. Безрезультатно — пес умер. Содрогаясь от ужаса, солдат посмотрел в глаза монстра и замер: вместо налитых кровью зрачков он увидел собственное отражение в безжизненных белках.

Солдат медленно поднялся и вдруг, как-то особенно отчетливо, понял, что необходимо делать дальше. За смерть невиновного мутанта следовало платить по счетам. И немедленно! Он потащил железку из тела зверя. Подумал как следует, рассчитал угол и усилие. Примерился.

Уперев штырь в землю, Ерохин навалился на него всем телом, пытаясь пронзить себе грудную клетку. Боль от вошедшего в грудину штыря показалась даже приятной, что-то теплое потекло вниз, устремившись к животу. Сжимая от напряжения зубы, Ерохин, помутневшим взором, смотрел на мертвого псевдопса, а из глаз его текли слезы.

Короткая автоматная очередь прогремела, как гром среди ясного неба. Ерохин, крупно вздрагивая всем телом, завалился на бок, зажав руками рану на груди. Перед глазами все плыло. Собрав остаток сил, Ерохин приподнял голову и увидел Васильева, с автоматом наперевес. Бандит стоял рядом с псевдоволком, голова которого превратилась в кашу. Земля рядом с трупом пса была забрызгана кровью.

«Он его убил! Убил псевдоволка!» — подумал солдат и тут же сморщился, как от зубной боли. Васильев присел на корточки рядом с Ерохиным и, щелкнув пальцами перед его лицом, начал что-то говорить, но солдат никак не мог понять, что именно. Да и не хотелось.

Закрыв глаза, Ерохин потерял сознание, провалившись в дремучую пучину беспамятства. Туда, где больше не было никакого рядового Ерохина, а был лишь сталкер Связист, попытавшийся решить все свои проблемы разом службой в роте охраны бронепоезда. Но обмануть Зону еще никому не удавалось. Она бесцеремонно сдернула камуфляжную оболочку выдуманного человека и вгляделась в лицо старого знакомого. В лучистом свете ее беспощадных глаз рядовой Ерохин растворялся без следа, а вместо него под тяжелым взглядом Самой корчился ничем больше не прикрытый сталкер Связист.

22

Открыв глаза, Костя несколько минут просто смотрел в обшитый панелями потолок, ни о чем не думая и перебирая в памяти события прошедшей ночи. Не верилось, что все случившееся произошло с ним, да еще в течение одного дня. В узкие окна лился яркий дневной свет, и ночная атака странного мутанта казалась просто ярким страшным сном. И даже мысль о погибшем человеке из складского вагона не воспринималась как что-то случившееся по-настоящему.

Хлопнула дверь. Костя повернул голову и обнаружил, что полковник Кудыкин уже не только поднялся, но и успел одеться в чистую форму и даже побриться. Он сидел за своим столом и что-то записывал в большой журнал, а рядом с ним стоял солдат, в котором Костя опознал медика, оказывавшего накануне помощь раненым. Тихого разговора между полковником и солдатом Костя не слышал, но по выражению их лиц ему показалось, что новости для Кудыкина оказались не самыми утешительными.

— Ладно, пора подымать личный состав, — достаточно громко сказал Кудыкин. — Почти обед уже. Оповести дежурных в складском вагоне, у ремонтников и в вагоне охраны.

Медик молча откозырял и вышел из вагона, а из спальных отсеков, один за другим, начали появляться его обитатели. Костя кивнул Михе, помахал рукой Марине и радостно улыбнулся, когда увидел Наташку. Ему показалось, что со вчерашнего дня она стала еще красивее.

После завтрака овсяной кашей, которую в большом зеленом баке-термосе принесли из вагона охраны двое солдат, Кудыкин объявил о необходимости проведения ключевого совещания.

— Сегодня второй день, как мы оказались в Зоне, — сказал Кудыкин и прикрыл глаза.

Было хорошо видно, что ему тяжело дается каждое слово, а необходимость сидеть вызывает настоящие мучения, но полковник держался уверенно и, судя по взвешенным словам, продолжал трезво анализировать обстановку.

— Я принял доклады от наблюдателей и сам побывал снаружи. Ни малейших признаков того, что нас ищут, нет. Не знаю, что именно случилось, могу только предполагать. Но это факт, от которого не спрячешься. А это значит, — продолжал он, передохнув несколько секунд и вновь открывая глаза, — что наши вчерашние планы требуют переработки.

Собравшиеся начали переглядываться, но сказать что-либо пока никто не решался. Роман Андреевич продолжал отсиживаться в своем спальном отсеке, и Костя вдруг подумал, что большой чиновник давно уже никого не интересует. И если бы вдруг ночной кошмар добрался до столичного гостя, никто б наверняка даже особо и не загрустил.

— Что ты предлагаешь? — спросил губернатор. — Или просто констатируешь тот факт, что нас никто уже не найдет и пора обуваться в белые тапки?

— Я предлагаю забыть о том, что вот-вот должна подойти помощь, — сказал Кудыкин. — И в дальнейшем рассчитывать только на себя. Если кто не понял всю проблемность ситуации, объясняю: впереди полотно сильно разрушено. Работы там — дня на три, не меньше. Это значит, что мы застряли. А если бандиты догадаются посадить пару автоматчиков, которые будут обстреливать восстанавливаемый участок, — вообще засядем надолго. Пока конкретных предложений у меня нет. Но готов выслушать мнение каждого.

— У меня есть предложение, — неожиданно сказал Ломакин. — Пора сделать то, что еще может дать хоть какой-то шанс на спасение. А именно: необходимо сформировать отряд, который дойдет до Периметра и вызовет к нам подмогу.

Наступила абсолютная тишина, в которой было слышно лишь хриплое дыхание полковника.

— Это какое-то безумие, — растерянно сказал губернатор. — Мы же в Зоне! Здесь нормальные люди не живут!

— Строго говоря, — возразил Ломакин, — люди в Зоне есть. И прекрасно живут здесь даже месяцами. Именно из-за этих, слишком жадных людей, мы оказались в нынешней ситуации.

— Но то сталкеры — отбросы общества, — сказал губернатор. — Они живут в этом дерьме годами, да и то, по слухам, гибнут довольно

часто. Что уж говорить про нас? Да и зачем нужен отряд? Давайте отправим одного-двух добровольцев.

— У одного или двух добровольцев, — сказал Кудыкин, — шансов добраться до границы Зоны практически нет. Любое нападение мутантов станет для них последним. Не хватит огневой мощи. Кроме того, хоть мне и неприятно говорить об этом, не имея сталкерского опыта, они имеют массу шансов оказаться в аномалии. Несколько аномалий — и один-два добровольца закончатся. Крупному отряду с этим проще. Идея Феоктиста Борисовича однозначно требует пристального рассмотрения.

— Я бы даже сказал, — хмурясь добавил Ломакин, — что это вообще единственная реальная идея. Все остальные ходы я продумал еще ночью и вынужден констатировать, что они не дадут нам вообще ни малейшего шанса. Бронепоездом рисковать нельзя. Уж лучше рисковать отдельными людьми.

— То, что вы подразумеваете своими словами, — это просто страшно, — сказала Марина.

— Нет, Марина, это еще совсем не страшно, — слабо улыбнулся Кудыкин. — Вот когда со всех сторон к поезду ночью подойдет вооруженный отряд, вскроет двери и устроит резню — вот это будет страшно. Еще страшнее будет тем, кого возьмут в плен и будут потом с ними, так сказать, развлекаться. Я не первый год в Зоне и видел останки тех, кто попадал к бандитам в плен. Описать это невозможно, но поверьте: когда подонки хотят садистских удовольствий, фантазия у них работает отменно. И не думайте, что вас с Натальей убьют сразу. Даже не надейтесь. Перед тем как прострелить головы, вам дадут возможность помочь расслабиться парням в течение пары-тройки недель, пока они будут восстанавливать силы и чинить пути. Я доходчиво объясняю?

Марина побледнела и опустила голову. Наталья закрыла лицо руками и уткнулась в плечо Косте.

— Еще, может быть, оставят в живых Феоктиста Борисовича с его научной группой. Ученых по старой суеверной традиции обычно не трогают. Типа, это добыча Зоны и кто убивает ученого — тот крадет у Самой. А она не прощает, и все такое прочее. Да и полезны они будут какое-то время. Хотя, в итоге, выжить им все равно вряд ли удастся. Стрелять не станут — просто отправят в аномалию. Вы поймите,

нормальный человек в бандиты не идет. Это асоциальные и, как правило, психопатические личности. Из всей нашей экспедиции может только Роману Андреевичу повезет, если его опознают, как большого начальника. Выкуп, все-таки, потенциальный. А остальным — ничего хорошего не светит.

— Может быть, договоримся, чтобы за всех выкуп дать? — нервно сказал губернатор. — Думаю, что правительство и финансовые круги...

— Даже не надейтесь, — оборвал его Кудыкин. — Одного человека легко прятать и контролировать. Если он дорого стоит — с ним будут возиться. А такую толпу никто менять не станет. Слишком опасно это для бандитов. Да и хлопот слишком много.

— Может быть, тогда всем уйти? — спросил губернатор. — И черт с ним, с бронепоездом.

— Всем не получится, — начал было объяснять Кудыкин, но его неожиданно прервал Ломакин:

— Я и мои люди никуда не пойдем! Вы хоть представляете, сколько сил вложено в создание вагона-лаборатории? Вы понимаете, насколько будет отброшена назад наука, если вагон просто уничтожат ради забавы? Я намерен остаться и защищать дело своей жизни до самого конца! А вы можете все уходить!

Несмотря на героическую речь и отчаянную жестикуляцию, выглядел Феоктист Борисович забавно.

— Раненые идти не смогут, — продолжил недосказанную мысль губернатор. — Вон, полковник и то, наверное, не сможет. А у нас есть и более «тяжелые».

— Не смогу, — согласился Кудыкин. — Но это и к лучшему. У меня есть, чем встретить нежданных гостей. И чем их больше разом придет со мной поздороваться, тем будет лучше. Что касается остальных раненых, им придется принять ситуацию, как есть. У меня нет для них иного предложения, кроме как положить под подушку по гранате. Роману Андреевичу предложу перейти в научный отсек для безопасности, а в остальных вагонах мы еще поквитаемся с ублюдками. Это, кстати, вполне вариант. Останутся только ученые и раненые.

— Нет, так не пойдет, — решительно сказал губернатор. — Раненых на верную смерть оставлять — не дело. Поэтому предлагаю.

Он внимательным взглядом обвел всех присутствующих, словно убеждаясь, что его слушают все.

— Отправим все-таки отряд, а не одного добровольца. Здесь полковник прав. Но бо2льшая часть людей останется на бронепоезде и даст бой ублюдкам, если те попытаются сунуться. Пока время есть — подготовимся как следует. Заминируем подходы. Определим сектора для стрельбы — здесь уж полковнику работа с его военной наукой. Превратим наш поезд в неприступную крепость! А десяток человек отберем исключительно на добровольной основе. Потому что непонятно даже, что будет опаснее: сидеть в осажденном бронепоезде или идти через Зону, каждую минуту рискуя жизнью.

— В таком случае, Роман Андреевич идет обязательно, — жестко сказала Марина. — Если все настолько сурово, то пускай это ничтожество в костюме шагает первым, собственной задницей прощупывая дорогу остальным.

В отсеке Романа Андреевича послышалась слабая возня.

Кудыкин схватился рукой за грудь и страшно захаркал, словно собрался немедленно выкашлять остатки легких.

— Друзья, — торопливо сказал Ломакин, — давайте все-таки переместимся на крышу вагона. Там и дышать всем будет проще, и гостя нашего высокого никто своими разговорами нервировать не станет.

Никто не стал возражать, тем более, что воздух в штабном вагоне казался уже даже не спертым, а просто удушающим. Костя тут же поднялся и помог встать Наталье. Следом задвигались и остальные. Губернатор и Ломакин взяли под руки Кудыкина и почти понесли на себе к лестнице.

Поднявшись на смотровую площадку, Костя первым делом отвел в сторону и устроил на удобном стуле со спинкой Наташку, которая все равно в разговоре участия не принимала и лишь смотрела на Костю испуганными глазами. Потом помог поднять по лестнице и усадить в принесенное людьми губернатора кресло полковника Кудыкина. И только после этого вдохнул полной грудью прохладный утренний воздух и осмотрелся по сторонам.

Крыши почти всех вагонов оказались покрыты бурыми лужами и кусками внутренностей мутантов. Трупов почти нигде видно не было — судя по всему, их к утру просто сожрали. Зато кусков разгрызенных

костей и больших клочьев шкур повсюду было разбросано просто в изобилии. И все это уже начало попахивать самым неприятным образом. По счастью, Наташка не реагировала на подобные мелочи и Костя со спокойной душой взялся настраивать камеру для съемки.

Вокруг царило почти обычное холодное утро. Если бы не замысловатые фигуры, которыми закручивался туман вдоль насыпи, можно было бы даже представить, что нет никакого бронепоезда и Зоны, а есть обычный осенний утренний лес, в который можно выйти на прогулку, чтобы набрать к обеду грибов. Но стоило Косте посмотреть вперед по ходу движения поезда, как от ощущения мирного утра не осталось и следа.

Если предыдущий разрыв путей походил на последствия бомбежки авиации, то здесь явно поработала корабельная артиллерия нескольких флотов. Во всяком случае с обзорной площадки начало уцелевших путей было едва заметным. И судя по той скорости восстановительных работ, что Костя видел накануне, даже при полном запасе шпал, дел у путейщиков было бы на неделю. Настроение сразу упало.

Когда все расселись небольшим кружком на стулья и лавки, губернатор без вступления сразу же сказал, видимо, отвечая на последнюю реплику Ломакина, произнесенную еще в штабном вагоне:

— Большой отряд — большие проблемы. Малая подвижность. И гарантированно разграбленный поезд. Вам, Феоктист Борисович, гарантий тоже, между прочим, никто не даст, что бандиты будут прямо вот чтить негласное правило «не убивать ученых». Выходить через Зону к ее границам должны только самые подвижные и готовые к лишениям люди. Посмотрите на меня. Куда я пойду? Мне и без всяких аномалий не одолеть такой маршрут. Поэтому я точно остаюсь. И если что, дорого отдам свою жизнь. Вместе с полковником.

— Мы действительно, — сказал, тяжело дыша, Кудыкин, — можем укрепиться в бронепоезде. И продержаться достаточно долго. Но нас возьмут осадой, если подмоги не будет. Поэтому, идею губернатора поддерживаю. Нужен отряд. Достаточно большой, чтобы, неся потери, добраться до границы. Но мобильный. И не слишком ослаб-ляющий нашу оборону. Сталкера бы нам сейчас сюда. Все намного упростилось бы.

— К сожалению, сталкеры в экипаже бронепоезда не предусмотрены, — сказал Ломакин. — Но тем, кто готов будет пойти, теорию мои люди расскажут. Приборами снабдят. А вот дальше придется учиться методом проб и ошибок.

— Где каждая ошибка — чья-то смерть? — холодно осведомилась Марина.

— Вы ждете утешений? — мягко спросил Ломакин. — Мне нечем вас утешить, извините.

— Нет, я жду, что вы прикажете как минимум одному из своих людей идти с нами, — жестко ответила Марина.

— Вы уже себя записали в этот будущий отряд? — удивился Ломакин.

— А что мне делать в осаждаемой крепости? — спросила Марина. — Тренироваться быть ласковой в ожидании победителей? Я пойду однозначно. И Наталья пойдет. Для того чтобы передать координаты поезда, никаких особых навыков не требуется. Поэтому для отряда мы с Натальей ничуть не хуже любого мужика. Так что насчет вашего человека нам с собой?

Костя вдруг понял, что до этого момента даже не пытался себе представить свою дальнейшую судьбу. Но сказанное Мариной не оставляло ему шансов — он обязан был стать одним из тех, кто попытается добраться до границы Зоны.

— Вы поймите, они — теоретики, — терпеливо сказал Ломакин. — Никто из них никогда не имел сталкерской практики. После того как вы научитесь пользоваться приборами, они ничем от вас отличаться не будут. Да и как я могу приказать идти на такой риск почти кабинетным ученым?

— То есть вот так? — горько сказала Марина. — Получайте прибор и делайте, что хотите? И никто нас через Зону не поведет?

Повисла неловкая пауза. Губернатор отвел глаза в сторону. Кудыкин опустил голову.

— Я поведу, — раздалось внезапно с другой стороны площадки.

Все повернули головы. От изумления и неожиданности Костя даже приоткрыл рот. Недалеко от люка, у перил, спиной к собравшимся стоял человек в новеньком камуфляжном костюме. Откуда он здесь взялся, понять было решительно невозможно, и несколько секунд все молчали, пытаясь осознать происходящее.

— Кто вы такой? — наконец громко спросил губернатор. — И откуда здесь взялись?

Человек медленно повернулся, и над площадкой пронесся общий вздох изумления.

— Приехал вот на этой консервной банке вместе с вами, — грубо ответил Роман Андреевич.

Его лицо выглядело потемневшим и даже несколько состарившимся. Под глазами образовались темные мешки, сетка морщин отчетливо бороздила выпуклый лоб, глубокие складки вокруг губ придавали лицу трагическое выражение. Взгляд его был каким-то отрешенным, но в целом чиновник снова выглядел уверенным, словно сумел чудом избавиться от всех своих страхов.

— Роман Андреевич, — с досадой сказал Кудыкин, — не валяйте дурака. Идите в свою конуру и ждите там либо спасателей, либо благородных бандитов. Вас вся эта кутерьма все равно не касается.

— Действительно, — очнулась и Марина, — поздно вы решили проявить свое геройство, господин Замзам! Идите уже, без вас разберемся.

— Разберетесь, — неожиданно спокойно ответил Роман Андреевич. — Правда, подохнете, в основном, по дороге. Практически все. Очень небольшие шансы выжить есть только вот у этого.

Все еще сидящий с отвисшей челюстью Костя со звонким стуком захлопнул рот, обнаружив, что начальственный палец показывает прямо на него.

— Ну и вон тот еще небезнадежен, — ткнул Роман Андреевич пальцем в Миху. — А остальные пойдут на корм собакам или расплещут кишки в первой же «тянучке».

— Да вы-то откуда все это знаете? — вскипела Марина. — Начитались отчетов в своем министерстве?

Вопреки ожиданиям, Роман Андреевич не стал поднимать крик и переходить на оскорбления. Вместо этого он подошел к сидящим и устроился на краешке лавки рядом с Костей.

— Это я последние десять лет сижу в министерстве, — сказал он с тяжелым вздохом. — А до того топтал вот эту самую Зону.

Он вдруг странно усмехнулся, прикрыл глаза рукой и, словно через силу, добавил:

— Вот уж не думал, что однажды снова придется стать сталкером. Вернулся Ромка-Топор, принимай обратно мать-Зона.

Все растерянно молчали. Миха и Вадик смотрели то друг на друга, то на Романа Андреевича, практически одинаковыми круглыми глазами.

— Ну и дела, — после короткой паузы сказал Кудыкин.

— А почему это? — губернатор выглядел так, словно ему по голове только что ударили чем-то тяжелым. — То есть... Я не понял. Роман Андреевич... Вы — сталкер? Как-то непонятно все...

— Роман Андреевич, это так неожиданно, — быстро заговорил Ломакин. — Вы и правда...

— Слышь, Борисыч, — грубо оборвал его Роман Андреевич, — губеру простительно — он не в теме. Но ты-то ведь в Зоне ужас сколько лет болтаешься. Я ведь помню тебя, видел не раз в полевых лагерях. Ты что, не слышал? Я — сталкер. Это значит, что звать меня не Роман Андреевич, а Топор. Приютил да крестил меня Зоной, Звяга. Помнишь Звягу?

— А как же, — медленно сказал Ломакин, внимательно разглядывая новоявленного сталкера Топора. — Только вот тебя я что-то в окружении Звяги не припоминаю.

— А чего бы тебе обращать внимание на почти совсем пацана еще, Ромку-Топора? — усмехнулся чиновник. — Ты ж у Звяги контейнеры покупал, почти никогда не заглядывая внутрь. И по самой высокой цене. Знал, что Звяга не обманет и лишнего не возьмет. А не брал Звяга больше, чем оно того стоило, после одного случая, в котором и ты, яйцеголовый Фека-Лом, был замешан.

После признаний Романа Андреевича, старые связи Ломакина со сталкерами уже не выглядели сенсацией, но и это произвело на Костю сильное впечатление.

— Да, — все еще с недоверием разглядывая Топора, сказал Феоктист Борисович. — Теперь верю, что ты из звягинских. Но прошло много лет. Какой из тебя теперь сталкер? Сталкера по Зоне не только знания ведут. Сможешь ли вернуться не только телом, но и душой?

— Сутки возвращался, — ощерился Топор. — Осталось немного вспомнить кой-чего.

— А что тогда за представление вы устраивали все это время? — с возмущением спросила Марина, словно признавая этим, что тоже верит словам бывшего «уважаемого Романа Андреевича» и что чиновник теперь достоин общения почти на равных.

— А вот это тебя совсем не касается, красавица, — с усмешкой сказал Топор. — Это мое дело. Мое и... ее.

Он встал, глубоко вздохнул и обвел руками окрестности.

Марина выглядела смущенной и, казалось, даже не нашлась, что ответить. Остальные и вовсе молчали, пытаясь привыкнуть к неожиданному исчезновению чиновника Романа Андреевича и появлению сталкера Топора.

— Ситуация у нас получилась неприятная, — без перехода сказал Топор совсем другим голосом, поворачиваясь ко всем присутствующим, — но не такая уж и катастрофичная, как может показаться. Я, конечно, уже давно не тот сталкер, каким был в молодости, но нам ведь не артефакты искать, а просто выбраться отсюда надо.

Взгляд его затуманился, словно он вспомнил что-то очень важное и мгновенно забыл о том, где находится.

— Не должен был я сюда возвращаться, — сказал он вдруг, ни к кому вроде бы и не обращаясь. — Не должен. Ни за что. Знал ведь, что ждет она меня и не даст уже обратно выбраться. Но так оно, видимо, на роду написано. И уж коль самому загибаться, так хоть напоследок доброе дело сделаю.

— Очень уж пессимистично вы настроены для провод-ника, — с непонятным вызовом в голосе сказала Марина. Косте даже показалось, что она все еще не вполне верит признаниям Романа Андреевича. — Может пойдете, водки выпьете? Или что там у вас, у сталкеров, в таких случаях делать полагается?

Топор с какой-то усталой улыбкой посмотрел на Марину.

— У сталкеров в подобных случаях полагается капелька женской нежности. Но поскольку с таким лекарством у нас острый дефицит, пойду выпью водки.

Марина приподняла одну бровь и криво улыбнулась. Но промолчала. Костя просто не верил своим глазам: он еще не помнил случая, чтобы в течение такого короткого времени у репортера Летовой

уже второй раз не нашлась колкая фраза в ответ. Правда, и ситуация складывалась пока не самым типичным образом.

— Полковник, — сказал тем временем Топор. — Ничего, если я маленько покомандую от твоего имени? Тебе бы лежать надо и сил набираться, а не тратить последние на всякую ерунду. А нам, чтобы отряд снабдить необходимым, потребуется перетрясти запасы. К тебе за каждой мелочью бегать не хочется.

— Добро, — помолчав несколько секунд, сказал Кудыкин. — Снаряжайтесь по полной программе. Если вы сумеете выбраться — нас быстро вытащат. Если не сумеете — нам все равно каюк. Раньше или позже.

23

— Ты же прекрасно знаешь, что я могу тебе дать, — вкрадчиво проговорил Хозяин. Поднявшись во весь рост, он оказался на голову ниже Александра, стоящего напротив. — Оборудование, которому нет аналогов вне Зоны, деньги, власть над всем этим, — человек обвел рукой помещение, но в этом жесте явно подразумевалось нечто большее, чем обычный бункер.

Александр несмело посмотрел Хозяину в глаза, хотя в прошлом много раз зарекался так делать.

— Нет, — втоптав в землю свою неуверенность, твердо сказал Александр. — Я ухожу и точка. Неужели кроме меня...

— Кроме тебя мне никто не нужен! — со сталью в голосе произнес Хозяин, выделив слово «мне». — Ты единственный гений в своем роде. Настоящий самородок! Бриллиант! Неужели за Периметром, читая лекции тупоголовым баранам в каком-нибудь захудалом университете, ты будешь чувствовать себя лучше? Через неделю ты прибежишь ко мне с извинениями, моля принять обратно, — в горле ученого запершило, и он закашлялся. Сплюнув вязкую слюну прямо на пол бункера, добавил, чуть мягче: — Ты не для того мира, сынок, запомни мои слова.

— Я же просил не называть меня так, — прошипел Александр. — Я не останусь, упрашивайте сколько хотите.

— Хорошо, — протянул Хозяин и, заложив руки за спину, прошелся по комнате. Пальцы его приобрели свой первоначальный вид, став обычными, как у человека. — Думаешь, у меня не припрятан запасной козырь? Я давно просчитал подобный исход, но все же надеялся на твой здравый смысл...

— Вы не посмеете, — сказал Александр, мгновенно побледнев, и медленно потянулся к автомату.

— Еще как посмею, будь уверен...

Связист глубоко вдохнул и открыл глаза. Снова сон, в котором злой Хозяин, странным образом ассоциировавшийся с профессором Ломакиным, уговаривал какого-то хорошего ученого. Но Ломакин ездил в своем вагоне-лаборатории и у него явно было все, что

требовалось. А Хозяин из сна казался нуждающимся и ущербным существом.

Связист сел, огляделся: он находился в том же вагоне, что и раньше — рифленый пол, обшитые фанерными листами стены, дыры в ржавом потолке. Никакой Зоны со страшным взглядом — все это оказался лишь страшный сон. Но и... никакого Ерохина. Бывший рядовой снова чувствовал себя самым обычным сталкером, словно и не было этих месяцев службы на бронепоезде.

Сталкер попытался встать, однако тупая боль, пронзившая грудь и плечо, заставила его отказаться от этой идеи. Скрипя зубами, он опустился на пол и прислонился к стенке. Связисту казалось, что накануне его грудная клетка послужила отличной наковальней у сумасшедшего кузнеца, выпустившего за смену не одну сотню мечей, настолько сильно она болела. Осторожно расстегнув ворот пыльного, запачканного чем-то липким комбинезона, Связист осмотрел себя. На многочисленные ссадины и ушибы он не обращал внимания. Гораздо больше пленника заинтересовала перебинтованная грудь.

— Фигасе, — тихо произнес сталкер. — Это кто ж так пошаманил?

Снаружи послышался шум — кто-то громко выяснял отношения, не скупясь на слова. По голосам Связист узнал Васильева и наемника. Скользнув взглядом по вагону, солдат только сейчас заметил, что находится в нем совершенно один. Подобрав под себя ноги, Связист притворился спящим.

С громким скрежетом дверь вагона отъехала в сторону, и внутрь буквально влетел наемник, ударившись о противоположную от входа стенку. И разразился гневной тирадой в адрес Егорки, толкающего в спину ничего не понимающего Зюзю и хмурого Версоцкого.

— Заткнись! — оборвал наемника Васильев. — Задолбал уже. Когда очнется солдат, скажи ему, что его хотят видеть. Сергей Григорьевич хочет. Пускай стучит в дверь, мы с Егоркой будем рядом — услышим.

Снова скрежет закрываемых створок и тишина, нарушаемая только постаныванием Зюзи и шепотом профессора.

— Не надо ничего передавать, — сказал Связист. — Я и так все слышал.

Версоцкий вздрогнул и повернулся в сторону сталкера, позабыв о Зюзе, который побрел к дальнему углу вагона и сел, уткнувшись лицом в согнутые колени. Наемник посмотрел на Связиста и медленно подошел к нему, делая глубокий вдох.

— Какого. Твою мать. Хрена, — медленно, чеканя каждое слово, проговорил наемник. В его голосе слышался гнев, а сам он больше всего походил на вулкан, который вот-вот извергнет из себя магму, сжигающую все на своем пути.

— А что такое? — с неподдельным интересом спросил сталкер.

— Ты издеваешься?! На фига ты убил псевдоволка? Зачем помог отморозкам перебить стаю? Если б не ты, мы бы смогли сбежать!

— Если бы не я, мы бы все сдохли, и к этому моменту лежали где-нибудь в виде собачьего говна, — грубо парировал Связист. — Думаешь, псевдоволк так легко отпускает добычу? Сожрав бандитов, стая занялась бы вами. Точнее, нами. Стоило только псевдоволку чуть поднапрячься и взять нас под контроль, мы бы сами, с выражением вселенского счастья на лице, вышли к нему. Самоходный обед, так сказать. Вопросы есть?

— Одни только «бы», — пробурчал наемник. — И что теперь? Как отсюда свалить?

— А никак! — повысив голос, сказал сталкер. — Будем ждать подходящего случая. Авось повезет.

— Хрен там, — с тоской произнес наемник. — Учти: ты меня не спасал, так что я тебе ничего не должен.

— Мне плевать.

Наемник развернулся и направился в другой конец вагона, где лег, подложив под голову руку. Версоцкий покосился на наемника и подошел к солдату. Спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Я начинаю привыкать к этому вопросу, — усмехнулся Связист. — Нормально. Только грудь временами болит сильно, будто по ней кувалдой саданули. Это я, получается, чуть ли не сутки в отключке провалялся? Вчера мы были на АПке?

— Вчера. Вы хоть помните, что с вами произошло? — ответил профессор. — После того, как вы... кхм... почти убили пса.

— Как ни странно, но да, — кивнул сталкер. — Он взял меня под контроль, и я пытался себя убить, но Васильев пристрелил тварюгу.

Потом я потерял сознание. А потом был сон. Жуткий, но очищающий. Я снова стал тем, кем всегда был, но по глупости пытался быть перестать. А следом еще один сон — уже не про меня и ко мне точно никакого отношения не имеющий.

— Вы говорите загадками не хуже меня, — улыбнулся профессор. — Что ж, не буду вам мешать. Отдыхайте. Скоро должны принести обед.

Связист благодарно кивнул и прикрыл глаза. Металлическая стена приятно холодила затылок, остужая разгоряченную голову. Мысли хаотично роились где-то в мозгу, и пытаться собрать из них цельный пазл не хотелось. Даже думать об этом было больно.

Сталкер помассировал ушибленное плечо и вдруг, ни с того ни с сего, вспомнил о странном сне. Том самом, где Хозяин и некий Александр выясняют отношения... вторую ночь подряд. Почему один и тот же сон? Почему Хозяин не хочет отпускать ученого Александра? Куда тот хочет уйти спустя столько лет? Ответа не было. Связист привык, что каждая странность в Зоне хоть что-то да значит, но к чему приписать свои сны, а главное, как их расшифровать, понять не мог.

Пытаясь отвлечься, сталкер встал и прошелся по вагону. В животе заурчало: желудок настойчиво требовал пищи. Связист принялся колотить по двери вагона, пытаясь привлечь внимание кого-нибудь из караульных.

«Посмотрим, чего опять понадобилось Хантеру».

Послышались голоса, а следом за ними лязг отпираемого замка. Связист сделал два шага назад и стал ждать. Когда створки разъехались в стороны, в образовавшемся просвете показался Егорка. Васильев стоял чуть позади и слева.

— Выходи, — коротко бросил украинец.

— И все? — удивился сталкер. — Даже руки за спину спрятать не попросите?

— Связист, не придуривайся. Спрыгивай и топай к бугру — заждался он тебя, — это уже Васильев.

Связист хмыкнул и выбрался наружу. На голубом небе не было ни облачка, но свет солнца казался по-прежнему тусклым. Слабый ветерок гонял по земле прелую листву, трепал полы длинного плаща, в который облачился Егорка, приятно холодил лицо. Сталкер с наслаждением вдохнул свежий воздух.

К главному корпусу, где располагался кабинет Хантера, шли той же дорогой, что и в прошлый раз. По пути Егорка что-то сказал Васильеву и направился в сторону гаражей, сильно хромая на раненую ногу. Бандит с солдатом двинулись дальше. Оба молчали.

Только сейчас Связист заметил странное оживление, царившее на всей территории базы: пятеро бандитов тянули рюкзаки, туго набитые чем-то тяжелым. Еще четверо тащили деревянные ящики с едва заметной армейской маркировкой на облупившихся боках. Высокий бандит со шрамом через все лицо, несший целый ворох плащ-палаток, безразлично посмотрел на сталкера и направился к одному из гаражей, который, видимо, служил чем-то вроде склада.

«Что за кипеш? К войне готовятся, что ли?»

— Входи, — приказал Васильев, когда пленник поднялся по лестнице и подошел к обшарпанной двери, ведущей в покои Хантера.

Связист толкнул дверь и вошел в уже знакомый кабинет, хозяин которого сидел за столом и что-то читал. Увидев сталкера, Хантер отложил в сторону книгу и указал на стул, приглашая сесть. Васильев молча вышел наружу.

Хантер улыбнулся, молча достал бутылку водки и два граненых стакана. Налил в каждый чуть меньше половины.

— Пей, — приказал он. — Хорошо, говорят, радиацию выводит.

— Вот так сразу, на голодный желудок? — ухмыльнувшись, спросил Связист. — И с чего бы это ты меня водкой угощаешь? Я же твоего братца грохнул.

— Кто старое помянет, тому глаз вон, — с фальшивым равнодушием сказал бандит. Посидел пару секунд не шевелясь, будто задумался над чем-то архиважным, открыл тумбочку и достал тарелку с бутербродами. Сталкер аж присвистнул от удивления. От одного только вида ровных кусочков докторской колбасы потекли слюнки. Не раздумывая, Связист схватил самый большой бутерброд и принялся жевать.

— А ты не из стеснительных, — с усмешкой заметил Хантер.

— Дают — бери. Бьют — убегай, — ответил пленник, пожав плечами. — Чего надо-то, одноглазый?

— Васильев рассказал мне, что произошло вчера на Аномальной Полянке, — начал Хантер, пропустив колкость мимо ушей. — До этого я не знал ни одного человека, который смог бы убить псевдоволка

практически голыми руками и вдобавок выжить после его ментальной атаки.

— Я сам в шоке, если честно. Тебе что, автограф оставить?

— Обойдусь, — парировал бандит и продолжил: — Как бы это по-киношному не звучало, но у меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Сталкер удивленно уставился на Хантера, даже жевать забыл. Потянулся за наполовину полным стаканом, выдохнул и залпом осушил его. Поморщился, засунул в рот последний кусок бутерброда. Взял следующую порцию.

— Мне нужен толковый боец. На эту роль ты подходишь лучше всех: физически силен, выносliв, в прошлом бродяга. Предлагаю тебе должность командира штурмового отряда, который в ближайшее время я планирую отправить к одному бронированному поезду.

— А, не удалось-таки взять наш состав, — ухмыльнулся Связист.

— Пора расширять свои владения, — сказал Хантер и замолчал, словно раздумывая над тем, как попроще донести свою мысль до собеседника. — Если нам удастся взять этот бронепоезд, вся Зона будет под моим контролем. И тогда, лично тебе я обещаю пять процентов от всей прибыли, которую мы будем тут получать. Это огромные деньги. И все они будут твои. Советую хорошенько подумать.

Сказать, что Связист был в шоке, значит не сказать ничего. С трудом переборов оцепенение, он произнес:

— Ты же, сука, людей на органы продаешь. И меня теперь в свою потрошильню подписываешь?

— У каждого свои скелеты в шкафу, — ответил бандит. — На артефактах много не заработаешь, даже если они с АПки.

Связист задумался, медленно жуя бутерброд.

— Хорошо, — сказал он. — Я согласен. Но с условием. Ты отпускаешь пленников, что сейчас сидят у тебя по сараям. Всех до единого. Это прямо сейчас. А также всех, кого захватим в плен на поезде. При мне отдашь соответствующий приказ перед всем своими бойцами. И тогда я согласен.

— За дурака меня держишь, — печально констатировал Хантер и смачно приложился к горлышку бутылки. — Давай тогда так: на штурме бронепоезда ты расстреливаешь пленных, которые будут там

взяты, и все это снимается на камеру. И вот тогда, после твоего возвращения, я отпущу местных доходяг на все четыре стороны.

— Пошел в жопу, урод, — небрежно бросил Связист.

— Васильев!

В кабинет вошел бандит.

— Уводи этого барана, да проследи, чтоб не сбег никуда.

— Баран здесь только один, да и то одноглазый, — сплюнул сталкер на пол.

— Стой! — приказал Хантер. — Как я понимаю, в Швеции ты никогда не был. Ну вот, зато твоя печень побывает. Уводи эту требуху, Васильев.

Васильев догнал Связиста, когда тот спускался по лестнице. Схватив сталкера за плечо, бандит развернул его лицом к себе и прижал к стенке.

— Слушай и запоминай, — быстро зашептал он, нервно оглядываясь. — Завтра утром вас поведут к Периметру. На сделку с заказчиками, которым ваши органы и нужны. В отряде, не считая вас четверых, будет пятнадцать человек. Все профессионалы и хорошо вооружены, так что днем рыпаться даже не думай. Переход двухдневный, и самый верный шанс сбежать — ночью. А меня Хантер запряг проводником.

— Зачем? — единственное, что смог выдавить из себя сталкер. — Зачем тебе все это?

Но Васильев махнул рукой и скрылся в коридоре, так ничего и не ответив...

Внизу, у выхода из здания, Связиста уже ждал Егорка. Увидев пленника, он быстро затушил сигарету.

— Кури — сдохнешь от рака легких, — пробурчал сталкер и вышел на воздух, тщетно пытаясь найти объяснение поступку Васильева. Зачем он все рассказал? Какая ему от этого выгода? Что он получит взамен информации, которая в Зоне бывает важнее денег?

Войдя в вагон, сталкер сразу направился к спящему наемнику и легонько похлопал его по плечу. Наемник резко перекатился на другой бок и ударил не глядя. Нос армейского сапога замер в паре сантиметров от голени солдата. Окажись нога наемника чуть длиннее, и синяк обеспечен.

— Мне б такие рефлексы, — тихо сказал Связист.

— Жрать принесли?

— Нет, не принесли еще. Поднимайся, разговор есть.

— Какой на фиг разговор? — огрызнулся наемник и, зевнув, выпрямился, подложив под голову руку. — Я лучше еще чутка отдохну.

Сталкер присел рядом с наемником и тихо, почти шепотом, спросил:

— Наймит, ты на свободу хочешь? Если да — раскрывай свои зенки и слушай. Если нет — сладких снов.

Наемник открыл глаза и посмотрел на Связиста. На лице наемника читалось непонимание, смешанное с удивлением и любопытством. Сталкер усмехнулся.

— Профессор. — Связист повернулся к ученому. — Подсаживайтесь поближе. Вас это тоже касается.

Версоцкий тяжело поднялся и сел рядом со сталкером, совсем по-детски обхватив колени руками.

— В общем, обойдусь без прелюдий. Дело вот в чем...

Сталкер рассказал все, что произошло за последние полчаса: от замеченного им оживления на базе, до неожиданной помощи со стороны Васильева. К концу рассказа выражение лиц ученого и наемника изменилось: в глазах Версоцкого появился едва заметный огонек надежды; наемник же горько вздохнул и покачал головой. Закончив говорить, Связист поднялся на ноги. Спросил:

— У кого какие мысли на сей счет?

— Бред, — в конце концов сказал наемник. В его голосе ясно слышалась разочарование. — С чего вдруг бандиту так подставляться? Тут явно что-то нечисто.

— А мне кажется, что Васильев сказал правду и хочет нам помочь, — несмело ответил Версоцкий, лишь коротко взглянув на наемника.

— Обоснуй, — тут же потребовал наемник.

— Ну, смотрите сами: не далее как вчера, рядовой Ерохин, рискуя жизнью, спас нас всех от стаи собак. В том числе и Васильева. Видимо, бандит не привык оставаться в долгу и оказал нам своеобразную услугу. А воспользоваться информацией или нет — дело наше.

— Не факт, — встрял в разговор Связист и потер разболевшуюся грудь. — Васильев вернул свой долг, добив псевдоволка. Если бы не он, меня бы здесь не было.

— Вот видишь, — согласно кивнул наемник. — Скорее всего, эта тварь хочет выслужиться перед своим главарем.

— Каким образом? — скептически спросил сталкер.

— Блин, элементарно же: рассказал нам все, зная, что мы по любому попробуем сбежать, ибо на операционный стол никто из нас не хочет. А Васильев, дождавшись момента, шухер в лагере поднимет. В итоге нас повяжут, а он весь такой красивый и хороший. Как-никак сорвал побег. Похвала от начальства обеспечена.

— В прошлом Васильев был сталкером.

— Знаю. И что? Наоборот, это вдвойне отстойно — предатель. Да и вообще: все, кто вон там, за забором, в прошлом сталкеры. Это дела не меняет.

— И у нас нет оружия, — тихо добавил профессор.

— Класть на оружие, — отмахнулся наемник. — Сбежать бы. А там и до парочки схронов недалеко — у наших ребят есть кое-какие припасы у самого Периметра. Меня больше волнует вот что: допустим, мы свалим. Но переться по Зоне ночью — самоубийство.

— Черт, не подумал, — с досадой проворчал сталкер. — Но что делать-то?

— Пока ничего, — поставил финальную точку в споре наемник. — Будем действовать по обстоятельствам. Авось повезет.

— Я все-таки решил: мы сваливаем.

— А с каких пор ты и за меня решаешь? — недоуменно бросил наемник.

— Вот все эти растяжки, мутанты, ночь, Зона — опасно, согласен. Но, наемник, что нам терять? Мы и так и так сдохнем, понимаешь? Только лучше уж я ласты склею в битве с голодной тварью, чем под скальпелем хирурга. Или ты считаешь иначе?

— Я за побег, — выпалил вдруг Версоцкий. — Рядовой прав: нам нечего терять.

— Вот блин, — зло произнес наемник и сплюнул. — Ладно, уболтали. Подыхать, так с музыкой. Я тоже «за». Устроим сучатам райскую жизнь.

24

Марина, Наташка и Костя сидели в крайнем отсеке вагона для охраны и смотрели в окно. За окном, в каком-то десятке метров спиной к вагону стоял Роман Андреевич, превратившийся внезапно в настоящего сталкера Топора, и напряженно вглядывался во что-то прямо перед собой. На поясе у него была повязана толстая веревка, другой конец которой держали два крупных солдата из уцелевшей охраны. Еще двое с автоматами наизготовку смотрели в разные стороны, страхуя Топора от случайного нападения хищного зверья. Костя знал, что по другую сторону от вагона охрану тоже поставили — единственный сталкер, оказавшийся в составе экспедиции, не должен был пострадать ни в коем случае.

Топор поднял над головой маленький темный предмет, постоял немного, видимо целясь, и вдруг сделал резкое движение, словно пытался попасть в какого-то зверька, пробежавшего в траве. Поднявшийся столб дыма заставил его сделать пару шагов назад. Стоящий рядом с автоматчиками человек из команды Ломакина, увешанный чехлами и сумками, как новогодняя елка украшениями, поднес к глазам портативный прибор и что-то крикнул Топору. Толстое бронированное стекло не пропускало звук, но Костя и так знал, что лаборант мерил напряженность электромагнитного поля при активации аномалии.

Топор кивнул головой, сделал пару шагов вправо, сунул руку в карман и снова поднял над головой темный предмет.

— Я до сих пор не могу поверить, — сказала Наташка, — что шеф в прошлом был сталкером. Вот даже сейчас смотрю — и не верю.

— Как был бандитом, так бандитом и остался. Только название поменял и форму одежды, — отозвалась Марина, успевшая после сцены на крыше не только восстановить самообладание, но и снова набраться язвительности. — А теперь просто нацепил старые тряпки.

— Он странный какой-то стал, — сказала Наташка, задумчиво глядя, как Топор размахивается и закидывает маленький предмет в короткую канаву. — Я его таким никогда не видела. Встретил меня в коридоре, когда я... грустила. Сказал: «Не дрейфь, Натуська». И

дальше пошел. Я сперва даже подумала, что обозналась. Он меня раньше даже просто «Натальей» только по очень большим праздникам называл. Словно премию выписывал.

— Страх кому хочешь мозги прочищает, — легко нашла свое объяснение Марина.

— Он ведь нас спасти пытается, — сказал Костя, которому вдруг стала неприятной упертость Марины в конфронтацию с чиновником. — Или ты передумала идти?

— Ой, нежданный защитничек нашелся, — насмешливо сказала Марина. — Он не нас — он себя спасать собрался.

Костя тактично решил не напоминать репортерше ее собственные слова, что Роману Андреевичу даже в случае пленения ничто не угрожает. Когда Марина «закусывала удила», все аргументы отлетали от нее гораздо легче, чем пресловутый горох от стенки.

Топор тем временем, не дождавшись никакой реакции, бросил еще несколько предметов, и только после этого мелкими шажками двинулся в сторону канавы, постоянно останавливаясь и поглядывая на человека с приборами. Тот подносил к глазам по очереди разные устройства, тыкал пальцами в планшет, после чего кивал и начинал что-то наговаривать в петличный микрофон.

Тем неожиданней оказалось исчезновение бывшего сталкера из поля зрения. Только вот стоял Топор, готовясь сделать очередной шажок, и пропал. Лишь солдаты с веревкой в руках вдруг уперлись ногами в землю и начали медленно пятиться, словно тащили из моря большую рыбу. Наташка и Костя разом поднялись с места и буквально прилипли к окну. Топор, лежа на животе, остервенело отталкивался руками от земли, а его ноги висели в воздухе, словно к ним была привязана еще одна, невидимая, веревка, и за эту веревку кто-то тянул со стороны той самой, только что проверенной, канавы. Несколько секунд сохранялось напряженное равновесие. Потом солдаты сделали согласованный рывок и окончательно вытащили Топора из невидимой ловушки.

Наташка и Костя еще несколько секунд смотрели вниз, чтобы убедиться, что все закончилось благополучно. Потом разом вздохнули, переводя дыхание, и уселись на место. К их удивлению Марины в отсеке уже не было.

— Зря она так, — сказала Наташка. — Шеф, конечно, тот еще козел, но сейчас-то ради нас жизнью рискует.

Через пару минут в вагон тяжело вошел Топор. Выглядел он так, словно только что вышел из парилки — по красному лицу катился градом пот, а в полуприкрытых глазах стояли слезы. Он быстро прошел мимо отсека, где сидели Костя с Наташкой, и устроился, по всей видимости, на «кухне». Было слышно, как скрипнула скамья и на стол посыпались какие-то твердые предметы.

— Черт бы побрал Борисыча со всеми его умниками, — на весь вагон отчетливо сказал Топор. — Придется все по старинке делать. Как Звяга учил.

Слышно было, как полилась вода в кружку, и вдруг Топор все так же отчетливо сказал:

— Спасибо, Марина. Очень кстати.

Костя встрепенулся и посмотрел на Наташку. Потом поднялся и пошел на «кухню». Марина и правда сидела здесь, успев к приходу Топора вскипятить чай. Топор сидел, оперевшись локтями на стол и нависая над исходящей паром кружкой. Лицо его медленно разглаживалось, буквально на глазах приобретая нормальный цвет.

— Садись, Константин, разговор будет, — сказал вдруг Топор, делая приглашающий жест рукой. — Нет у меня больше веры в электронные приблуды Борисыча.

Он кивнул на горсть одинаковых черных цилиндров размером с большой палец, рассыпанных по столу.

— Нет толку от датчиков этих, — он прикрыл глаза и с блаженным выражением на лице сделал большой глоток из кружки. — А раз так, придется и тебе сталкерскую науку изучать. И Михаила, телака моего, тоже учить буду. А мозголомы Борисыча пускай консультацию оказывают.

— Я не понимаю, о чем вы, Роман Андреевич... — начал было Костя, но Топор сразу открыл глаза и сказал, как отрубил:

— Нет больше Романа Андреевича! Меня зовут Топор — заруби это себе на носу. Пока я не зарубил. Это — Зона, понимаешь?

Он наклонился вперед и, схватив через стол Костю за рукав, силой усадил на лавку.

Марина, как ни странно, молчала и только поставила перед Костей пустую кружку.

— А раз не понимаешь, я тебе объясню, — сказал Топор. — Чтобы у нас были шансы на выход из этой задницы, мне нужен напарник. А лучше — два. Которые помогут, если что, в аномальном поле. И поведут группу дальше, если со мной чего случится. Так понятно?

Он обхватил кружку двумя руками и с наслаждением сделал большой глоток. Только сейчас Костя обратил внимание, что руки у Топора испачканы красной грязью. А из-под ногтей продолжает сочиться кровь.

— У тебя есть задатки. И у старшего телака моего, — сказал Топор, открывая глаза и глядя на Костю в упор тяжелым немигающим взглядом. — Притом, выбора я вам не оставляю. Отговорки не принимаются. Иначе, шансов у нас немного.

— А как же «Я поведу»? — с насмешкой подала, наконец, голос Марина.

Топор, против ожидания, не рассердился, а лишь, криво ухмыльнувшись, спросил:

— А что, надо было с криком «спасайся, кто может!» прыгать за борт? Мне показалось, что ты к этому была вполне готова.

— Я не боюсь, если ты на это намекаешь, — гордо сказала Марина.

— Это ты пока не боишься, — веско парировал Топор. — Видела канаву рядом с вагоном? Иди, пройдись рядом с ней, а когда тебя, визжащую от ужаса, вытащат оттуда — мы поговорим о смелости.

— Обделался по своей глупости, а теперь ищешь, перед кем бы оправдаться? — резко и насмешливо спросила Марина. — Тоже мне, проводник. Сталкер хренов.

— Иногда мне кажется, что ты куда более тупая, чем хочешь казаться, — высокомерно сказал Топор. — Я тебя с собой не зову, можешь оставаться здесь.

— Я готов учиться, — вмешался Костя, стараясь остановить накал страстей. — Но что для этого нужно? Я ведь вообще ничего не понимаю во всем этом.

Марина усмехнулась, встала и, забрав свою кружку, отправилась в сторону отсека, где осталась сидеть Наталья.

— А ты не дрейфь, — бросив убийственный взгляд в спину Марине, намного спокойнее сказал Топор. — В сталкеры ведь не

самые большие интеллектуалы подаются. Наука не больно сложная. Но важны терпение и готовность примечать и запоминать любые мелочи. Серьезным сталкером тебя сделать не обещаю, но до вечера кое-чему подучу. А завтра с утра повторим и углубим. Тогда послезавтра мне не так страшно будет тебя в качестве ассистента поставить.

— Когда начнем учиться? — спросил Костя.

— Прямо сейчас. — Топор отодвинул в сторону черные цилиндры, вытащил из кармана карандаш и прямо на досках стола принялся рисовать какую-то схему. — Сходи прямо сейчас к машинисту и попроси у него больших гаек и болтов штук восемьдесят-сто. Пусть где хочет ищет — у него в ЗИПе должен быть приличный запас всякого железа. А я подготовлю небольшое пособие пока.

Когда Костя поднялся из-за стола, дверь между вагонами открылась и на «кухню» быстро вошел Феоктист Борисович.

— Как же ты, голубчик, так промахнулся? — сочувственно спросил он Топора, усаживаясь на место Кости.

— Борисыч, — жестко сказал Топор. — Это не я промахнулся, а датчики твои дурацкие. И больше даже не проси — не буду я с ними ходить. Полный кисляк. Я уж лучше по старинке, с железочками да камушками.

— Методология хождения с датчиками находится в разработке, — без тени смущения сказал Ломакин. — Однажды, даже неподготовленный человек сможет идти по ним сквозь аномальные поля без задержек.

— Ладно, ладно. Потом кого-нибудь полечишь, когда я снова из вагона вылезу, — проворчал Топор.

— Для личного пользования малых датчиков мы пока действительно не доросли, — продолжал Ломакин. — Но площадная разведка отработана многократно и... гхм... наши исследователи даже ходили по картам, составленным на основе часовой давности разведки — все оказалось очень точно размечено.

— Привлекали сталкеров? — удивился Топор. — А вроде последние годы, я слыхал, такое сотрудничество очень не приветствуется.

— Ну, приветствуется — не приветствуется, это дело третье, — легкомысленно сказал Ломакин. — Давай начистоту: мы со сталкерами всегда контакт поддерживали и будем поддерживать. А начальство пускай себе воображает что хочет. Поэтому заявляю ответственно: площадная разведка приборами в течение примерно суток дает надежную карту аномалий до ближайшего сдвига глобальной фазы аномальности. И я готов такую разведку для тебя провести. Первый километр пойдешь от поезда как по проспекту. Ну а потом — уже сам.

— Давай попробуем, — согласился Топор.

25

Топор, Костя и Миха медленно перемещались вдоль вагона, представляя для стороннего наблюдателя прелюбопытнейшую картину. Благо, сторонних наблюдателей хватало. Как и пару часов назад, спереди и сзади маленькой группы вдоль вагонов расположились автоматчики. На крыше у крупнокалиберного пулемета устроился губернатор, а двое его людей постоянно осматривали окрестности, чтобы как можно раньше увидеть приближающуюся опасность. И даже полковник Кудыкин потребовал перенести его на обзорную платформу и оттуда внимательно смотрел на странную процессию, во главе которой шел Костя, а замыкал — телохранитель Топора.

Новенький камуфляж на всех троих покрылся пылью, грязью и темно-зелеными травяными пятнами. Правда, по словам Топора, это было даже хорошо, поскольку сделало камуфляжные костюмы действительно маскирующими на фоне окружающих серо-зеленых оттенков травы и земли. У каждого на спине висел полностью снаряженный рюкзак, хотя они пока еще никуда всерьез не выдвигались. Все трое шли расставив руки, словно по канату. Время от времени Топор останавливал процессию и требовал от Кости угадать, что должно было бы привлечь сейчас его внимание, если бы он был настоящим сталкером. Обнаружив странность в окружающем пейзаже или получив подсказку от Топора, Костя с Михой начинали кидать в подозрительное место железные болты и гайки. Топор при этом раздраженно кричал на них, требуя кидать то пониже, то поближе, и при этом раз за разом повторял почти одно и то же, обращая внимание на то, как ведет себя каждый из предметов в воздухе.

За какой-то час Костя вымотался так, словно целый день таскал свою камеру на плече, вместе с двумя запасными аккумуляторами. Но зато в голове начинала складываться логика поведения человека, оказавшегося вдруг посреди аномального поля.

— Главное, задавить в себе истерический ужас, — говорил Топор, небрежно забрасывая плоский камешек в широкую лужу, непонятно почему спокойно расположившуюся на пятачке травы посреди

абсолютно сухой обожженной земли. — Тут все опасно. И каждый шаг может стать последним. К этой мысли надо просто привыкнуть. Слушайте сейчас.

Камушек уже давно с легким всплеском исчез в темной воде, но круги от его падения продолжали разбегаться по ровной поверхности лужи. Зрелище завораживало, поэтому Костя не сразу обратил внимание на участившееся щелканье личного дозиметра-радиометра. Зачастили сухим треском и дозиметры его спутников.

— Применить бы этот процесс в атомной промышленности, — сказал Топор со вздохом, — и весь мир можно напоить-накормить-обогреть. А здесь это — просто опасная и вредная аномалия. Увидите такую лужу — обходите далеко стороной. Поймать рядом с ней критическую дозу — проще простого. Сразу не загнетесь, но через месяц-другой пожалеете, что не загнулись сразу.

— Шеф, — сказал Миха, — а что делать, если кто-то из своих вляпается в «бурую соплю», про которую вы говорили? Ведь если нога сразу до кости, то...

— Миша, я читал твое дело. Ты успел послужить в серьезных местах и прекрасно знаешь ответ на свой вопрос, — сказал Топор, глядя куда-то в сторону.

— Так то война, — сказал Миха растерянно. — Там выбора особого нет.

— А здесь еще меньше выбора, — сказал Топор, поворачиваясь к нему лицом. — Тут тоже война, хотя об этом никто и не говорит открыто. Только вместо одного врага, тут врагов может оказаться намного больше. И все эти враги — абсолютно безжалостны и предельно жестоки. Так что, лучше будет, если свои помогут. Хоть почти безболезненно будет.

— Я не знаю, шеф, — сказал Миха растерянно. — Может и не смогу здесь своего добить.

Только в этот момент до Кости дошло, о чем говорят его спутники. И от того, как просто и легко Топор говорил про возможное убийство своих будущих спутников, по телу побежали мурашки.

— Ладно, парни, — сказал Топор. — Отдохните часок-другой. Теперь моя очередь нагрузку получать. Сейчас возьму людей Борисыча и попробую метров на сто от поезда отойти. Если все-все не вспомню, туго нам в Зоне придется. Очень туго. Так что, лучше здесь как следует

попотеть. А вот как сам себя замучаю, будет изучать набросочный комплект.

Через некоторое время они устроились втроем на земле, прямо рядом с вагоном, подстелив лишь прорезиненные плащи. Посередине остался кусок незакрытой тканью земли. На него-то Топор и вывалил содержимое большой брезентовой сумки, которую притащил на себе откуда-то со стороны тепловоза. Перед удивленными Костей и Михой выросла горка мелких металлических предметов. Тут были болты и гайки, шайбы и гвозди, порезанная кусками проволока и даже несколько железнодорожных костылей. Причем часть этой мини-свалки металлолома была ржавой, явно провалявшейся в ЗИПе тепловоза не один месяц, часть — совершенно новая, да еще и в машинном масле, но хватало также и алюминиевых элементов, и оцинкованных.

— Вот, смотрите, — сказал Топор, выгребая на землю остатки своего груза, — это будут наши самые надежные приборы. Лучшие датчики. Непревзойденные дистанционные щупы. Возьмите в руки по горсти. Прочувствуйте, сколько тут всего. Эта куча мелочовки и называется набросочным комплектом.

— А я знаю, — сказал Миха, захватывая широкими ладонями большую горсть болтов и гаек. — Мы их кидать будем и смотреть, как они летят.

— Да, молодец. Буду звать тебя за это выскочкой, — с насмешкой сказал Топор.

— Извините.

— Не «извините». А «извини». И не «Роман Андреевич», а «Топор». Трудно запомнить, работник мышц и пистолета?

— Понял. Извини, Топор.

— А зачем нужны все эти клички? Чего вы так боитесь? — спросил Костя, бездумно пересыпая металлическую мелочовку с ладони на ладонь.

— Это скорее традиция, — поморщился Топор, — но традиция, въевшаяся в плоть. Хотя, как-то мне объясняли по молодости, что кличка — это как защитный камуфляж. Сбросил кличку, как шкурку, взял другую — вот вроде и другой человек уже. Многое упрощает. А свое имя от рождения просто так не сбросишь.

— Нам тоже клички понадобятся? — спросил Костя.

— Да вам-то зачем, — слабо махнул рукой Топор. — Вы же не собираетесь в Зоне промышлять сбором артефактов. Не готовитесь убивать за добычу. Вам только до границы дойти — и все.

— А тебе разве не так же? — удивился Миха.

— У меня здесь история старая, — нехотя сказал Топор. — Меня с собой не равняйте. Мне уже поздно маскироваться да прятаться. Она меня уже не просто почуяла. Она меня в оборот по полной программе взяла.

Костя вдруг ощутил неудобство, словно случайно подсмотрел в замочную скважину за чем-то глубоко интимным. За всем поведением Топора хорошо ощущалась какая-то неприятная история, последствия которой могли оказаться опасными не только для него, но и для всей экспедиции.

— Но рассказывать не буду, — весело сказал Топор, — а то у вас на осмысление своих историй внимания не останется. Итак, мелкие предметы. Здесь только металл, но опытные ходоки не надеются только на один ржавый болтик. Точнее так: те, кто надеется только на мешок с болтами, либо опытными не становятся — не доживают, либо ходят недалеко. Где настоящих аномалий и не бывает толком. А все потому, что для каждой ловушки свой особый подход нужен.

— Разные веса, разное сопротивление воздуха — это понятно, — сказал Костя. — Если болтик летит прямо, это не значит, что на него ничего не действует. Мы же не знаем толком, как он полетит на абсолютно безопасном месте.

— Молодец, соображаешь, — оценил Топор. — Я же говорю, что ничего сложного в сталкерской науке нет. Так вот: помимо металлических маркеров, полезно иметь с собой что-то диэлектрическое. Миха, ты понимаешь, что значит «диэлектрическое»?

— Обижаешь, Топор, — сказал Миха. — Я в армейку уходил уже со специальностью электрика.

— В кои-то веки везет, — удовлетворенно сказал Топор. — Тогда не будем тратить время. Обычно сталкеры кроме металла носят с собой мелкие камешки, веточки и щепочки. Мой бригадир, Звяга, приучал своих носить еще крышки от пластиковых бутылок. За это нас звали «пивняками» и постоянно над нами подшучивали. Вот только

потерь у Звяги, по сравнению с другими артелями, считай, что и не было.

— Крышка — диэлектрик стандартной формы и веса, — тут же сделал выводы Костя. — Но далеко не кинешь. Значит, для разведки на ближней дистанции.

— Если так дело пойдет, — удивленно сказал Топор, — может мне удастся в поезде отсидеться? Ну ладно, хватит болтать. Перейдем от слов к делу. Сейчас каждый из вас возьмет горсть наброса и мы пойдем обкидывать аномалии.

26

Следующие несколько часов прошли в утомительных однообразных тренировках. Топор построил отряд в определенном порядке и заставлял всех ходить вдоль поезда и останавливаться по командам, которые жестами отдавал тот, кто шагал первым. Потом они все вместе ползали по земле рядом с настоящими аномалиями, по склону железнодорожной насыпи, и Топор давал всем, как он выразился, почувствовать дыхание Зоны. Мягкая неумолимая сила, пытавшаяся затянуть в свои объятия на расстоянии более десятка шагов, произвела впечатление на всех. Даже Марина перестала демонстрировать свою независимость и беспрекословно падала лицом вниз по первой команде или хваталась одновременно за поясные ремни ефрейтора Хиженкова и Натальи, если Топор начинал кричать, что один из них оказался в ловушке.

Вскоре все перепачкались в грязи и соке травы, устилавшей насыпь.

Двум проводникам, кроме себя, Топор при этом успевал давать дополнительные сложные задания, и вскоре Костя уже от усталости стал плохо соображать и все чаще навлекать на себя гнев Топора.

— Что ты за олух?! — орал Топор, отвешивая Косте пинка пониже спины. — Ты что, не видел, как я шевелил веткой траву? Да ты только что сдох в «песчанке» и подставил весь отряд!

— Я просто устал, — пытался оправдаться Костя.

— Какая разница, по какой причине ты подох?! — орал Топор, и постепенно Костя начал ощущать, что снова ненавидит грубого и самовлюбленного чиновника.

— Ладно, перекур, — сказал вдруг Топор гораздо более спокойным голосом. — Вижу, все уже вымотались. Садитесь, где стоите. Привыкайте отдыхать только так. На аномальном поле разбредаться нельзя.

— А если захочется припудрить носик? — насмешливо спросила Марина, явно рассчитывая смутить грубияна.

— Пудри там, где сидишь, — грубо ответил Топор. — Это, если, конечно, сама пудрой не хочешь стать.

Сказал и отвернулся. Поэтому не видел, как опасно блеснули глаза Марины, а лицо налилось краской то ли гнева, то ли стыда. Такой свою напарницу Костя видел впервые.

Но, несмотря на всю конфликтность ситуации, Костя больше не мог переживать за Марину. Усталость взяла свое, и он плюхнулся на землю там, где стоял.

Вокруг бронепоезда бурлила кипучая деятельность. Практически все, кто остался на ногах, сооружали вокруг бронепоезда небольшие баррикады из подручного материала и запасных шпал, закапывали управляемые мины и рыли канавы, отходящие прямо к аномалиям, продолжающим бесноваться вдоль насыпи. С обзорной площадки процессом руководил Кудыкин. Рядом с ним три человека из числа подчиненных Ломакина устанавливали мощные прожекторы и черные матовые блины инфракрасных фонарей. Возле тепловоза возился машинист с двумя солдатами, монтируя прямо поверх брони сопла огнеметов. Судя по количеству патрубков, уходящих внутрь тепловоза, огненного факела могло хватить на поджаривание целого слона.

Костя знал, что внутри вымершего с виду бронепоезда тоже вовсю ведутся подготовительные работы. Оружие и боеприпасы равномерно распределялись по вагонам. Два солдата чистили и смазывали орудие в бронеколпаке, а после нескольких выстрелов научными зарядами в нишах оперативного боекомплекта остались только осколочно-фугасные снаряды.

Не двигаясь с места, бронепоезд, словно длинный стальной жук, зарывающийся в землю, готовился дать жестокий отпор любому противнику, выставляя во все стороны смертоносные жала.

— Чтобы не терять в процессе отдыха время зря, — сказал внезапно Топор, — продолжим обучение сидя. Грузить теорией я вас не буду. Времени на это нет, да и слушатели из вас сейчас так себе. Но мы можем кое-что опробовать на практике.

Он встал и показал пальцем в сторону легкого марева над ни чем не приметной проплешиной в траве.

— Это аномалия. Не буду говорить, какая именно — это неважно. Я хочу, чтобы каждый из вас протянул к ней руки вот так.

Топор выставил перед собой чуть согнутые в локтях руки ладонями вниз и растопырил пальцы.

— Руки должны быть расслаблены. Попробуйте ощутить что-то необычное, какое-то чужеродное воздействие на самые кончики пальцев. Глаза на время этого упражнения можно закрыть.

Все послушно вытянули руки вперед и замерли с самыми разными выражениями на лицах. Костя почти сразу ощутил легкое покалывание, но его опередила Наташка:

— Ой, есть! Как будто волна бежит по руке! И следом еще! И еще!

— Спокойнее, — сказал Топор. — Я подозревал, что у тебя будет к этому способность, но не думал, что такая острая. Отлично. Кто еще?

— У меня пальцы покалывает, — сказал Костя.

— Пальцами ничего не чувствую, — сказал Миха, — а вот в центре ладони такой жар появился, что твоя горелка газовая. Не жгется, но ощутимо греет в сторону предплечья.

— Ничего не чувствую, — мрачно сказал Вадик. — Зато стреляю за пятьдесят метров десять из десяти. Хоть бы и мутанту прямо в глаз.

— Я не уверена, — сказал Марина, — но скорее всего, тоже нет.

— А я тоже хорошо стреляю, — заявил Хиженков. — Мы с Вадиком всех мутантов в этом лесу одноглазыми сделаем!

— Поверните ладони вертикально и сильнее согните руки в локтях, — скомандовал Топор. — Что теперь?

День медленно двигался к своему финалу, и Костя с нетерпением ждал наступления ночи. Тело болело от целого дня физических нагрузок, голова уже почти ничего не соображала из-за бесконечного потока информации, который выливал на них Топор, но тренировки следовали за тренировками лишь с малыми перерывами, словно от них ожидалось, что за какие-то сутки они станут настоящими сталкерами.

Топор отвязался от них со своими занятиями только ближе к вечеру, когда четверо сотрудников Феоктиста Борисовича поставили на рельсы позади состава легкую дрезину. Помимо трех камер ночного видения с инфракрасными прожекторами, на ней были установлены ультразвуковой радар и чувствительная сейсмостанция. Все остальное пространство занимали два пулемета с большими коробами, куда были заправлены ленты боепитания, и система беспроводного управления. По словам Ломакина, несмотря на большое количество помех от многочисленных аномалий, дрезина достаточно хорошо управлялась на расстоянии до трехсот метров. Что позволяло использовать ее как

передовой дозор против бандитов, если те попробуют приблизиться к бронепоезду по рельсам.

Несмотря на сильную усталость, Костя взял камеру и отправился снимать запуск дрезины на ночное дежурство. К тому времени, когда все было готово и все системы прошли повторную проверку, уже достаточно стемнело и даже конвой из четырех автоматчиков чувствовал себя очень неуютно в сгущающемся мраке. Электрический мотор, питаемый мощным аккумулятором, работал почти бесшумно, и лишь постукивание колес на стыках рельс могло выдать, что по железной дороге движется какой-то объект. Дрезина укатила в темноту, и Костя выключил камеру.

По обеим сторонам дороги то и дело вспыхивали синие огоньки, и хотя Костя прекрасно знал, что видит всего лишь «электрические» аномалии, на душе было неспокойно. Камеры и датчики дрезины сейчас сканировали окрестности на предмет опасных форм жизни или присутствия людей, и, в случае чего, Ломакин сразу оповестил бы своих людей об опасности, но огоньки двигались как живые и казались хитрыми хищными созданиями, только и выжидающими, чтобы напасть со спины.

Косте очень хотелось, чтобы по возвращении его встречала Наташка, но оказалось, что вымотавшаяся за день девушка уснула, не дождавшись его.

Переполох начался среди ночи, когда один из сотрудников Ломакина, дежуривший у мониторов, обнаружил камерами дрезины группу людей, движущихся на значительном удалении вдоль железнодорожного полотна. Камера наблюдала их всего несколько минут, но этого оказалось достаточно, чтобы Кудыкин объявил тревогу и потребовал всех занять места согласно новому боевому расписанию.

Пока автоматчики вглядывались сквозь окна в абсолютную темноту за пределами поезда, в научном вагоне Кудыкин, Ломакин, Топор, Костя и губернатор раз за разом просматривали запись, на которой хорошо были видны маленькие зеленые силуэты, то и дело пропадающие за слабо светящимися в инфракрасном диапазоне деревьями.

— Мне кажется, что они не похожи на бандитов, — наконец сказал Топор. — Идут так, словно не видят поезда и даже не догадываются о его существовании.

— Это же ночная камера, — возразил Кудыкин. — Искажения неизбежны. И давай рассуждать логично: кто здесь еще может бродить, кроме бандитов?

— Это Зона, — пожал плечами Топор, словно объяснил этим все, что хотел сказать.

— Мы не можем сидеть всю ночь в ожидании, — мягко сказал Ломакин. — Завтра утром те, кто выходят, должны быть отдохнувшими.

— Если начнется штурм, — возразил Кудыкин, — никто никуда не выйдет уже.

— На дрезине два пулемета, — сказал губернатор. — Если что — оператор поддержит нас огнем.

— Полковник, ты просто слишком устал, — сказал Топор. — Сразу бронепоезд им все равно не вскрыть. Успеем по тревоге подняться. А если сидеть всю ночь настороже — толку все равно мизер. Видимость для стрелков минимальная. Вывод — идем спать. Кроме дежурных.

Когда Костя вернулся в салон штабного вагона, оказалось, что его там ждет Наташка.

— Хотела поговорить, да вот не выдержала и заснула, — виновато сказала она. — Мне надо всего несколько минут. И снова пойдем спать.

— Конечно, говори, — с готовностью сказал Костя, беря в руки его хрупкие ладошки.

— Мы с тобой оба понимаем, что между нами происходит, — сказала Наташка, потупив взгляд, — но завтра мы отправляемся в такое путешествие, из которого один из нас может не вернуться. Это реальность, причем вполне вероятная. Сегодня я поняла это очень отчетливо.

Она посмотрела Косте в глаза и решительно продолжала:

— Я не хочу, чтобы в этом случае для другого это стало трагедией. Поэтому, Костечка, милый, давай договоримся сейчас: наши отношения будут возможны только в том случае, если мы оба выберемся отсюда живыми. А пока мы в Зоне, не смотри на меня так и постарайся, чтобы я не замечала твоего внимания. И лучше, если ты совсем не будешь со мной разговаривать, а не то я...

Она сорвалась на всхлип, прижалась головой к его груди и затряслась в беззвучных рыданиях.

— Ну что ты, Наташка, — растерянно бормотал Костя, гладя ее по голове.

— Обещай, — сказала она, поднимая мокрое от слез лицо.

— Хорошо, — сказал он. — Говорить с тобой постараюсь как можно меньше. А вот обнимать буду, как обычно. А теперь иди спать, глупенькая. И ничего не бойся.

Ворочаясь на своей лежанке, сооруженной на полу салона штабного вагона, Костя думал о том, что хотел бы, чтобы и его кто-то убедил не бояться.

27

— Ничего у вас не вышло, — злорадно прошипел Александр. От трепетного ужаса, что каждый раз испытывал ученый, глядя Хозяину в глаза, не осталось и следа. — Нас не напугать клыкастой тварью!

— Ты так самоуверен, — заметил Хозяин, убирая руку с тумблера. — И с каких это пор ты говоришь «нас»? Мне нужен только ты, а они так, непредвиденные расходы.

— Эти «непредвиденные расходы» вам не по зубам, — огрызнулся человек. — Отпустите меня, или...

— Или что? Расстреляешь в меня всю обойму? Свернешь шею? Говори, не стесняйся — все свои.

Вместо ответа ученый сдернул с плеча автомат и, прицелившись, сделал три одиночных выстрела. Пули насквозь прошили тело Хозяина. Он завалился на пол. На продырявленном темно-синем халате расплылись алые пятна крови. Запах пороховой гари защекотал ноздри Александра, который до сих пор не мог поверить, что у него получилось избавиться от не в меру зарвавшегося «начальника». Вот ведь как все просто-то оказалось! Три пули и... Однако не стоит обманывать себя ложными надеждами: Хозяин не так-то прост и вполне себе может оклематься. Ну и пусть! Хрен с ним! Для Александра теперь главное выбраться, чтобы к моменту завершения регенерации своего мучителя быть далеко отсюда.

Забросить автомат за спину и извлечь из нагрудного кармана магнитную ключ-карту — две секунды. Попасть в прорезь электронного замка — две секунды. Провести карточку через щель и ввести код — три секунды. Семь секунд — и свобода!

— Далеко собрался? — по завершении четвертой секунды Хозяин все же успел восстановиться.

Александр вздрогнул от страха. Отбросив в сторону бесполезную карточку, ученый прижался спиной к двери, достал из кобуры пистолет, прицелился в тумблер и нажал на спусковой крючок. Одна за другой пули прошивали стальной трон, выбивали бетонную крошку из стен, рикошетили в потолок, но ни одна не угодила в цель.

— Отпустите меня! — надрывно закричал Александр, когда сухой удар бойка дал понять, что в обойме кончились патроны. Ученого трясло от осознания своего бессилия, от разбившейся в крах надежды. Даже старый добрый пистолет, не раз спасавший жизнь своему владельцу, теперь казался бесполезной игрушкой.

— Ни за что, — сказал как отрезал Хозяин. — Ты будешь делать то, что я тебе говорю. Или мне усилить натиск?

— Все равно ничего у тебя не получится, ты, грязный мутант! Мне плевать на угрозы, делай что хочешь!

Хозяин покачал головой и мягко, почти что нежно, положил руку на тумблер, повернув стрелочку указателя на цифру «два».

В темном углу пискнула довольная чем-то крыса...

Связист открыл глаза. Полежал немного, зевнул и лениво, до хруста костей, потянулся. Ночь прошла спокойно и на удивление быстро. Казалось, не успел уснуть, как над Зоной забрезжил рассвет. Косые солнечные лучи пробрались в вагон сквозь щели в потолке, легкий ветерок мало-помалу гонял затхлый, вонючий воздух, снаружи слышалось громкое карканье разошедшихся ворон.

И снова тот же сон. Точнее, продолжение того, что было вчера. И позавчера.

Связист сел и огляделся: Версоцкий еще спал, подложив под голову руку; Зюзя прислонился к стенке и слепо глядел в потолок. Левая рука сумасшедшего дергалась, как от нервного тика, а по щеке расползалась тягучая нитка слюны. Только наемник, услышав шорох, поднял голову и посмотрел на сталкера.

— Утро, — поприветствовал пленника Связист. — Как спалось?

— Никак, — пробурчал наемник. — Всю ночь кошмары мучили.

— Бравый наемник боится кошмаров?

— Не боюсь я, — отмахнулся наемник. — Просто странные они какие-то. Как будто сериал: что ни ночь — то продолжение. Задолбало в край, четвертую ночь не высыпаюсь.

— А вот с этого места поподробнее, — сталкер напрягся и подался вперед. — Давай, наймит, не тяни кота за причиндалы.

— Да что подробнее? — огрызнулся наемник. — Стоят два идиота в каком-то подвале. И один просит второго его отпустить, а тот ни в какую. Типа, ты мне здесь нужен, говорит. Сегодня вот до стрельбы

дошло... Стоп! А чего это тебя мой сон заинтересовал? — Наемник пристально посмотрел на Связиста. — Тебе что-то похожее снится, а?

Сталкер ничего не ответил и, прислонившись к стенке, прикрыл глаза. На удивление, все сказанное наемником сильно напоминало его, Связиста, сны. Вот только как он ни силился, но так и не мог понять их значение. А чувство, что за всем этим кроется нечто важное, никак не подходящее под определение «совпадение», не то, чтобы не покидало голову сталкера, а наоборот — стало лишь сильнее. Да и совпадений таких попросту не бывает! Слишком уж маловероятен шанс того, что двум абсолютно разным людям на протяжении четырех дней может сниться одно и то же. Хотя, это Зона. Тут всяко бывает... В иной ситуации Связист непременно списал бы все на проделки ошивающегося неподалеку кукловода — одного из опаснейших мутантов Зоны, который силой мысли способен управлять мутантами, а особо развитые твари — людьми. Мало ли, зверушка Зоны решила поразвлечься и четвертые сутки подряд терроризирует своих жертв понятными только ей одной глюками? Но сейчас — вряд ли. Слишком много людей на базе, не любят кукловоды столпотворений. Их цель, как правило, сталкеры-одиночки да зазевавшиеся часовые на блокпостах.

После завтрака прошло около часа, прежде чем за пленниками пришел Егорка и приказал идти за ним. Связист вышел на свежий воздух и угрюмо потопал следом за хромающим бандитом, оставив наемника, Версоцкого и Зюзю позади себя. Когда люди миновали будку КПП и вошли в уже распахнутые ворота, сталкер от удивления присвистнул, наемник крепко выругался, а Версоцкий удивленно ойкнул. И ведь было от чего ойкать!

Взгляду пленных открылся внутренний двор базы: множество рюкзаков, свернутые палатки, пустые ящики из-под патронов и гранат ровной кучкой лежали у небольшого гаража. А рядом с ним ровной шеренгой выстроились бандиты. Связист насчитал пятнадцать человек. Все как на подбор рослые, крепко сложенные, облаченные в отличные сталкерские комбинезоны с бронежилетами, поверх которых была надета разгрузка, забитая боеприпасами. А вооружение — глаза разбегались! Итальянские дробовики, болтающиеся за спинами шестерых бойцов, приятно контрастировали со штурмовыми винтовками, а те, в свою очередь, дополняли несколько бельгийских

«FN F2000». Но абсолютным лидером среди всего вышеперечисленного являлся новенький ПКМ, удобно лежащий в руках самого сильного на вид бойца.

— Мама родная, — почти простонал наемник. — Это чтоб наемники так жили.

Егорка, оставив шокированных пленников чуть в стороне от бойцов, поковылял к центральному зданию и вскоре вернулся, облаченный ничуть не хуже товарищей. Только из оружия почему-то выбрал простенький АК. Сразу за бандитом из здания вышли Хантер и Васильев. Они про-шли мимо и остановились перед отрядом бойцов. На пленников никто не обратил ни малейшего внимания, как будто не они являлись виновниками этого собрания и, соответственно, дальнейшего путешествия.

Прокашлявшись, Хантер начал говорить своим бойцам нечто ободряющее. Из его слов становилось понятно, что все они «опытные сталкеры, не раз обманывавшие смерть», и что «эта ходка отличается от предыдущих тем, что к Периметру они ведут не кого-нибудь, а самого Связиста — убийцу дорогого для него, Сергея Григорьевича, человека». Сказав это, Хантер указал на сталкера. Пятнадцать голов, не считая наемника, с еще большим удивлением рассматривающего Связиста, разом обернулись к солдату. Повисла немая пауза. Чтобы хоть как-то сбросить напряжение, сталкер улыбнулся и помахал ручкой. Хантер презрительно хмыкнул и продолжал свою речь. А Связист погрузился в размышления.

Хантер случайно обмолвился, что ночевать бандиты будут где-то в районе водохранилища, ближе к дамбе. Стратегически, лучшее место на берегу: как минимум, с одной стороны не придется ждать опасности. Хотя, кто его знает, что водится в водоеме и какие там аномалии. Мало кто решился бы перебираться там вплавь.

Между тем Хантер закончил сотрясать воздух обещаниями и на его вопрос: «Вы все усвоили?» отряд ответил громогласным «Так точно!». Наверное, эхо голосов долетело до самого Периметра. Сталкер даже восхитился строгой, почти военной выправкой бандитов. Но только на миг. Зато теперь хотя бы понятно, каким образом Хантеру удается держать такую базу под контролем.

На то, чтобы подогнать лямки рюкзаков и надеть их, ушло минуты три. Еще минута на окончательную проверку. Хантер, не в силах

успокоиться, все это время нервно прохаживался туда-сюда.

Четверо бойцов подошли и, схватив за шиворот как котят, бесцеремонно потащили пленников к остальным бандитам. Там всем четверым всучили по тяжелому рюкзаку. Ну конечно! Зачем тащить самим, если есть измотанные работой, плохим питанием и антисанитарией пленники? Наемник и Связист, косо переглянувшись, с натугой подняли свою ношу, а вот Версоцкий, как ни старался, так и не смог оторвать поклажу от земли. Зюзя даже не пытался.

— Я не смогу это нести, — в конце концов сдался профессор. — И Зю... то есть этот сталкер — тоже.

Один из отморозков приблизился вплотную к Версоцкому. Связист напрягся, ожидая, что будет дальше. Краем глаза сталкер отметил, что наемник тоже сжал кулаки, исподлобья уставившись на бойца в черном.

— А меня не волнует, — вполне обыденно ответил бандит, натягивая черную шапочку. — Делай, что велено, ботаник.

— Но как же?..

— А вот так! Взял и понес. Не зли меня!

Посмотрев на своего мучителя, Версоцкий снова склонился над злосчастным рюкзаком.

— Какие-то проблемы? — Васильев появился за спиной дерзкого бойца.

— Да вот, эта погань рюкзак поднять не может, — осведомил проводника бандит.

— Значит понесешь сам. И быстро, времени в обрез! — сказал Васильев и, выйдя чуть вперед, прокричал: — Строиться! Пленников распределить вдоль колонны через троих.

Опытный проводник, наверняка не раз участвовавший в подобных рейдах, продолжал отдавать приказы, расставляя бойцов в зависимости от их личных качеств и имеющегося при себе оружия, чтобы максимально возможно обеспечить безопасность конвоя и выполнение задания. Связист оглянулся: Хантер, он же Сергей Григорьевич, стоял возле входа в центральное здание и дымил сигаретой. Заметив пялящегося на него солдата, бандит, как бы невзначай, повернул ствол дробовика в его направлении и, положив палец на спусковой крючок, изобразил выстрел, после чего провел ребром ладони по шее. В ответ Связист улыбнулся.

Еще увидимся, козел одноглазый. Еще увидимся...

28

До сегодняшнего дня Связисту не доводилось бывать в Мертвом Лесу. Слишком много леденящих кровь историй он слышал от приятелей-сталкеров об этом месте и всегда старался обойти его десятой дорогой. Несмотря на дорогостоящие артефакты, которые время от времени приносили удачливые ходоки, рискнувшие сунуться и сумевшие выжить в одной из самых страшных и опасных частей Зоны. И таковым Мертвый Лес считался сразу по двум причинам: аномалии и мутанты. Бывалые сталкеры, а то и не в меру зарвавшиеся новички, только смеялись: эка невидаль! Зона кругом! Тут все опасно и смертельно. Однако, оказавшись лицом к лицу со всеми ужасами гиблого места, многие из ходоков, поджав хвосты, старались покинуть его как можно быстрее. А из тех, кому одуматься не позволяла гордость и пьянящая голову самоуверенность, возвращались единицы. В основном, не солоно хлебавши. И вот госпожа Зона решила, что пора и Связисту поглазеть на доселе запретные земли. И, за неимением иного пути, буквально заставив его наведаться на запретную доселе территорию.

Мертвый Лес не зря получил свое говорящее название. Когда-то, еще до возникновения Зоны, это была обычная чаща — излюбленное место грибников и охотников. А благодаря наличию водоема на самой опушке, то и рыбаков из близлежащих деревень. Некогда густой, богатый на дичь и ягоды лес, после образования аномальной территории превратился в выжженную чащобу с обгоревшими стволами деревьев. Пепельно-серый травяной ковер круглый год укрывал его землю, а легкая туманная полудымка, стелющаяся под ногами, только дополняла картину отчаяния и безысходности, вдобавок ко всему скрывая коварные аномалии. Именно поэтому каждый неосторожный шаг мог оказаться здесь последним в прямом смысле слова.

— А другой дорогой пойти никак нельзя? — спросил сталкер.

— Заткнись, — огрызнулся кто-то из бандитов позади.

— Нервные вы какие-то, — пробурчал Связист и умолк.

Насчет нервозности профессиональных бойцов сталкер не преувеличил ни на йоту. Как только конвой вошел под сень Мертвого Леса, все бандиты, как один, замолчали, поснимали оружие с предохранителей и старались вертеть головами на все триста шестьдесят градусов, будто разом задались целью свернуть себе шеи. Особенно старались бойцы арьергарда, выставившие стволы на все четыре стороны, отчего походили на гигантскую бронированную гусеницу, готовую открыть огонь при малейшей опасности. На их фоне, без оружия, с тяжелым рюкзаком и связанными за спиной руками, Связист чувствовал себя слабым и беззащитным, почти что голым. Наемнику, наверное, приходилось ничуть не легче, а, учитывая его вздорный характер, скорее наоборот: еще тяжелее.

Сталкер сразу смекнул, что монстры идут по следу конвоя с тех пор, как тот углубился в лесную чащу. Связист постоянно чувствовал их присутствие, хотя ни одна тварь на глаза пока ни разу не показалась. Проснувшиеся сталкерские инстинкты заставляли вертеть головой не хуже бандитов. К счастью, нападать вечно голодные мутанты пока не рисковали.

Васильев вел отряд каким-то извилистым, одному ему понятным путем. Часто останавливался и подолгу всматривался перед собой, прежде чем пройти следующие пару десятков метров. Иногда в ход шли болты, которыми проводник «прощупывал» безопасную тропку между бесчисленным количеством аномальных ловушек.

Задумавшись, сталкер упустил момент, когда конвой в очередной раз остановился, и врезался в спину впереди идущего. «Протараненный» бандит прошипел какие-то ругательства, продолжая водить стволом ПКМ из стороны в сторону.

И вдруг все вокруг стихло. Даже ветер, казалось, притих, поддавшись давлению угнетающей тишины. Было в этой тишине нечто страшное, зловещее и опасное. Будто бы затишье перед бурей, которая вот-вот должна разра-зиться.

И она разразилась.

От яростного рыка голодного монстра, что донесся откуда-то сверху, заложило уши, а к горлу подступил ледяной комок. Но хвала бандитам: те среагировали мгновенно. Автоматные очереди, выстрелы из дробовиков и длинная, бодрящая не хуже энергетика, «песня» пулемета Калашникова стали весомыми аргументами в споре с

мутантом за жизнь. Сам же Связист сделал единственное, что было в его силах: плашмя грохнулся на землю.

А над головой тем временем разразился настоящий хаос. Яркие вспышки выстрелов, крик, топот множества ног, взрыв гранаты, кислый запах пороховой гари, дикий рев монстра — вся эта какофония обрушилась на сознание сталкера разом, заставив его еще плотнее вжаться в землю и не шевелиться. Лежать, придавленным тяжелым рюкзаком, без оружия, практически в эпицентре царящего вокруг дурдома и ожидать, когда мутант вцепится тебе в загривок своими огромными когтями, было очень страшно. Чтобы хоть как-то побороть нахлынувший ужас, Связист приподнял голову и осмотрелся.

Буквально сразу же взгляд остановился на виновнике царящей вокруг вакханалии: ловце, вцепившемся в обугленный ствол дерева четырьмя когтистыми лапами. Из пасти огромного, ростом не меньше трех метров мутанта вырывался длинный раздвоенный язык, а тело самого монстра «украшали» редкие проплешины язв. И никакого волосяного покрова. Из нескольких пулевых ранений, оставленных бандитами, вытекала густая черная кровь, большими каплями падая на землю. Но было видно, что раны не причиняют ловцу неудобства — уворачиваясь от пуль, монстр ловко перепрыгивал с дерева на дерево, выцеливая будущую жертву. И сталкер очень надеялся, что этой жертвой окажется не он.

Именно в этот момент мутант сорвался со ствола дерева, оставив на нем глубокие разрезы, и, сделав эффектный кульбит, сбил с ног растерявшегося бандита. Все произошло настолько быстро, что бедняга даже не успел навести оружие на мутанта. Вопль человека, полный отчаянья и боли, разнесся над Мертвым Лесом, на секунду заглушив все остальные звуки. Но ловец оборвал этот крик, одним ловким движением распоров тело несчастного от живота до шеи. Не медля, мутант подхватил истекающий кровью труп и, вскарабкавшись на дерево, скрылся в глубине леса.

— Прекратить огонь! — приказал Васильев. Он, как и все, был на взводе, но старался сохранять спокойствие. — Сваливаем! Хватайте пленников и за мной. Чувствую, скоро здесь будут гости...

Связист его не слушал: все внимание было сосредоточено на ноже, что валялся в луже крови совсем рядом. Видимо, выпал из ножен того бедняги, которого утащил зверь. Но как его достать? Как

дотянуться до заветной цели, что лежит совсем рядом? Излишняя возня непременно вызовет подозрения и окончательно разрушит хрупкую надежду завладеть оружием. Сталкеру казалось, что усложнить и без того непростую ситуацию уже ничего не может. Но не тут-то было! Один из бандитов сделал шаг назад, наступив прямо на лезвие оружия. Под толстой подошвой армейских ботинок тонкая сталь не ощущалась, но завладеть ножом теперь стало и вовсе невыполнимой задачей.

Связист тихонько выругался сквозь зубы, все еще не оставляя робкой надежды добраться до заветной цели.

В этот момент, с той стороны леса, где минуту назад скрылся унесший добычу мутант, послышался треск веток, хлопки аномалий и лай множества собачьих глоток. А спустя несколько секунд конвою предстала ужасная картина. Огромная, не меньше тридцати особей, стая мутсобак появилась среди деревьев и в одночасье оказалась прямо перед оцепеневшими людьми.

— Вот дерьмо! — тихо выругался стоящий неподалеку от Связиста Васильев и медленно поднял автомат. — Ребята, не делайте резких движений. Не провоцируйте тварей. Но будьте готовы к бою.

Стая будто поняла смысл сказанных проводником слов, потому что в следующий миг все собаки разом бросились на людей.

Залп множества выстрелов в клочья разорвал первый ряд мутантов, отбросив его ошметки назад, прямо на своих сородичей. Но те даже не сбавили скорости. Бандиты принялись перебегать с места на место и стрелять, полностью сконцентрировавшись на быстром и очень опасном противнике. А Связист только этого и ждал.

Он перекатился и зашарил по траве в поисках ножа. Обнаружить оружие никак не удавалось, будто оно провалилось сквозь землю. Сталкер отчаянно спешил: ведь стоит одному из бандитов на миг обернуться, чтобы проверить, как там поживает «груз», и вся затея будет провалена. Благо, конвой занят мутантами, которых осталось не так уж и много: расстрелять свору собак, пусть даже в тридцать голов, из четырнадцати стволов не составляло проблемы. С минуты на минуту поединок должен был закончиться, и не надо гадать, в чью пользу.

Есть! Онемевшие пальцы нащупали заветную находку. Судорожно схватив нож, Связист быстро засунул его в рукав острием кверху и

сжал кулак, дабы ненароком не выронить единственное оружие. Проделав нехитрую операцию, перекатился на свое место и лег как ни в чем не бывало. Теперь на душе было более-менее спокойно. Ведь у сталкера есть нож, а это уже кое-что.

Стрельба стихла так же резко, как и началась. Будто отрезало. Только местами слышался жалобный скулеж парочки уцелевших мутантов, которым обломилось полакомиться свежатиной.

— Хватаем товар и за мной! — крикнул проводник и почти бегом припустил вперед, заняв место во главе колонны.

Бандитам не пришлось повторять дважды: не сговариваясь, они похватали сброшенные во время боя рюкзаки. Двое рывком подняли Связиста, поставив того на ноги, и сильно толкнули перед собой. Сталкер кое-как смог удержать равновесие, чтобы не упасть, и двинулся вслед за остальными.

29

Наутро всех, кто вошел в отряд, Топор собрал на смотровой площадке крыши штабного вагона. Одет он был в чистенький камуфляж, а вдобавок обвешался всевозможной мелкой амуницией и повесил на шею несколько приборов в чехлах. За спиной висели новенький заграничный автомат и труба одноразового гранатомета. На поясе виднелась кобура с пистолетом, рукоять которого масляно блестела угольно-черными пластиковыми накладками. На поясе в ножнах болтался нож-тесак с эргономической серой рукояткой. Высокие шнурованные ботинки, разгрузочный жилет и ярко-желтая бандана завершали снаряжение Топора.

Выглядел он при этом настолько классно, что Костя только вздохнул с восхищением. Даже не верилось, что всего несколько дней назад этот человек не менее ловко носил дорогущий костюм. Скосив глаза, Костя незаметно взглянул на Марину. Кажется, в этот раз даже ее проняло: на Топора она смотрела не сводя глаз.

Картинно расставив руки, Топор несколько раз повернулся, давая разглядеть себя со всех сторон.

— Круто? — спросил он всех собравшихся разом.

— Круто! — выдохнул Костя, а Миха одобрительно поцокал языком.

— Роман Андреевич, вы замечательно выглядите! — восторженно сказала Наташка.

— Смотрите и запоминайте, друзья мои, — снисходительно улыбнулся Топор.

Костя даже ощутил жгучую зависть: ведь ему нечего было и пытаться стать похожим на Топора, которого хоть сейчас можно было отправлять на съемку для глянцевого мужского журнала.

Внезапно лицо сталкера исказилось, и на смену слащавой улыбке пришла злобная гримаса:

— Тщательно запоминайте, убогие! Тот, кто одевается в Зоне как попугай — считай, дипломированный покойник!

Он сорвал с себя красивую бандану и бросил ее на пол. И даже демонстративно наступил на нее ногой.

— Тот, кто рассчитывает только на приборы и суперское оружие — тоже покойник. И не смотрите, что он покамест дышит и разговаривает. Это временное явление.

Топор снял с себя автомат и гранатомет, сложил на лавку приборы и стащил разгрузочный жилет. Отстегнул пояс с красивой кобурой.

— Мы пойдем в группе, поэтому вам я разрешу некоторые вольности. Но три человека, что будут вас вести — это я, Константин и Михаил, — будут снаряжаться только так, как я скажу.

Он снял с себя красивый камуфляж, под которым обнаружилась грязная куртка. Видимо, Топор просто натянул новую одежду поверх испачканной. Под скамейкой у него оказался припасен явно видавший виды автомат со складным прикладом, ремень которого был пристегнут петлей только к прикладу. Вместо красивого ножа в руках Топора сверкнуло остро заточенное лезвие, странным образом похожее на большое изуродованное сверло. В большом кармане на животе что-то позвякивало и пересыпалось.

Разительная перемена, произошедшая с Топором, шокировала отряд не меньше, чем его блистательное появление.

— Теперь, — сказал он, — я выгляжу больше похожим на какого-то нищеброда. И мои шансы уцелеть стали существенно выше. По Зоне надо идти тихо и незаметно. Надо стать бесшумной крысой, крадущейся вдоль плинтуса. Любая яркая вещь — это смерть. Любой громкий звук — это большой шаг к смерти. Любой предмет, на который вы надеетесь больше, чем на свои глаза и уши, — это тоже наверняка смерть.

— Может хватит? — спросила Марина. — С тех пор как вы сняли свой костюмчик, мы от вас только и слышим «смерть-смерть-смерть». Не страшно уже даже. Смерть — значит смерть.

— Если видите незнакомый предмет, — не обращая внимания на Марину, возвысил голос Топор, — отвернитесь и пройдите мимо. Если увидели что-то интересное и классное — не обращайте внимания. Если происходит что-то непонятное — остановитесь и прислушайтесь к себе. В каждом из вас есть куда более чуткие датчики, чем все магнитометры, гравиметры, пирометры и радиометры вместе взятые.

Костя слушал Топора и мысленно соглашался с каждым его словом, удивляясь даже, что еще несколько минут назад с восторгом разглядывал красивую экипировку. Все, что он раньше слышал о Зоне,

прекрасно согласовалось и с необычной тренировкой по преодолению аномального поля, и с нарочито яркой демонстрацией того, как не надо одеваться при путешествии по столь опасному месту.

— Единственное, что я разрешу взять в любом количестве — это гранаты и патроны, — сказал Топор, заметно сбавляя тон и выводя тем самым Костю из состояния задумчивости. — Боеприпасы, это то, что можно брать даже в большем количестве, чем вы готовы нести. Выбросить никогда не поздно, но, боюсь, что выбрасывать не придется. И так уйдет. Очень быстро.

— Возьмем с большом запасом, — уверенно сказал Миха.

— А сейчас, — сказал Топор, — даю десять минут тем, кто еще не переоделся или не переобулся.

Костя сразу посмотрел на ноги Наташки, до сих пор обутые в туфельки, так странно контрастирующие с камуфляжным костюмом.

— Да, верно, — сказал Топор, оценив его взгляд. — Кроссовки или «берцы» с портянками. Можно сапоги. Все остальное — смерть ногам, а значит и хозяину этих ног, каким бы прекрасным он ни был.

Насмешка в голосе Топора заставила Костю покраснеть до корней волос.

— Мои кроссовки пойдут? — с вызовом спросила Марина, демонстрируя Топору ногу.

Вместо ответа Топор резко присел и схватил Марину за лодыжку. Репортерша испуганно вскрикнула и схватилась за плечо сталкера. Подергав за шнурки и проведя пальцем по швам, Топор отпустил ногу Марины, поднялся и сказал:

— Пойдут. Годная китайская подделка.

— Немецкая фирма2! — тут же поправила его Марина.

— Голимый Китай, — сказал Топор. — Но сшито хорошо. На пару дней хватит, а больше, очень надеюсь, и не понадобится.

Перед выходом своего небольшого отряда Топор устроил еще одно построение, уже перед тепловозом, и снова принялся осматривать снаряжение каждого. Одежда, обувь, рюкзак, оружие — ничто не ускользало от его внимания. Обнаружив, что у Наташки нет на поясе ножа, он принялся громко ругаться, а на Костю, попытавшегося защитить девушку, немедленно наорал так, словно парень лично был виновен во всех бедах экспедиции последних дней.

— Безмозглый кретин! — орал Топор, моментально став снова похожим на прежнего Романа Андреевича. — Ты так ни черта и не понял, куда мы идем и что нас там ждет! И дура эта ни хрена не поняла! Тупые малолетки! Это же Зона, бараны вы безмозглые! Зона, а не парк развлечений со страшилками! Один шаг в сторону — и все, хана! Каждая мелочь важна, как глоток воздуха!

Он бы орал, наверное, еще долго, если бы один из сотрудников Ломакина не притащил нож в ножнах и не сунул его за пояс Наталье. Напуганный неожиданной реакцией Топора, красный, как вареный рак, Костя судорожными движениями помог девушке повесить оружие на пояс.

— Ну, а теперь на меня поори, — с вызовом сказала Топору стоящая рядом с Костей Марина. — Это так заряжает.

— Да вот еще, на каждую отмычку здоровье тратить, — грубо ответил ей Топор, тем не менее тщательно осматривая все ее нехитрое снаряжение.

В отличие от Наташки, Марина не боялась оружия, и пистолет в набедренной кобуре, на взгляд Кости, ей очень даже шел.

— Не поняла, — нахмурилась Марина. — Отмычка — это какое-то новое оскорбление?

— Это очень старое оскорбление, — хмыкнул Топор, — но я забыл, что не для всех понятное. Интересно, ты из пистолета хотя бы раз выстрелить сможешь? Кобура очень красивая, но сделанная каким-то недоумком. Застежку вот эту срежь на фиг. Пистолет надо извлекать одним движением, а то пока вытащишь, тебе уже половину головы отгрызут.

— Оптимист, — огрызнулась Марина. — Я вообще-то как курьер иду. А стрелять — это ваша, мужская забота.

— Ого, — насмешливо сказал Топор. — Не успело запахнуть жареным, а феминизм внезапно перестал валиться изо всех дыр.

— Мужлан, — отвращением сказала Марина, вытягивая из ножен узкую финку, которую ей лично подобрал среди запасов профессор Ломакин.

— Еще какой, — хмыкнул Топор, но одобрительно кивнул, когда срезанная застежка от кобуры полетела на землю.

Затем из вагона вышел Ломакин. В руках он нес пучок полосок ткани и небольшую стопку бумажных листов.

— Вот здесь, — сказал он, раздавая каждому участнику отряда до две тряпочки и по два бумажных листика, — записано сообщение, в котором мы просим о помощи. Там указаны наши нынешние координаты. Разложите эти сообщения по разным карманам, что-то уберите в рюкзак. Так будет больше вероятности, что сообщение не будет утрачено. Передать его необходимо военным или представителям властей.

— Ты еще обещал объяснить, как мы сможем ориентироваться по старой карте и твоей схеме аномалий, — сказал Топор. — Куда нам надо выйти, я тебе говорил.

— Да, сейчас покажу, — сказал Ломакин. — Где твоя карта?

Провожать небольшой отряд собрались все, кто оставался в бронепоезде. Поднявшись на обзорную платформу, они все поместились вдоль одной стороны вагона. Глядя на этих, чужих, в общем-то, для него людей, Костя вдруг понял, что оставляет на беспомощном бронепоезде часть себя. Слишком много было пережито за последние два дня, чтобы уходить отсюда с легким сердцем. Ему вдруг подумалось, что никого из этих людей он может больше не увидеть.

Топор, словно подслушав его мысли, нарочито грубо хлопнул Костю по плечу и сказал:

— В Зоне предчувствиям не предаются. До выхода — пожалуйста. После ходки — сколько угодно. В Зоне — нельзя. И в приметы не верят. Плохая примета.

Костя слабо улыбнулся и помахал рукой людям на платформе.

— Ну все-все, подосвиданькался — и хватит, — проворчал Топор. — Как было оговорено вчера, ты пойдешь первым. Я — следом за тобой. Смогу тебя контролировать и направлять. Ну и вытяну, если что. Миха — замыкающим. Девки, Вадик и ефрейтор Хиженков — в середине.

— Да, я все понял, — спокойно ответил Костя, и сам поражаясь собственному спокойствию.

— Главное — не волноваться и не впадать в панику, — продолжал поучать Топор. — Многие аномалии чувствительны к быстрому движению.

— Я помню, — сказал Костя.

— Тогда давай еще раз пройдемся по карте, — сказал Топор, расправляя лист миллиметровки с расчерченными от руки горизонталями опасных потенциалов аномалий.

Датчики, разбросанные выстрелом из башенного орудия в весьма узком секторе, успели собрать и передать достаточно данных, чтобы построить более-менее точную картину опасных мест метров на триста вокруг поезда.

— Вот смотри, — палец Топора уверенно двигался по миллиметровке, — до этой канавы путь практически свободен. Но мы все равно подстрахуемся. Бери болтик и кидай, как я тебя учил.

Он повернулся к остальным и уверенно скомандовал:

— Построились, как на тренировке. Живее! Набрали безопасную дистанцию. Вадик, ты чего автомат из-под руки убрал? А если мутант какой?

— Так бронепоезд же рядом, Роман Андре...

— Топор! Меня зовут Топор! Можешь запомнить уже, наконец? И поезда, считай, уже нет!

Костя же словно отключился от всего этого шума. Внутри копилось странное спокойствие, неподвижное, точно озеро в скальном гроте. То ли страхов за последние дни оказалось слишком много для того, чтобы продолжать бояться, то ли сказалась короткая, но интенсивная тренировка, то ли успокаивающе действовала уверенность в людях, которые были готовы подстраховать в любой момент. Причин Костя не понимал. Но бросив первый кусочек металла, он вдруг ощутил странное удовлетворение, словно одновременно играл в интересную игру, и в то же время выполнял трудную и нужную работу.

Ржавый болт мелькнул в воздухе и без последствий упал в траву. Слишком густую, для окружающей местности, траву. Костя немного подумал, сделал несколько шагов вперед и бросил недалеко перед собой пластиковую крышку. Ее полет вышел явно дальше, чем должен был, причем в конце траектории она еще и взмыла на несколько сантиметров вверх, словно ударилась о поверхность воды и отрикошетила.

— Браво, парень, — раздался над ухом голос Топора. — Теперь главное: какой сделаешь вывод?

— Датчики профессора, конечно, не сумели выявить здесь какую-то аномалию, — не задумываясь, сказал Костя. — Но надо обходить.

— Логика верная, выводы — тоже почти верные, но следовать им мы не будем. Тебе просто не хватает опыта, чтобы понять — там вполне безобидная аномалия. Крышечка цела. Болтик пролетел без помех. Датчики — не фиксировали значительных потенциалов или радиации. Там просто нечему оказывать вредное воздействие на организм. Обходить не будем. Тем более, что я знаю эту аномалию. Это «батут». Девчонкам понравится.

— Так что, можно идти? — на всякий случай переспросил Костя.

— Можно, — подтвердил Топор.

Костя оглянулся. Весь их маленький отряд дисциплинированно ждал, пока они с Топором примут решение. А позади возвышался бронепоезд, на обзорных площадках которого уже никого, не было.

«Батут» и правда показался забавным, но только Михе. Когда на каждом шагу ногу дергает вверх, далеко не всякий может принять это как безобидную шутку. Наташка визжала, Марина ругалась сквозь зубы, а Вадик и ефрейтор Хиженков шли с такими испуганными лицами, что Косте, преодолевшему безобидную аномалию в три прыжка, стало их даже немного жаль.

А после «батута» карьера Кости в качестве сталкера прекратила свой стремительный рост. Несмотря на то что миллиметровка с карандашными разводами была у него перед глазами, а болтов и гаек он разбросал добрый десяток, определиться с тем, куда идти дальше, оказалось непросто. Когда же он наконец решился сделать шаг в сторону камня, наполовину торчащего из травы и поросшего желтым мхом, Топор быстро и жестко сказал:

— Стой.

И Костя замер, как шел, с поднятой в воздух ногой.

— Неправильно ты решил. Ладно, хватит баловаться. Медленно делай шаг назад и оставайся на месте. Я дальше поведу. По крайней мере, пока из этого аномального поля не выберемся.

Оказавшись позади Топора, Костя вдруг понял, что пропотел практически насквозь. Страшное напряжение отпустило его, и только теперь он понял, как ужасно нервничал последние четверть часа. Обернувшись, он посмотрел на Марину и Наташку. Обе глядели на

него с таким сочувствием и уважением, что настроение немедленно улучшилось, а усталость отступила прочь.

— Прорвемся, — сказал он значительно подмигивая.

— Эй, прорывальщик. Ты за мной должен идти и смотреть за каждым моим действием. Учиться и страховать. А еще автомат держать наготове, — не поворачивая головы выговорил ему Топор. — А то, пока ты там перед девками рисуешься, мне могут ногу в это время откусить.

— Не откусят, я страхую, — бодро откликнулся из арьергарда Миха. — Автомат всегда наготове.

— У меня тоже, — эхом отозвался Вадик.

— Я не с вами разговариваю, остолопы, — все так же не поворачивая головы, сказал Топор. — Если за мной следят глаза второго проводника, мне идти легче. И не только потому, что он подстрахует от ошибок. Есть и другие причины, которые вам пока знать не положено.

— Я все понял, Топор, — сказал Костя. — Больше не буду отвлекаться.

Правда, следить за каждым действием Топора у Кости все равно не получалось. Сперва он старательно вглядывался в неторопливые размашистые движения, которыми сталкер бросал мелкие предметы из почти бездонного кармана на животе, и старался всякий раз предугадать, какой вывод из увиденного сделает Топор. Но постепенно усыпляющий монотонный ритм притупил интерес, и Костя стал замечать то, что раньше как-то ускользало от его внимания.

Серое небо выглядело сегодня иначе, чем вчера. Оно словно поднялось, стало светлее и контрастнее, заморозило в себе всяческое движение, но все равно выглядело угрожающим, готовым нанести неожиданный удар зазевавшемуся сталкеру.

Спасая от бездушного и неподвижного холода серого неба, пропитанная теплом и движением земля была готова в любой момент принять в свои объятия каждую живую тварь. Только вряд ли такое «спасение» оказалось бы лучше удара коварного неба. Огонь в земле был повсюду. Он горел где-то глубоко внизу, вызывая провалы грунта в чернеющие ожогами воронки, плавил землю в полуметровых кратерах самых настоящих вулканчиков, летел невидимой жгучей пылью над высыхающими зарослями, чтобы воспламенить их в один момент, или

просто висел на высоте человеческого роста слепящим шаром крохотного солнца.

Шлепок по лицу мгновенно привел Костю в чувство. Топор стоял прямо перед ним и готовился отвесить еще одну пощечину.

— Эй, ты чего? — возмутился Костя.

— Назад посмотри, прорыватель, — с насмешкой сказал Топор.

Костя обернулся и обомлел: отряд стоял не прямо за ним, как должен был, а далеко слева.

— Я нарочно позволил тебе делать то, что ты делал, — перестав улыбаться, сказал Топор. — Угадай, что случилось бы, не останови я тебя?

Костя посмотрел перед собой и ужаснулся: в каком-то десятке шагов от него в земле чернела неприятная дыра диаметром около метра, из которой поднимался едва заметный дымок.

— Разглядел, к чему ты шел на полных парах, погруженный в созерцание Зоны? — вкрадчиво спросил Топор.

— Разглядел, — виновато сказал Костя. — Я больше не буду.

— Как мило, — ядовито сказал Топор. — Но давай я тебе все-таки помогу запомнить этот урок.

Он сделал настолько резкое движение, что Костя даже не успел среагировать. Тяжелая оплеуха обрушилась на него абсолютно неожиданно. Голова мотнулась влево, Костя охнул и замер тяжело дыша. Несколько секунд он стоял оглушенный и униженный, не в силах поверить в происходящее.

— Запомни, баклан, — процедил сквозь зубы Топор. — Я тебе только что дважды жизнь спас. Когда в ловушку не дал шагнуть. И когда урок преподал на будущее. И еще немного словами добавлю. Если ты в Зоне перестал смотреть на пятьсот сорок три градуса вокруг — ты труп. Сморщенный, гниющий, истекающий бурой жижей и покрытый грибковой плесенью, труп.

— Я понял! — задыхаясь от целого букета чувств, в ярости закричал на Топора Костя и тут же получил еще одну пощечину.

— Не ори на меня, — с угрозой в голосе сказал Топор. — На проводника в Зоне орут только самоубийцы.

— Прекратите его бить! — с вызовом закричала Наташка.

— Ух ты, сопля-то наша голосить умеет, — удивился Топор. И закричал в ответ: — Усохни, дура! Если я его сейчас не побью, через

час его просто убьет! Чего бы сама выбрала?

На Костю вдруг снизошло абсолютное спокойствие и предельно четкое понимание того, о чем говорил Топор.

— Я правда все понял, — сказал он. — Сам не знаю, что на меня нашло.

— Теперь верю, что понял, — сказал Топор, внимательно посмотрев Косте в глаза. — А нашло на тебя то, что обычно находит на всех сталкеров с хорошими задатками при первой серьезной ходке. Но не бойся. Если урок запомнишь — больше такого не повторится. Все, возвращаемся на маршрут.

Он повернулся и пошел обратно к отряду. Костя поплелся следом, на ходу растирая горящее от пощечин лицо.

Теперь ощущений монотонности и скучности происходящего как ни бывало. Костя шел на пять шагов сзади Топора и чуть правее, подмечая массу нюансов в поведении сталкера, которые раньше не бросались ему в глаза.

— Зачем ты поднимаешь левую руку, когда бросаешь гайку? — спросил Костя, когда Топор объявил пятиминутный привал.

— Если предмет вызывает реакцию импульсной аномалии, — сказал Топор, опускаясь на землю, — то иногда это можно почувствовать самыми кончиками пальцев. А то бывает, бросит сталкер гаечку, полюбуется, как она красиво сверху летит, а ловушечка его понизу караулит. А малой ответной реакции он не чувствует просто. Вот и шагает прямиком в могилу.

— Я тоже хочу послушать! — крикнул сзади Миха. — Можно подойти?

— Нет, — сказал Топор. — Через три с половиной минуты выдвигаемся. Порядок движения до выхода с аномального поля нарушать запрещаю.

Костя, который надеялся успеть подойти во время отдыха к Наташке, приуныл. Посмотрел на цепочку людей, растянувшихся на добрые пятьдесят шагов, перевел взгляд на бронепоезд, от которого они уходили уже часа полтора, но все никак не могли уйти достаточно далеко, чтобы потерять из вида.

Потянуло табачным дымом. Костя с недоумением принюхался. Сказалась постоянная дрессура последних суток, пока Топор всеми

силами вдалбливал ему в голову, что единственный способ существования в Зоне — незаметность. Курила Марина.

С удобством расположившись верхом на рюкзаке, она делала глубокую затяжку и выпускала вверх струю дыма. Вадик, скромно сидящий на корточках за ее спиной, смотрел завистливо, но повторить героический поступок репортерши не решался. Видимо, у него с памятью тоже все было хорошо. А Топор уже успел продемонстрировать, что хоть и сменил дорогой пиджак на грязный камуфляж, характером от этого легче не стал.

Скандал был неизбежен. И он состоялся по полной программе. С размахом.

Учуяв запах, Топор изменился в лице и поднялся на ноги. Взгляд, которым он наградил Марину, мог бы пронзить насквозь десяток слонов, но Марине на это было не просто наплевать — она хотела, чтобы это стало ясно всем и каждому. А особенно — самому Топору.

— Марина, ты по-настоящему дура, да? — спросил Топор, умудряясь говорить одновременно и громко, и вкрадчиво. — Не просто эпатажная журнашлюшка, а реально дебил женского рода?

— А что такое, Роман Андреевич? — вальяжным голосом, нагло спросила Марина. — Боитесь за меня? Так вы не бойтесь — сама рискую, сама за себя отвечаю.

Топор прикрыл лицо рукой и несколько секунд стоял не шевелясь. Косте даже показалось, что сталкер не знает, как ему выйти из неловкой ситуации и не «потерять лицо». Оказалось, что Топор хотел просто успокоиться. Но это у него не получилось.

Стремительно сорвавшись с места, он подскочил к Марине и заорал на нее так, что слышно, наверное, было на всю Зону:

— Да чего ж ты, матьтвоюрастак, тупая! А ну встала и пошла обратно! Вон броня, вали туда и сиди там хоть с кальяном! Пошла вон, я сказал! У нас выход из Зоны с толпой бакланов, у нас позади экспедиция, которая обречена, если мы не дойдем, у нас десятки жизней поставлены на карту, а она тут одна рискует, оказывается! У тебя вообще мозг есть вот за этим морщинистым фасадом?!

— Не ори на меня, урод! Развел порядки бандитские! Распустил руки! — заорала в ответ Марина. И Костя с ужасом понял, что Марина «завелась» из-за него. — Все боишься, все не знаешь, как жизнюшку

свою никчемную спасти, а злобу на слабых срываешь! Может и меня ударишь?! На, бей! Ну же, не стесняйся!

Если Марина блефовала, то блеф провалился с треском. Тяжелая пощечина хлопнула, как выстрел. Марина слабо вскрикнула, схватилась руками за голову и рухнула на колени. Костя почувствовал, как на секунду перестало биться сердце в груди.

— Мы двигаемся дальше, — спокойно сказал Топор. — А ты, овца безмозглая, возвращаешься на бронепоезд. Следы наши еще видно в траве — найдешь безопасную тропку. А ошибешься — невелика потеря. Идиоты в этом мире плодятся быстрее, чем подыхают. Отряд, подъем!

Марина тихо плакала, закрыв лицо руками. Плечи ее сотрясались от рыданий, но при этом она не издавала ни звука. Топор обвел тяжелым взглядом свой отряд. Никто даже не пошевелился, несмотря на команду. Правда, никто ничего и не говорил. Все молчали, отводя глаза в сторону, но за этим молчанием хорошо чувствовалось общее сопротивление.

— Вот как? — зло усмехнулся Топор. — Будь по-вашему. Оставлю дуру в отряде. Но имейте в виду: запах табачного дыма мутопсы чувствуют за пять-шесть километров даже в лесу. На открытой местности — еще дальше. Есть еще такие твари, как ловцы. Они не так чувствительны к запахам, но тоже знают, что если тянет куревом — значит рядом ходит добыча. Есть и другие. Никто из них не боится ни вашего оружия, ни даже звука выстрелов. Никто из вас, за исключением Михи и Вадика, не умеет точно стрелять по движущимся целям. Поэтому, стая мутопсов голов на двадцать — это гарантированный и болезненный финал. Сперва нам, а потом всем, кто остался на броне. Вот теперь, когда вы в курсе, жалейте и дальше эту наглую обезьяну. Подъем!

Топор быстро вернулся во главу процессии, легко поднял на плечи рюкзак и, не оглядываясь, двинулся вперед.

А Костю раздирали противоречивые чувства. Он еще не успел в полной мере отойти от унижения, когда Топор надавал пощечин ему, и очень переживал за Марину, которую уважал как профессионала и любил, как хорошего друга. Но что-то кристально честное и трезвое внутри говорило ему, что Топор абсолютно прав, и что даже малейшая

обида в его адрес до выхода за Периметр не то, что неуместна, а преступна по отношению ко всему составу экспедиции.

Поэтому он дождался, пока Вадик поможет Марине подняться и надеть рюкзак, а Наташка что-то успокаивающее пошепчет на ухо, и быстрым шагом догнал Топора. Тем более, что впереди показалось что-то такое, чего до сих пор Косте видеть не приходилось.

Сперва он подумал, что Топор остановился на краю большой теплой лужи. Во всяком случае, темная поверхность почти правильной формы овального пятна слегка парила белой субстанцией, похожей на пар. При ближайшем рассмотрении «лужа» оказалась неглубокой воронкой диаметром метров десять, которую с двух сторон поджали хорошо видимые гравитационные аномалии. А прозрачно-зеленоватая субстанция, заполнившая все пространство воронки, выглядела слишком густой для воды.

— Отходим обратно, — тихо сказал Топор, и Костя с изумлением обнаружил, что вязкая субстанция несколько раз вздрогнула в такт прозвучавшим словам.

— Это... — начал было он задавать вопрос, и субстанция колыхнулась в ответ уже значительно сильнее.

— Молчи, — цыкнул на него сквозь зубы Топор.

По воронке деловито прошла волна высотой в несколько сантиметров.

Топор осторожно показал Косте, что надо шагать назад и обходить странную группу аномалий справа.

— Черт с тобой, Замзам! — крикнула откуда-то сзади Марина. — Твоя взяла! А я была неправа! Признаю!

— Черт бы ее побрал, — испуганно сказал Топор. — Нашла, когда каяться. Быстро назад!

Костя молниеносно повернулся и, неуклюже раскачивая рюкзаком, быстро двинулся в сторону нагоняющего их отряда. Судя по тяжелому топоту за спиной, Топор был готов посоревноваться с ним в скорости бега. Остальные, увидев, что они возвращаются в таком стремительном темпе, тоже сообразили, что происходит что-то неприятное. И через несколько секунд Костя видел перед собой только раскачивающиеся на ходу рюкзаки.

Через несколько десятков шагов любопытство все же одолело его, и он, продолжая двигаться уже боком, обернулся посмотреть, от чего

же такого они убегают.

Зеленоватая вязкая субстанция покинула свою воронку и, поднявшись широким фронтом на манер небольшого цунами, неспешно текла в их сторону.

— Туда! — скомандовал Топор, показывая пальцем в сторону. — Все уходим туда! Сейчас она доползет до «гравитушки» и будет — бум!

Впрочем, времени у них оказалось достаточно. Хоть Косте и показалось, что быстрое перемещение, когда Топор кидал мелкие предметы из кармана на животе почти непрерывно, было чрезмерно рискованным. Тем не менее, прошло еще минут двадцать, прежде чем в доброй сотне метров за спиной и слева в небо поднялся столб земли, камней и дыма. Земля под ногами ощутимо вздрогнула. Все остановились и повернули головы.

— Ох уж этот дурацкий инстинкт, — проворчал Топор, вроде бы ни к кому не обращаясь, но явно адресуя слова Косте. — Если бы там была «пепельница», а не «гравитушка», следом за первым взрывом была бы сверхяркая воздушная активация. И что бы мы получили в итоге?

— И что? — повторил следом Костя.

— Временную слепоту всему отряду на пару-тройку часов, — ответил Топор. — Смотрел когда-нибудь на сварку? Ловил «зайчика»? Вот, примерно то же самое. И кто в этом всём был бы виноват?

— Кто? — послушно спросил Костя.

— Ты, — сказал Топор.

А когда Костя, поражённый до глубины души, уставился на сталкера, тот неожиданно рассмеялся, наверное, впервые за все время их знакомства. Это оказалось настолько необычным, что Костя растерялся еще больше и стоял, в недоумении беззвучно открывая и закрывая рот.

— Да пошутил я, — смахивая случайную слезу, сказал Топор. — По уму, виноват, конечно, старший инструктор. То есть, я. Но это только студентам для изучения китайского хватает ночи перед экзаменом. Нельзя за день впихнуть в головы невпихуемое.

Костя с подозрением смотрел на Топора, не понимая, чему тот так радуется. На лице сталкера буквально читалось облегчение, как после завершенной работы. Топор перехватил его взгляд и верно истолковал.

— Помнишь, я говорил, что вдоль железной дороги сплошные аномальные поля труднопроходимы? — спросил он и, дождавшись кивка, продолжил: — Судя по карте профессора, мы прошли. Вот, смотри, дальше пусто.

Он развернул миллиметровку, продемонстрировал Косте разомкнутые линии горизонталей и вдруг подбросил бумажный лист вверх. Сильный порыв ветра легко подхватил его и понес в сторону бронепоезда.

— Видишь, балует, — с улыбкой сказал Топор.

— Кто балует? — спросил Костя, с недоумением глядя, как самодельная карта медленно планирует над землей.

Остальной отряд, не успев налюбоваться последствиями столкновения аномалий, теперь тоже следил за диковинным полетом листа миллиметровки.

Короткая вспышка, сопровождаемая резким треском, словно ударила крохотная молния, мгновенно испепелила бумажный лист.

— Ну вот и все, — сказал Топор. — Мост по традиции сожжен. Теперь можно дальше двигать. Благо аномалий станет намного меньше. Намного.

30

Идти действительно стало намного легче. Тем более, что после выхода из аномального поля Топор объявил получасовой привал и все успели прийти в себя и порадоваться первому успеху предприятия. Костя за эти недолгие минуты успел перебросится парой слов с Мариной, а все остальное время просидел рядом с Наташкой. Еще никогда ни один его роман не начинался столь скудно на разговоры. Но говорить было одновременно и не о чем, и настолько обо всем, что на это просто не хватало времени. Поэтому они лишь смотрели друг другу в глаза и улыбались.

Потом Топор снова построил всех в походный порядок, но теперь интервалы между людьми потребовал сделать меньше, а вот оружие держать, хоть и на предохранителе, но с патроном в стволе. При этом Миху поставил впереди, а Костю и Вадика отправил в арьергард отряда. Хиженков заикнулся было про обед, но Топор просто покачал головой и на этом вопрос о питании закрылся без лишних обсуждений.

А потом они шли несколько часов подряд без единой остановки. Пот заливал лицо, дыхание сбивалось, а спина, давно вымокшая под рюкзаком, требовала пощады. Но Топор неумолимо шел вперед, словно сам ежедневно ходил в туристические походы, а не просиживал штаны в кабинете. Но, наконец, выдохся и он.

Правда, несмотря на длинный переход, остановиться для обеда Топор отказался наотрез. Объявив короткий привал, он запретил вытаскивать из рюкзаков еду, но разрешил пить воду.

— Так то, пожрать бы не мешало, — сказал Хиженков, прислушиваясь к бульканью в своем животе.

— Нет, никакой жратвы, — твердо сказал Топор.

— А носик пудрить полагается все так же, на виду у всех? — с вызовом спросила Марина.

Костя тяжело вздохнул. Он давно понял, что Топора не смутить такой ерундой, но Марина, желая кого-то позлить, могла быть упрямее верблюда.

— Всему отряду я бы рекомендовал не страдать детскими комплексами в отношении естественных надобностей, — ядовито

сказал Топор. — Но лично ВАМ, Марина, я даже рекомендую отойти подальше и задержаться там подольше. Можете и жратвы с собой прихватить, чтобы пахло на всю округу.

Марина презрительно фыркнула, развернулась и медленно двинулась в сторону густого кустарника, вольно разросшегося метрах в тридцати от места привала. Костя хотел было вызваться, чтобы постоять на страже, но тут за Мариной следом увязалась Наташка и ему стало неудобно.

Правда, когда обе женщины скрылись в кустах, Костя ощутил сильнейшее беспокойство.

— Топор, — сказал он, не сводя взгляда с того места, где последний раз мелькнула фигура Наташки, — а на что ты намекал, когда предлагал Марине пойти и подольше там задержаться? Это опасно?

— В Зоне всегда опасно, Костя, — сказал Топор наставительно. — И поэтому я очень удивлен, что ты отпустил мою секретаршу в кусты с этой стервой. Она же ей там ноги отгрызет. По самые уши.

— Я серьезно, — волнуясь все больше, сказал Костя.

Топор переменился в лице, и вдруг спросил:

— Тревожно стало, да? Словно кто на ухо шепчет «беда на пороге», да?

— Неспокойно, — признался Костя. — Никто не шепчет, но вот прямо готов идти за ними хоть сейчас.

— Так иди скорее, дурак, — сказал Топор совершенно серьезным голосом.

А когда Костя нахмурился, пытаясь понять, не разыгрывает ли его сталкер, Топор вдруг сам бегом рванул к тем кустам, за которыми скрылись женщины. Только тогда и Костя, сообразив, что происходит что-то выше его понимания, бросился следом. Остальные так и остались сидеть на своих местах, ничего не понимая.

Марину и Наташку Костя увидел издалека. Они стояли к нему спинами, застыв в напряженных позах, и только заметив, как резко прибавил ходу Топор, Костя сообразил, что женщины пятятся от чего-то, что их сильно напугало.

Сердце громко стукнуло в груди, и секунды притормозили свой бег, давая возможность найти оптимальное решение. Ничего как назло не придумывалось, Костя продолжал бежать, чувствуя, что еле

движется сквозь вязкий, как кисель, воздух, а впереди ситуация резко обострилась, видимо, не желая уступать оттягивающим неизбежное секундам.

В воздух взвилось длинное худое тело, и траектория его прыжка была Косте понятной. Через долю секунды неизвестный зверь должен был упасть прямо на спину Марине, которая как раз начала поворачиваться, чтобы прикрыть собой Наташку. Но мгновением раньше Топор буквально смел левой рукой обеих женщин в сторону и за себя, а в правой, вытянутой в сторону атакующего хищника, у него был зажат пистолет. Целую бесконечность Костя смотрел на медленно плывущего в небе мутанта, на столь же медленно оседающих в траву позади Топора, Марину и Наташку, и на пистолет, который как раз никуда не двигался и смотрел чуть ниже цели, готовясь к выстрелу с упреждением.

Потом времени надоело созерцать почти застывшую картинку и секунды снова рванули вперед. Два выстрела прозвучали так быстро один за другим, словно Топор выпустил из пистолета короткую очередь. Получив обе пули прямо в воздухе, неизвестный хищник приземлился не там, где рассчитывал, да и не в том уже состоянии, чтобы продолжать атаку. Когда Костя подбежал к Топору, тот держал пистолет стволом кверху и смотрел не отрываясь на серое конвульсирующее тело зверя. Из головы и груди животного толчками вытекала мутная темная кровь. Зубастая пасть открывалась и закрывалась, словно тварь не поняла, что ее убили, и уже начала жевать воображаемую добычу.

— Ни фига себе, сходили пописать, — буркнул Топор и быстро осмотрелся по сторонам.

Костя присел рядом с Наташкой, положил руку на плечо Марине, пытаясь успокоить. Но ничего сказать не успел.

— Ты рано по девкам пошел, начинающий сталкер. Вытаскивай пистолет. Обратно с боями придется отступать, — сказал Топор.

Костя поднялся и растерянно сказал:

— А я пистолет рядом с рюкзаком оставил.

И только после этого заметил еще несколько зверей, наподобие того, что издыхал в траве. Они появились из подлеска разрозненной группой. До них было несколько десятков метров, и, хотя они пока не

приближались, а лишь наблюдали за людьми, у Кости не было сомнений, что людей хищники могут догнать в несколько прыжков.

— Растяпа, — с выражением сказал Топор. — И эти две клуши тоже оружие там же побросали. Ладно, хватай девок и тащи к остальным. Да не орите по дороге, а то вам быстро дорогу отрежут. Как загонять добычу, эти твари знают лучше любого охотника. Надеюсь, мои парни, услышав выстрелы, сделали правильные выводы.

Костя не успел и рта открыть, как Топор быстро зашагал в сторону, помахивая над головой пистолетом.

— Быстро-быстро, — сказал Костя, подхватывая под руки бледную Марину и белую, как привидение, Наташку. — А теперь бегом, девочки. Только не кричите, пожалуйста.

И они бросились бежать.

— А вот и я! — дурашливым голосом завопил Топор на весь лес. — Киса-киса-киса!

Марина попыталась на бегу обернуться, но Костя не дал ей этого сделать, прибавив скорости и увлекая обеих женщин за собой. Но когда позади загремели выстрелы, не выдержали и обернулись все трое разом.

Если бы не серые звери, можно было бы подумать, что Топор сошел с ума и вальсирует в гордом одиночестве посреди леса. Двигался он без суеты, размеренно, но быстро, показывая зажатым в руке пистолетом то в одну, то в другую сторону. Один мутант уже лежал неподалеку, слабо подрагивая лапами, еще один сидел неподвижно, вылизывая плечо. Остальные делали короткие выпады издалека, но все больше сжимая вокруг человека зубастое кольцо.

Увидев, как один из зверей прыгнул на Топора со спины, Костя похолодел от страха, а Наташка и вовсе зашлась истошным визгом. Правда, Топор в последний момент каким-то чудом вывернулся, сделав шаг в сторону и повернувшись всем телом, а потом выстрелом в упор убил приземлившегося рядом с ним мутанта, но зато четверо зверей отделились от общей группы и устремились в сторону Кости, Марины и Наташки.

— Да не ори ты! — рявкнула Марина и дернула Наташку за собой так, что та разом перестала визжать.

Теперь Костя бежал позади женщин, с ужасом понимая, что от серых хищников им не уйти. Ему казалось, что зубастая пасть уже

дышит ему в затылок, когда впереди показались рюкзаки и Миха с автоматом на плече.

Костя, Марина и Наташка бежали прямо на Миху, а тот, увидев бегущих людей, вместо того, чтобы броситься навстречу, вдруг быстро опустился на одно колено и поднял автомат. И Костя с ужасом понял, что телохранитель сошел с ума: ведь он целился прямо в него, в Костю!

Увернуться возможности не было, все произошло слишком быстро. Поэтому, увидев пламя, вырвавшееся из ствола, Костя понял, что смерть пришла к нему в довольно странном виде. Через секунду, впрочем, он продолжал бежать вперед и вскоре пробежал мимо Михи, только после этого начиная замедлять шаг. Марина же с Наташкой просто рухнули в траву рядом с рюкзаками. Только тогда Костя сообразил, что они смогли уйти от погони, а там, откуда они только что прибежали, уже вовсю грохочут автоматные очереди.

— Ну что, испугался? — весело спросил Миха Костю, меняя магазин.

— Я... Думал... Ты в меня стреляешь, — с паузами, тяжело дыша, сказал Костя.

— Ога, чтоб не мучился, — хохотнул Миха и прислушался к стихающим выстрелам. — У тебя две шустрые штуки «на хвосте» висели. Получилось с нарушением техники безопасности, конечно, но если бы я не стал стрелять, тебя бы покусали.

— Покусали, — повторил Костя и зашелся в припадке беззвучного истерического смеха.

— Девчонки, вы как? — спросил Миха у Наташки и Марины.

— Офигенно размялись, — мрачно сказала Марина. — А ты как здесь очутился? Я думала, вы все туда побежите.

— Нет, — сказал Миха. — Мы как выстрелы услышали, я сразу к вам на подмогу Вадика с ефрейтором отправил именно потому, что нельзя мне сейчас рисковать. Можете им, кстати, спасибо сказать, как придут: это они с флангов по зверью рубанули, которое за вами бежало. Помогли мне огоньком. Так вот: они пошли слева и справа, а я остался, получается, в самой безопасной позиции.

Марина с недоумением посмотрела на него. Отсмеявшийся к этому моменту Костя отчетливо видел, что приклеить к Михе ярлык

трусости у нее не получается, но и причина внезапной осторожности Михи ей не ясна.

— Мы с Топором и Костей более-менее понимаем, как ходить через скопления аномалий, — пояснил Миха. — Если мы все трое будем выведены из строя, шансы остальных на выход из Зоны — невелики.

— Ой, ладно, — сказала Марина явно только для того, чтобы последнее слово сталось за ней. — Не больно вы еще матерые сталкеры. Подумаешь, сутки вас чему-то учил еще один недосталкер.

Сказала и осеклась. И посмотрела в сторону злополучных кустов. Откуда так никто и не вернулся, хотя выстрелов больше не было слышно.

— Может сходить, посмотреть, что там? — спросила она у Михи.

— Не стоит, — уверенно ответил он и отошел в сторону, словно демонстрируя, что говорить больше не о чем.

Вскоре Топор, Вадик и ефрейтор Хиженков действительно вернулись. Несмотря на то что все обошлось без потерь, выглядел Топор крайне недовольным. И ни с кем ни о чем разговаривать не стал.

— Какая тебе разница, как звали эту клыкастую дрянь? — с раздражением ответил он на вопрос Вадика. — Быстро оружие проверили, магазины полные поставили и уходим.

— Мы же их всех перебили! — не поверил своим ушам Вадик. — Может отдохнем да пообедаем сперва?

— Вам с Мариной надо объединяться в группу оппозиции, — все так же с раздражением в голосе ответил Топор. — И ефрейтора к себе возьмите, он тоже все время о жратве думает.

— Война войной... — начал было Хиженков, но Топор его оборвал:

— Усохни, портянка!

Ефрейтор набычился, но привычка к подчинению взяла свое — он замолчал и принялся проверять автомат.

— Я благодарен всем вам за помощь и все такое прочее, — громко сказал Топор, словно выступая на митинге. — Но вы поймите: сейчас сюда на звуки выстрелов и запах свежей крови уже мчатся голодные твари самых разных мастей. Был бы у меня здесь бронепоезд — я бы тоже сел и отобедал. Но бронепоезда у меня нет. И поэтому отобедать

могут мной. Так понятно? В любом случае, я отсюда ухожу через сорок секунд, а вы — как хотите.

Минут через десять, быстро шагая за Топором, Костя вдруг поймал себя на мысли, что начинает странным образом привыкать к происходящему. Еще несколько дней назад стрельба в любого зверя не давала бы ему еще долго думать о чем-либо другом, а теперь мысли о произошедшей погоне и отстреле мутантов ушли на второй план, поскольку над маленьким отрядом нависла новая угроза. И поскольку все новые и новые опасности сыпались в Зоне как из рога изобилия, страх начал не то чтобы притупляться, а скорее меняться, трансформироваться в какое-то новое, доселе не испытываемое чувство.

А еще Костя, кажется, начинал понимать принцип, по которому Топор определял, есть ли поблизости аномалии и стоит ли переходить на тщательную проверку каждого метра пути. Лес вокруг выглядел не просто обычным. Не осталось и малейшего следа, что огромным соснам, упирающимся пышными игольчатыми шапками в небосвод, хоть что-то когда-либо мешало расти. Густая трава под ногами и здоровый на вид подлесок тоже говорили о том, что в этом месте жизнь давно вошло в нормальное русло. Несмотря на отсутствие насекомых, кое-где в траве мелькали даже крохотные цветочки. И уж если тоненькой травинке с нежным цветочком на конце ничего не мешало расти и давать соцветия, значит и более массивному и куда более хорошо защищенному человеческому организму тоже ничего не угрожало.

Прошел еще час, и Косте предоставилась возможность укрепиться в своих выводах. Становилось постепенно все светлее. Кроны деревьев утратили густоту, их стволы стали тоньше и ниже, а трава потеряла ярко-зеленые оттенки и выглядела уже скорее грязно-зеленым искусственным ковром. Топор шагал теперь заметно медленнее и стал чаще останавливаться. А когда отряд миновал первую скособоченную сосну с черными разводами на коре, и вовсе перешел на «черепаший» шаг и вытащил из кармана гайку.

Костя подошел поближе, стараясь не упускать из виду ни малейшего движения сталкера. Тот остановился и бросил гайку вперед, через ствол старого дерева, лежащего поперек дороги.

Дальнейшее произошло настолько быстро, что Костя ничего не успел понять и действовал абсолютно инстинктивно.

Гайка не пролетела и половины пути, как вдруг словно воткнулась в невидимую пластилиновую стену. Повисела какой-то миг и вдруг исчезла из вида, и только глухой удар, и поднявшееся в воздух облако щепок дали понять, что маленькую массивную железку что-то притянуло книзу с огромной силой. От удара бревно дернулось и повалилось одним концом куда-то вниз, в какую-то яму, остававшуюся до этого момента незаметной. Топор шарахнулся назад, но от ямы в сторону метнулась ветвистая молния, ударила в черный и немного оплавленный камень, размером с диван, и в тот же миг словно человек-невидимка дернул Топора за ноги и быстро потащил в лес.

Костя инстинктивно схватил сталкера за ворот куртки и потащил на себя, отчаянно упираясь ногами в землю и чувствуя, как невидимый силач вот-вот возьмет вверх. Перед глазами сразу встала картина, как днем ранее Топора точно так же тащили на веревке возле поезда два дюжих солдата.

Сзади, явно за лямки Костиного рюкзака, схватились крепкие руки, и сразу стало легче. Топор повернул голову, и Костя ужаснулся багровой красноте, которой наливалось лицо их проводника.

— Вверх вытягивай, — с трудом прохрипел Топор, брыкаясь ногами, точно надеясь таким образом освободиться от захвата. — Она понизу тянет!

Костя сперва не понял, а сообразив, резко дернул Топора не только на себя, но и вверх, словно пытаясь поднять его выше своей головы. И тогда «человек-невидимка» разочарованно икнул и отпустил свою добычу. К этому моменту уже весь отряд образовал иллюстрацию к сказке «Про репку», и когда ловушка отпустила Топора, все разом повалились в одну большую шевелящуюся и ругающуюся кучу-малу.

— Не разбредаться! — тут же принялся командовать Топор, продолжая лежать как упал, лицом в землю. — Замрите! Так! Первым осторожно встает тот, кто находится дальше всего от меня! И отходит обратно по собственным следам!

Голос Топора, отразившись от мягкой земли, звучал глухо, гундосо и благодаря этому даже забавно, но к этому моменту никто и

не подумал бы смеяться. Потихоньку все по очереди отползли в безопасное место.

— Отдыхаем полчаса, — сказал Топор совершенно измученным голосом. — Миха на стреме.

Поставив рюкзаки и рассевшись кружком, все уже привычно потянулись за флягами, когда Топор неожиданно сказал:

— Разрешаю раздербанить пару сухпаев и пожевать наскоро. А горячее, уж извините, будет, только если найдем укрытие посерьезнее.

Во время обеда всухомятку Костя хотел посидеть рядом с Наташкой, но Топор подозвал его к себе и, разгрызая крепкими зубами сухарь, сказал:

— Знаешь, почему я в ловушку попал?

— Нет, — честно сказал Костя. — Мне показалось, что ты вперед даже не двигался — просто гаечку бросил.

— Так и было, — подтвердил Топор. — Бери печеньку, грызи и слушай. Во-первых, мы, судя по всему, приближаемся к местам, где когда-то жили люди. Аномалии становятся более мощными, хоть и молодые они пока.

— Молодые? Мощные? — в недоумении спросил Костя.

— Хорошо, начну издалека, — терпеливо сказал Топор. — Время от времени в Зоне случается гроза. Это не обычные гром и молнии, а нечто свое, весьма специфическое, сталкиваться с которым я бы никому не пожелал. И вот похоже, что многие аномалии рождаются именно во время такой вот грозы. А многие другие во время нее же погибают. Молодые аномалии обычно слабы, но со временем начинают накапливать силу и могут распространять свое влияние на все бо2льшие расстояния. А здесь аномалии молодые, но уже очень сильные. Это значит, что бросил ты гаечку и вроде все хорошо. А шагнул на метр вбок — и уже все плохо.

— Но ты не шагал в сторону, — возразил ему Костя.

— Со мной вышло смешно и поучительно, — сказал Топор. — То, что ты видел, называется последовательной активацией аномалий. Или просто «сработкой».

С флягой в руке и бутербродом из сухаря и паштета, к ним подсел Миха.

— Многие аномалии в Зоне резко усиливают свою активность только в тот момент, когда в зоне их досягаемости начинает что-то

происходить, — сказал Топор, запивая сухарь водой. — Поэтому сталкеры их и называют «ловушками». Похожи они на капканы или силки своим действием. Но бывает так, что одна ловушка, активизируясь, приводит к активизации и соседней аномалии. А если аномалии стоят совсем близко, процесс может стать лавинообразным. Вот примерно это мы сейчас и наблюдали на моем примере.

— И что теперь делать? Вязаться веревками?

— Нет, это слишком опасно, — сказал Топор. — Просто держаться ближе, готовясь по возможности помочь. Ну и главное: следить за всеми приметами более внимательно. Болтов и камешков — не жалеть!

31

К развалинам поселка они вышли часа через два. Сперва Костя даже не обратил внимания на открывшееся пространство с огромными темно-коричневыми пятнами домов. Все его внимание было занято процессом оконтуривания большой «гравитушки», преградившей им дорогу.

— А вот и все, что осталось от Сосновки, — сказал негромко Топор, и только тогда Костя оторвался от разбрасывания камешков и внимательно посмотрел перед собой. — Теперь я примерно представляю, где именно мы находимся. Уже неплохо.

— А мы будем здесь делать привал? — Наташка выглядела настолько уставшей, и даже изможденной, что Косте нестерпимо захотелось ее как-то утешить. Но решение здесь принимал не он.

— Будем, — после короткой паузы сказал Топор. — И даже горячего сварим. Здесь, в случае чего, и отбиваться можно. Стены, аномальные поля вокруг — не так опасно, как в лесу или на открытом пространстве.

И, оглядев разом просветлевшие лица, усмехнулся и покачал головой.

Попасть сразу в поселок им не удалось, слишком много вокруг обосновалось самых разных аномалий, но и Костя, и Миха уже достаточно поднаторели в поисках чистых проходов, что серьезно ускорило разведку, и уже вскоре маленький отряд медленно двигался по единственной улице крохотного, давным-давно заброшенного поселка. Когда-то давно дорога была покрыта асфальтом, но теперь это было скорее общее направление движения, обозначенное черным крошевом, гравием да скромными впадинами придорожных канав.

— Всем быть начеку, — предупредил Топор, вешая на плечо готовый к стрельбе автомат. — Оружие снять с предохранителей. Тут в развалинах могут жить местные хищники. Только смотрите, со страху друг друга не перестреляйте, если какая скотинка вдруг выпрыгнет.

Но никто на них не выпрыгнул, а через несколько сотен метров Топор и вовсе остановился, внимательно разглядывая большой дом, выстроенный когда-то из силикатного кирпича. Здание явно

сохранилось лучше прочих домов в поселке, и даже крыша у него казалась почти целой.

— А вот тут я бывал когда-то, — явно погрузившись в воспоминания, сказал Топор. — Оборудовали мы себе здесь лёжку. Магазин тут раньше был поселковый, у него сзади отличный полуподвал есть, где когда-то продукты хранились. Ничего лучше не придумать, если там все чисто и никто не живет.

Прошло совсем немного времени и во дворе бывшего магазина затрещал, поедая остатки деревянного забора, небольшой костерок. Пока под охраной Вадика женщины варили кашу, Хиженков сооружал из оказавшегося под рукой мусора баррикады, которыми в случае необходимости можно было завалить дверные и оконные проемы, а Топор с Костей и Михой тщательно проверяли все комнаты и полуподвал.

Когда запах гречневой каши с тушенкой стал ощущаться даже в самом дальнем углу магазина, Топор весело сказал:

— Ну все, хватит. Намучились сегодня, но все было не напрасно. Самое время получить наилучшую награду: знатный харч под качественный аппетит.

Топор оказался прав. Положив в рот первую ложку наваристой каши, Костя испытал мало с чем сравнимое блаженство. Общее состояние комфорта усиливало и полулежачее положение, которое он принял, чтобы дать отдых ноющим от усталости ногам. Никто ни о чем не разговаривал, зато каша из котла улетучивалась ударными темпами.

Общее сытое умиротворение, казалось, подействовало расслабляюще даже на Топора.

— Мы таких запахов в округе напустили, что нас уже ничто не может демаскировать сильнее, — сказал он. — Кто хочет, можете курить. Как уйдем отсюда — все курение на этом закончится.

Марина тут же вытащила из кармана сигареты. К ней немедленно подсел Вадик, и они задымили вдвоем, блаженно щурясь и окончательно придавая странному пикнику не менее странное для этого места чувство безопасности и абсолютного спокойствия.

А когда Костя посмотрел на Наташку, то его лицо невольно растянулось в улыбке: едва доев свою кашу, девушка тут же заснула, так и не выпустив тарелку и ложку из рук.

Впрочем, и остальные были близки к тому, чтобы вздремнуть. Вопреки ожиданиям, Топор не устраивал по этому поводу ругательств с разъяснениями, почему так делать нельзя, а задумчиво смотрел куда-то вдаль и, казалось, мыслями был где-то очень далеко.

Жуткий поросячий визг, разнесшийся над руинами поселка, разрушил тишину и заставил всех схватиться за оружие. Топор быстро прошел сквозь помещения магазина и выглянул на улицу. Наташка проснулась и села с растерянным видом, явно не понимая еще, как она здесь оказалась.

— Все в подвал, живо! — закричал внезапно Топор, появляясь в дверном проеме. — Хиженков, завалишь проходы. Потом закрываемся в полуподвале. Быстрей, быстрей, быстрей!

Оказавшись внутри здания, Костя не удержался от любопытства и, пока остальные переходили внутрь складских помещений, выглянул на улицу.

По улице мчалось несколько диких кабанов, следом за ними вприпрыжку бежали собаки, а на крыше соседнего, через дорогу, здания Костя с удивлением обнаружил целое скопище крыс.

— Это все из-за нашей каши и курева? — потрясенно спросил он у Топора, который стоял тут же.

— Нет, все гораздо хуже, — мрачно сказал тот. — Я все ждал, когда же Она нам преподнесет какую-нибудь гадость. Вот и дождался. Помнишь, я тебе рассказывал про необычные грозы в Зоне, после которых меняется очень многое и много живого погибает? Вот это она самая и начинается. Видишь, зверье в страхе бежит? Если верующий — молись. Если атеист — самое время уверовать. Теперь вся надежда на полуподвал.

Они помогли Хиженкову завалить входы, спустились в складское помещение и закрыли за собой дверь. Маленькие окошки под самым потолком по указанию Топора Миха и Вадик быстро заделывали старыми досками и гнутыми листами железа.

Потом все расселись вдоль стен и замерли в полной тишине.

— Курить-то можно? — спросила Марина.

— Сейчас все можно, — с кривой ухмылкой сказал Топор. — Курить, орать, стрелять. Да хоть скакать нагишом. Сейчас мы никому здесь неинтересны. Разумные судорожно ищут, где бы укрыться. Неразумные мечутся в ужасе. Добро пожаловать в апокалипсис Зоны.

Жуткий грохот стал ему ответом. Костя готов был поклясться, что это молния попала прямо в крышу их здания. Но тут же вздрогнула под ногами земля, а с улицы донесся дружный душераздирающий хор почуявших смерть зверей. Сквозь щели между досками, закрывавшими оконца, Костя видел ярчайшие всполохи сине-белого света, которые могли бы быть молниями, сверкавшими прямо во дворе, но полыхающими почему-то абсолютно бесшумно.

А потом пришел страх и чудовищное внутреннее напряжение. Несколько секунд Костя крепился, но после очередного раската грома, от которого почему-то тряслась земля, заорал во все горло. Кажется рядом орали все, кто сидел в подвале. В ушах стоял звон, перед глазами все плыло и тонуло в белом сиянии, и потеря сознания стала для Кости настоящим блаженством.

32

Из леса конвой выбрался ближе к вечеру, когда солнце еще не спряталось за линией горизонта, но воздух, более-менее нагретый за день, уже остывал, давая понять, что ночь близко и нужно искать укрытие. А на взгляд Связиста единственным надежным укрытием в этой местности являлось водохранилище, на берегу которого можно было весьма вольготно расположиться, почти не беспокоясь за тыл. Почему «почти» сталкер и сам не знал. Просто привык, что в Зоне ни в чем нельзя быть уверенным до конца, и принимал это как неоспоримую аксиому.

План предстоящего побега никак не выходил из головы.

Четыре часа утра — самое тяжелое время для караульной вахты. Именно под утро приходит непреодолимая усталость. Веки как будто наливаются свинцом, и хочется плюнуть на все, подложить под голову что-нибудь мягкое и уснуть крепким безмятежным сном. И именно четыре утра сталкер выбрал для осуществления своего плана.

Связист прекрасно понимал, что ни один из бандитов не уснет на своем посту. Но какими бы профессионалами они ни были, эти отморозки по-прежнему остаются людьми. Они так же будут вымотаны тяжелым переходом, так же рассеяны и невнимательны, поэтому проскочить незамеченным шанс будет. Выбраться из палатки также не составит проблем — достаточно просто аккуратно разрезать полог, а потом, ползком, покинуть лагерь. Пока бандиты опомнятся, пока поднимут на ноги всех людей, пленники будут уже далеко, и найти их станет практически невозможно.

Серьезные проблемы были с Зюзей и оружием. И если Зюзю наемник брал на себя, пообещав заткнуть сумасшедшего при первой же необходимости, то отсутствие оружия представлялось наиболее слабой частью плана. Где найти автомат и дозиметр, Связист не представлял, но отказываться от побега все равно не собирался.

Неожиданно откуда-то притащило туман. Сперва никто даже не обращал внимания на непонятно откуда взявшиеся влажные клубы, но вскоре один из бандитов подошел к Васильеву и сказал так, что слышно было даже пленникам:

— Я первый раз вижу, чтобы туман так серебрился. Что это, проводник?

— Не знаю, — сказал Васильев. — Но радиометры молчат и жжения на коже я не чувствую — ограничимся этим. А изучение тонкостей оставим яйцеголовым умникам.

— О, мне знаком этот туман, — тихо сказал Версоцкий, словно разговаривая сам с собой.

Связист хотел было расспросить ученого, но в этот момент впереди показались развалины домов. Одни были сожжены до основания, и только огарки бревен да опаленные глиняные печи давали понять, что здесь некогда было здание. Другие же, напротив, выглядели довольно неплохо: хорошо сохранившиеся стены, целые крыши... Все это сочеталось весьма странно. Будто два мира, разделенных неровной линией проселочной дороги.

Васильев остановился. Следом за ним замерла и колонна.

— Топаем в деревню, — спокойно сказал проводник. — Привал на полчаса, и дальше, к дамбе. До темноты нужно успеть.

— А зачем к дамбе, командир? — подал голос один из бандитов. — Давай в деревне и обляжем на ночь. Заныкаемся в развалинах и отсидимся, а утром в путь-дорогу.

Все приняли это предложение «на ура». Никому не хотелось топать еще полтора километра, а потом мучиться с палатками и спать на холодной земле, когда прямо перед носом есть практически готовое убежище. Велика ли проблема забаррикадировать входы-выходы, да выставить часовых? Но сталкера такой расклад событий не устраивал никак: ведь это напрочь убивало весь его план. Одно дело сбежать из палатки, но совсем другое — из закупоренного баррикадой помещения. Связист поймал на себе озабоченный взгляд наемника.

— Посмотрим, — ответил Васильев на предложение бандита и, развернувшись, направился к поселку, договаривая уже на ходу: — Ночевать рядом с Мертвым Лесом идея не очень правильная.

На место прибыли минут через десять. При ближайшем рассмотрении поселок оказался не таким уж и целым. Стены более-менее сохранившихся зданий покрывали многочисленные трещины, а то и дыры размером с человека. Некоторых стен не хватало вовсе. Насквозь прогнившие крыши грозили обрушиться на голову незваным гостям, рискнувшим забраться в дом. К тому же, поселок оказался

обитаем: три собаки, яростно рыча, что-то грызли под стеной самого целого по виду здания. Завидев двуногих, мутанты поспешили ретироваться, но никто не был уверен в том, что они не вернутся поздно ночью.

— Стоп машина! — Васильев предупредительно поднял руку, внимательно осматриваясь по сторонам. — Мельник, Шульц, прочешите левую часть поселка, а Холод и Бегун — правую. Заглядывайте в каждую щель, и, если что, огонь на поражение... Не мне вас учить, короче. Остальные топайте за мной. В центре я заприметил относительно целое здание, там и заляжем на ночь.

Бандиты синхронно кивнули и, держа оружие наготове, разделились на две группы, отправившись в заданных направлениях.

Связист мысленно выругался. Что теперь делать? Как сбежать из здания, битком набитого бандитами? Угрюмо топая следом за человеком с ПКМ, Связист аккуратно, чтобы не вывалился нож, разминал онемевшие кисти, пытаясь на ходу построить новый план побега.

Здание, выбранное Васильевым для ночевки, раньше было то ли сельсоветом, то ли местным клубом. Двухэтажное, сделанное из красного кирпича, теперь покрытого копотью и сеткою трещин, оно находилось практически в центре поселка. В мертвых оконных проемах ни рам, ни стекол. Сорванная с петель дверь валяется на захламленном досками, обрывками газет, осколками стекла и прочим мелким мусором крыльце. Совсем рядом со зданием обрубок ствола молоденькой, в руку толщиной, березки. И ямы. Кругом ямы. Связист только сейчас обратил на это внимание. На дороге. У крыльца. У разрушенных домов. Будто кто-то взял, да и накрыл деревню артобстрелом, или разбомбил с воздуха. Но кому это нужно? Военным? Вряд ли: сталкер бы знал. Бандитам? Наемникам? Им-то зачем? Бред какой-то...

Зверски захотелось спать. И есть. Да просто вытянуться на чем-нибудь мягком и лежать... Долго-долго. До утра. Неделю. До третьего пришествия.

Связист чертыхнулся, чувствуя, что засыпает. Чтобы хоть как-то взбодриться, попрыгал на месте. Лямки рюкзака больно врезались в плечи, и так изнывающие от перенапряжения.

— Чё скачешь, придурок? — послышался сзади голос.

— Пошел на хрен, — зло ответил Связист и тут же получил тычок в спину прикладом автомата.

— Перестаньте! — скомандовал Васильев, до этого вместе с двумя бойцами осматривавший здание сельсовета, а теперь вышедший наружу. — В здании никого. И ничего. Поднимайтесь наверх и там разожгите костер: согреемся и пожрем, как белые люди. А потом на боковую. Дежурим по двое, меняемся через два часа. Вопросы?

Вопросов не возникло. Бандиты поднялись на второй этаж убежища, побросали рюкзаки и принялись за работу. Пленники, все еще связанные, расположились в углу, подальше от входа.

— Я предупреждал, — зло прошептал наемник. — Предупреждал, вашу мать, что нельзя этой суке доверять. Нельзя! А вы? Уши развесили, как девки на сеновале, ноги раздвинули. Вот вас и поимели. А заодно и меня! Твари!

— Заткнись, — оборвал словоизлияния наемника сталкер. — Дай подумать...

Но подумать Связисту не дали. В комнату вошел один из бандитов, крепко сжимая в руках обрывок газеты. Особо прислушиваться сталкеру не пришлось: мужик был габаритен по размерам и говорил так, что слышно, наверное, было и на другой стороне улицы.

— Искали бумагу для растопки, но все газеты за тысяча девятьсот сорок второй год. Что за фигня? Тут что, музей раньше был?

— Может и музей, — проводник похлопал товарища по плечу. Взял газету и, подсвечивая себе фонариком, начал что-то читать. — Да, военного времени газетка. Отлично сохранилась.

— Не нравится мне это, командир! Уходить нужно. Причем, немедленно. Не к добру ведь это...

— Успокойся, Холод, — сказал Васильев. — Из-за чего тревога? Из-за даты на газетке? А если бы ты кость мамонта нашел, что тогда? На охоту бы собрался?

Бандит не нашел ответа. Лишь промямлил нечто невнятное и, закурив, вышел из комнаты.

— Совсем с ума посходили, — пробурчал Васильев.

Пока бандиты разожгли костер, выставили часовых и более-менее организованно уселись у огня, прошло без малого полчаса. За это время успело стемнеть, воздух, нагретый за день, окончательно остыл.

Зябко поежившись, сталкер уселся на голую землю рядом с наемником. Хоть бандиты и выдали пленникам «пенку», пользы от нее было немного: Связист и наемник, не сговариваясь, отдали ткань Версоцкому.

Чтобы хоть как-то разогнать напряженную тишину, бандиты вяло переговаривались друг с другом. Связист слушал их вполуха, вдумчиво колупаясь одноразовой пластиковой вилочкой в банке тушенки.

— Стоять! Кто идет? — раздался голос караульного. Послышался предупредительный выстрел. Судя по тонкому девичьему крику часовой не попал, а лишь припугнул неизвестную сталкершу, словно бабочка прилетевшую на огонь.

В миг бандиты повскакивали со своих мест, хватаясь за доселе лежавшее на коленях оружие. Еще секунда и с десяток стволов оказались повернуты в сторону выстрела.

— Дяденька, не стреляйте, — сказал девичий голос, в котором явственно слышались слезы. — Я своя. По лесу уже второй день блуждаю.

Васильев и все остальные бандиты тут же поднялись и повалили на улицу — одинокая сталкерша, блуждающая по ночной Зоне, была частым сюжетом в сталкерских байках, хотя вряд ли кто мог похвастаться, что сам видел такое чудо. Связист тоже не выдержал и подошел посмотреть к окну.

Девушка совсем не походила на сталкершу. Совсем молоденькая, но одетая как деревенская баба в длинную плотную юбку, вязаную кофту и полуразвалившиеся боты. На голове — платок. В руках — корзинка. Неверный свет костра выхватывал ее грязное худое лицо, на котором, впрочем, не было страха, а лишь надежда на спасение.

Связисту не требовалось гадать, что будет дальше. Бандиты не отпустят девчонку просто так. И не посмотрят, что это почти ребенок. Рука сама собой потянулась к ножу. Но что он сделает один против толпы уродов с автоматами?

— Можно, я с вами останусь? — спросила девушка. — Я стирать могу, готовить... Обузой не стану.

От неожиданного предложения бандиты захохотали. А Связист нахмурился: сумасшедшая в Зоне? Еще один персонал сталкерских баек, в финале которых на сцену обычно выходил кукловод. Не то,

чтобы Связист верил в байки, но тут ему стало неуютно. Бандиты, впрочем, продолжали веселиться от души.

— Нам стирать не надо, — сказал один, — а вот потереть — можно!

Ответом ему стал взрыв хохота.

— А ну, открой рот, будем измерять рабочий объем!

Новый взрыв издевательского смеха. Девушка растерянно переводила взгляд с одного на другого, и на лице ее проступили растерянность и обида.

— Эй, Шульц, посмотри, что там у нашей прачки с бельем, — закричал еще один бандит. — Постирано али нет?

Бандит по прозвищу Шульц медленно поднялся и, гнусно ухмыляясь, нарочито медленно двинулся в сторону девушки. Ослепленные животными инстинктами бандиты не обращали внимания на то, что приковало все внимание Связиста. Девушка не боялась. И вовсе не походила на жертву. Ненависть исказила тонкие черты девичьего лица. Такая ненависть, которой просто не бывает у жертв, даже если им грозит жестокое изнасилование.

— Прощай, жизнь, — ясным и сильным голосом сказала девушка. — Смерть оккупантам! — мгновение, и корзинка полетела на землю, а в руках у девушки появилась большая граната с деревянной ручкой.

Связист отпрянул от окна и даже успел сбить на пол встающего Версоцкого.

Взрыв прогремел оглушающе. За окном во все стороны полетели куски кирпича и окровавленные ошметки. Кровавый дождь брызнул и в окно, окропив красными каплями наемника. В углу жалобно завыл Зюзя, про которого Связист уже успел забыть. Бандиты с воплями ужаса разбегались по окрестным руинам. Треск и жуткий предсмертный вопль возвестили всей округе, что один из них забыл про опасность аномалий.

Желание сбежать именно сейчас Связист подавил с большим трудом: увидят и пристрелят без колебаний. Даже разбираться не станут — так все будут напуганы.

Сталкер медленно поднялся и подошел к окну. Там, где стояла девушка и Шульц, теперь находилась небольшая ямка, оставленная взрывом гранаты. В радиусе примерно десяти метров все оказалось забрызгано кровью. Рядом с костром виднелись чьи-то кишки.

Бандиты, ошарашенные случившимся, неловко поднимались с земли, открывая рот в бесплодных попытках что-то сказать. В глазах отморозков явственно читался ужас и непонимание.

— Я не знаю, что это было, — заново осмысливая произошедшее, сказал Связист, поворачиваясь к Версоцкому, — но если к этому причастна ваша научная мафия, стрелять вас начнут по всей Зоне, как мутсобак. Я не верю в то, что видел, но от факта никуда не деться. Вот там только что стояла девчонка, искренне считавшая, что мы полицаи. Не полиция, а именно полицаи. Предатели родины. На службе у фашистов. Профессор, скажите, что эксперименты со временем невозможны, и я вам сразу поверю.

Ответить Версоцкий не успел.

— Быстро, валим отсюда. Хватаем рюкзаки и ходу, к дамбе! — в комнату вихрем ворвался Васильев и принялся всех яростно выпихивать наружу. — Быстрей, быстрей, уходим!

Перечить ему не стали. Спустя три минуты, еще не отошедшие от шока, но удивительно послушные бандиты выстроились в неровную колонну и вслед за Васильевым быстрым шагом двинулись прочь от странной деревни.

Куда-то в ночь.

Сквозь серебристый туман.

33

Странно, но несмотря на несколько часов, проведенных в деревне, вокруг все еще было достаточно светло. А ведь когда они ужинали, вокруг царила ночь. Бандиты с недоумением посматривали на часы. Связист раз за разом оглядывался на Версоцкого, который не сказал сразу решительное «нет» в ответ на последний вопрос. И это очень беспокоило Связиста.

Впереди, сквозь частокол деревьев, показалось водохранилище. Волны мерно перекатывались друг за другом, направляясь к берегу с единственным намерением — разбиться на капли в погоне за неведомой целью. С момента последнего появления Связиста в этих краях, уровень воды сильно понизился. Теперь стала видна сплошная стена самой дамбы, раскинувшейся от берега до берега. Такая же серая масса бетона с вкраплениями труб, дамба напоминала брюхатый мост, разрушенный аккурат посередине. Разрушения никак не повлияли на основную функцию постройки: при попытках течь дальше, в направлении Периметра, вода так же натыкалась на бетонную непреодолимую преграду, однако о возможности перебраться на тот берег по дамбе пришлось забыть. Слишком велик риск переломать ноги. О том, что, — или кто? — мог нанести такой урон постройке, сталкер старался не думать.

— Остановимся здесь. — Васильев указал на небольшой, поросший травой пляжик, зажатый между двух высоких песчаных насыпей высотой с человеческий рост и одним концом упирающийся в воду. Удачное место выбрал проводник, ничего не скажешь. На открытом воздухе, да среди ночи, ничего безопаснее точно не найти. — Четверо — растяжки по периметру лагеря. Пятеро занимаются палатками, остальные глядят в оба и стреляют на малейший шорох. Никого не подпускать: ни женщин, ни детей, ни даже мирных демонстрантов с плакатами!

У пленников забрали рюкзаки и грубо усадили спиной к насыпи. Сталкер почувствовал, как за шиворот посыпался песок. Спину неприятно закололо. Чертыхнувшись, он посмотрел на товарищей. Наемник сидел спокойно и смотрел на воду, а вот Версоцкий был на

удивление возбужден: постоянно ерзал на месте, вертел головой и оглядывался, будто ждал кого-то. Оно и неудивительно: после того, что произошло, любой на нервах будет, а старик — подавно. А вот Зюзя рядом с ним, напротив, выглядел вялым.

Связист хотел было уже продолжить расспросы Версоцкого, как вдруг понял, что ему сейчас просто все безразлично. Уж очень он устал. Закрыв глаза, Связист прислушался к своим ощущениям. Ничего. Ни волнения, ни страха. Не задумываясь больше ни о чем, сталкер лег на бок, свернулся калачиком и уснул...

Проснулся он резко, как от удара током. Сквозь мутную пелену перед глазами стали видны яркие, слишком частые, вспышки молний на багрового цвета небе, а до слуха доносились чудовищной мощности раскаты грома. И что-то еще. Совсем рядом, очень громкое...

— Да вставай же ты! — прорвался голос наемника через какофонию звуков. — Гроза идет! А перед ней — гон!

Гроза и гон. Эти слова произвели достаточное впечатление, чтобы проснуться окончательно. Сталкер вскочил на ноги и осмотрелся, оценивая ситуацию. Вспышки молний то и дело выхватывали из темноты бегающих туда-сюда людей и мутантов, снесенные палатки, трупы бандитов и монстров. Грохот выстрелов слышался со всех сторон, остро пахло пороховой гарью. Насколько успел понять сталкер, бандитам не повезло. Васильев не успел организовать грамотную оборону лагеря, и теперь наверняка поплатится за это жизнью.

— Ну чего ты стоишь, — потянул за руку Связиста наемник. — Валим! Подохнем же, — в последних словах наемника было столько обреченности, что в любой другой ситуации сталкер не выдержал бы и засмеялся. Но не теперь.

— Никуда вы не валите, — донесся голос откуда-то справа. — Конечная станция.

Пленники резко обернулись: в паре метров от них застыл человеческий силуэт, направляя в сторону Связиста вытянутую руку. Вспышка молнии, особенно сильная, на миг осветила лицо незнакомца.

Егорка.

Сталкер тяжело вздохнул. Что направлял на него бандит, додумывать не пришлось, и так было понятно. Краем глаза Связист

заметил, как наемник нервно вздрогнул, а Версоцкий попросту лишился чувств, плашмя свалившись на землю рядом с Зюзей, который тоже, судя по всему, пребывал в отключке.

— Думаете, мрази, все так просто, да?! — Егорка перешел на крик. — Хрен вам, твари! Если я здесь подохну, то уж точно позже вас! Знали бы вы, как вы меня достали! Если б не Хантер да Васильев, прямо на АПке б пристрелил. Суки, ненавижу вас!

Связист не слушал нервозного бандита, а лихорадочно размышлял, что делать. Единственным вариантом был нож: если успеть его бросить и отпрыгнуть в сторону до того, как Егорка вдавит спусковой крючок, то есть шансы выжить. Однако в темноте попасть в бандита будет крайне трудно, но даже это не главная проблема. Нож-то в ботинке, за голенищем сапога. На привале Связист специально спрятал оружие подальше, чтобы не потерять и, не дай бог, не выдать себя. Но прогадал: теперь вряд ли удастся воспользоваться ножом, ибо Егорке даже целиться не придется, чтобы пристрелить двух незадачливых пленников. Достаточно просто разрядить обойму в темноту, пока сталкер будет скакать на одной ноге, пытаясь вытащить свое оружие.

Раздался выстрел. Связист рефлекторно зажмурился. Перед глазами пронеслись несколько неясных вспышек. И больше ничего... Ни боли, ни смертельной судороги. Совсем не так сталкер представлял смерть. Тем лучше: хоть в мир иной отправляться не страшно. А хотя, какая теперь разница, когда вот-вот умрешь?

— Чего стоите?! — проорал кто-то над ухом. — Хватайте ученого, психа и за мной!

Сталкер открыл глаза. Распростертое тело Егорки лежало в паре шагов впереди, а рядом стоял Васильев, перезаряжая автомат. Бешено вертя головой, проводник старался не упускать из виду снующих вокруг мутантов.

— Просто поверьте мне!

Связист ничего не ответил. Просто кивнул. Уверенно, твердо. Указав наемнику на Версоцкого, сталкер подскочил к Зюзе, чтобы привести сумасшедшего в чувство и помочь подняться на ноги. Но это ему не требовалось: Зюзя уже стоял на ногах и смотрел на Связиста достаточно осмысленным взглядом.

— Хватай доброго дядю! — крикнул ему Связист и показал пальцем на слабо ворочающегося Версоцкого.

Зюзя легко поднял профессора и положил его руку себе на плечо, чтобы помочь идти. Судя по всему, в критической ситуации псих вполне мог о себе позаботиться. И не только о себе.

Сталкер махнул Зюзе рукой и поспешил за проводником, который направлялся к воде. На многозначительный взгляд наемника Связист ничего не ответил, все было понятно без слов.

— Мы куда? — спросил сталкер.

— На тот берег. Там мой схрон совсем рядом. Отсидимся, отогреемся...

— С ума сошел?! — закричал наемник. — Я в воду не полезу! Ты знаешь, какая хрень там может водиться?!

— Чего разревелся как баба? — грубо оборвал его проводник. — Нет там ничего, кроме пары статичных аномалий.

— А с чего бы мне тебе верить?

— Да потому что я, твою мать, поплыву впереди вас, и если есть в воде что-нибудь, о чем я не знаю, первым вляпаюсь я! Не хочешь верить — дело твое. Приятно подохнуть тут.

Васильев решительно прыгнул в воду. Холодные брызги попали в лицо сталкера.

— Я плавать не умею, — послышался неуверенный голос Версоцкого.

— Быстрее! — приказал Васильев, отплыв уже метров на десять.

— Выбора нет, — зло сказал Связист. — Зюзя, плыть сможешь?

Зюзя решительно вошел в воду и потащил за собой Версоцкого. Тот слабо сопротивлялся, но когда оказалось, что Зюзя плывет спокойно и мощно, да еще и умудряется при этом поддерживать на плаву самого профессора, Версоцкий смирился и даже стал болтыхать в воде руками и ногами.

Наемник и Связист быстро вошли в воду. Поначалу сталкер ничего не почувствовал, но когда уровень воды поднялся до груди, стало невыносимо холодно. Пальцы на ногах закололо, будто в них впились сотни иголок, легкие сдавило, словно на них пшикнули аэрозолем с заморозкой, а горло скрутил невыносимый приступ кашля. Сердце колотилось как бешеное, дышать было тяжело. С трудом делая каждый шаг, Связист уходил все дальше и дальше, погружаясь в воду.

«Да к черту это озеро! Повернуть назад и искать обходной путь», — проскочила в голове шальная мысль. Сталкер даже обернулся и посмотрел на берег: на самой границе с озером удавалось разглядеть несколько огромных фигур, стремительно перемещающихся с места на место. Видимо, мутанты чуяли людей, но в воду лезть опасались. Сталкер отвернулся и поплыл вслед за Васильевым.

От холода и страха захлебнуться, Связист быстро потерял счет времени. С одинаковым успехом могло пройти два часа или пятнадцать минут, когда сталкер неожиданно ощутил, что ноги коснулись дна.

Васильев помог Зюзе вытащить Версоцкого из воды, и спустя несколько секунд, насмерть уставшие беглецы что было сил бежали прочь от злосчастной дамбы. А гроза набирала силу. Бешеный ветер норовил сбить с ног, косые струи ливня хлестали по лицу, а вспышки молний стали практически беспрерывными. Всем было понятно, что еще немного и спасения не будет. Ведь это была гроза в Зоне.

Очертания старого, приземистого строения показались внезапно. Связист понял, что это и есть тот самый схрон, о котором говорил Васильев. Когда беглецы добрались до бетонных ступенек, ведущих вниз, в кромешную тьму, грянул чудовищный по своей силе раскат грома. Земля задрожала под ногами, порывы ветра стали еще сильнее.

— Быстрее! — орал наемник проводнику, который остервенело крутил запорный механизм на старой железной двери. — Сейчас начнется...

Договорить наемник не успел — его оборвал Васильев.

— Заело! — зло проорал он. — Дальше никак!!

Не церемонясь, сталкер оттолкнул проводника и, размахнувшись, со всей силы ударил прикладом автомата по штурвалу запорного механизма. Тот сдвинулся с места, но этого явно было недостаточно, чтобы открыть дверь. Удары посыпались на заклинивший замок один за другим. Когда Связисту казалось, что еще чуть-чуть и путь внутрь будет открыт, произошло непредвиденное: приклад треснул и раскололся надвое, а сталкер по инерции полетел вперед, повалившись на пол. Поднимаясь, Связист почувствовал, как кто-то выхватил автомат из рук. Обернулся: наемник, используя ствол оружия как упор, сантиметр за сантиметром проворачивал проржавевший штурвал.

Через несколько секунд раздался негромкий треск и дверь распахнулась.

Ярчайшая вспышка резанула по глазам так сильно, будто выжгла сетчатку, мощнейший порыв ветра ворвался в подвал, подняв тучу пыли, а ливень, уже превратившийся в настоящий небесный водопад, только усиливался. На ощупь беглецы кое-как забрались в схрон и успели захлопнуть дверь за миг до того, как волна аномальной энергии пронеслась над убежищем, уничтожая все на своем пути.

34

Когда Костя пришел в себя, он сперва решил, что гроза вызвала пожар – все видимое пространство оказалось заполнено белым дымом. И только спустя несколько секунд он сообразил, что это просто туман. В белых клубах кто-то двигался вдоль стены и ругался вполголоса.

Вспомнив, как проваливался в темноту, Костя быстро поднялся и обошел все помещение в поисках Наташки, но девушки в помещении не было. Зато на него вышел ефрейтор Хиженков и сказал:

– Ну, наконец-то. Еле нашел тебя тут. Все уже очнулись и готовятся к выходу. Тебя не трогали до последнего момента – Топор сказал, что после грозы надо возвращаться самостоятельно, а то крыша поехать может.

– Со всеми все в порядке? – с тревогой спросил Костя.

– Все нормально. И с Натахой тоже все хорошо, – понимающе улыбнулся Хиженков. – Давай, помогу рюкзак твой найти.

Выбравшись на улицу, Костя обнаружил, что туман в помещения сочился снаружи. В белесом молоке тонули и размывались не только дома, но и люди, и даже земля под ногами. Отчетливо просматривался только кусок пространства на расстоянии вытянутой руки, а дальше все становилось неясным, зыбким и нереальным. В плотном влажном воздухе тонули даже звуки, и когда на крик Хиженкова отозвался Миха, голос его прозвучал глухо, как через стену из пенопласта.

Собрав всех вокруг себя в маленький кружок, Топор сказал:

– Я первый раз вижу такую грозу в Зоне. Но тут часто многое происходит в первый раз. Да и не бывал я здесь давно – может, это теперь норма. Поэтому, ничего не боимся, ничему не удивляемся и спокойно ждем, пока туман рассеется. Но, чтобы кто-нибудь из вас до того момента случайно не потерялся, предлагаю взять в руки кусок длинной веревки и вручить тому, в ком вы абсолютно уверены. И только тогда отходить в сторону.

– А если намотать на запястье? – спросила Марина.

– Лучше, не надо, – ответил ей Миха. – Ну мало ли что. А у тебя рука зафиксирована.

– Не поняла, но поверю на слово, – буркнула Марина.

– Можно прикрепить к большой петле и уже саму петлю надеть на руку, – подсказал Топор. – Если потребуется, то сбросить петлю будет легко. Так, ставим рюкзаки по кругу и неспешно завтракаем. Надеюсь, что за это время туман разойдется. Кому нужно отойти – только с веревкой в руке. Благо, ни мутопсы, ни рысеволки в тумане не охотятся.

Топор начал разматывать клубок тонкой капроновой веревки и резать ее на длинные куски.

– Сколько сейчас времени? – спросил Костя.

– Еще не ночь, – хмыкнув, сказал Топор. – Вот и все, что могу сказать с достаточной долей достоверности. После грозы электроника вообще часто барахлит, а в этот раз даже механические часы встали.

Он вытянул запястье и показал действительно замершие стрелки дорогих часов.

– Хотя в нашем случае, следовало бы прежде задаться вопросом: «какой сейчас день?», – продолжал он. – Судя по прошлому опыту, думаю, что мы пролежали в отключке остаток дня и ночь. Хотя бывало, что люди и по трое суток без сознания после грозы лежали.

– Ого, – сказал Вадик. – То-то, чувствую себя так, словно неделю в отпуске разлагался.

Костя прислушался к своим ощущениям. Действительно, усталости после длительного перехода он больше не чувствовал. Организм сигнализировал, что отдых удался. И если хозяин не забудет про завтрак, можно будет пройти нисколько не меньший километраж. Самое странное, что после всех нагрузок совсем не болели мышцы. Акцентировать на этом внимание Костя не стал, но решил запомнить этот любопытный фактик на будущее.

– Гораздо хуже другое. – Топор выразительно осмотрелся. – В Зоне туманы могут и по несколько дней кряду стоять. Кто-то из вас готов сидеть посреди Зоны и ждать? Вот и я думаю, что нет. Но идти сквозь такой туман, вообще развлечение под стать «русской рулетке». Вот задачка. Но сделать выбор все равно придется.

– Смотри, Топор. – Костя пальцем показал на смерчевую воронку, неспешно всасывающую пласты тумана, точно пытаясь весь его втянуть в какое-то подземное хранилище.

– А вот это неоспоримый плюс тумана, – сказал Топор. – Если глаз наметан, то можно сквозь любое аномальное поле без единой

гайки пройти.

– Каждая капелька воды – как маленькая гаечка, да еще и висящая в воздухе, – догадался Костя. – Тогда тот же эффект должна давать и пыль.

– Не тот же, но похожий, да, – согласился Топор. – Проблема ровно одна: надо очень четко видеть разницу между туманными следами разных аномалий. А то решишь, что впереди «пепельница», а это «хрумка». И все, накрывай лицо курткой.

– Какие прогнозы по нашему движению? – спросила Марина. – Если я правильно вчера поняла, эту точку на карте мы найти сможем. А значит, и проложить кратчайший маршрут к границе тоже?

– Давайте посмотрим, – сказал Топор, вытаскивая старую карту. – Только давайте так: туман-туманом, но бдительность в Зоне терять нельзя. Хиженков караулит.

– Есть, – сказал ефрейтор, сунул в рот разом несколько сухарей из сухпайка и взялся за автомат.

Но не успел Топор развернуть карту, как странный посвистывающий звук привлек внимание сначала ефрейтора, а потом и всех остальных. Миха и Вадик схватились за автоматы, но Топор резким окриком остановил их.

– Нет! Быстро собирайте вещи и хватайте рюкзаки. Это не звери и не люди. Это – блуждающая аномалия.

– Аномалии тоже блуждают? – удивился Миха.

– Еще как, – сказал Топор и первым поднял рюкзак на спину.

Костя помог Наташке и Марине, а когда схватился за свой рюкзак, блуждающую аномалию было видно, несмотря на туман. Темная полоса мелькнула на высоте крыши дома и скрылась в белых клубах, но в тот же момент на уровне ног появилась точно такая же полоса и, резко свистнув, тоже пропала из видимости. Словно два ножа блендера размером с дерево месили влажный воздух. Люди шарахнулись поближе к Топору, не зная толком, что делать.

– А вот это уже серьезно! – сказал Топор. – Быстро отходим! Костя, Миха, ко мне!

– Давайте, давайте, – принялся торопить всех, бегущий последним, Костя, холодея от ужаса при мысли, что совершенно непонятная, но, очевидно, очень опасная штука надвигается на них из тумана с равнодушием айсберга.

– Ваша задача смотреть справа и слева от меня, – быстро сказал Топор. – Все, что покажется подозрительным, сразу сообщайте мне. Идти по туману, это вам не шутка. Здесь практика нужна регулярная, а я почти все забыл. Но если нас вон та штука засечет и прицепится – считайте сразу себя фаршем. Радиус захвата у нее небольшой, но если рядом окажетесь – безопаснее бежать напролом куда глаза глядят. Даже если впереди только минное поле.

Заканчивал свою речь он уже выглядывая что-то в тумане. Затем кивнул сам себе, обернулся, обнаружил, что все уже построились в колонну по одному и только с беспокойством оглядываются назад, где продолжали мелькать темные полосы и слышался устрашающий посвист.

– Отлично, – сказал Топор. – Конец веревки идущего впереди, в руку взяли! Миха, Костя прямо за мной и не расходитесь друг от друга. Погнали.

Вопреки собственным словам, шагал Топор достаточно уверенно. Только смотрел вперед с хорошо ощущаемым напряжением, да чуть шевелил пальцами выставленной вперед левой руки. Аномалии им почти не встречались, а те, что все-таки оказались посреди дороги, выглядели кипящим супом, из которого валит пар, и обойти их трудностей не составило.

Несмотря на почти абсолютную непроницаемость клубящихся стен, Костя каким-то внутренним чувством угадывал массивные сооружения, остающиеся позади. Вскоре, однако, они перестали появляться – судя по всему, Топор вывел свой отряд из поселка.

Утоптанная земля поверх изломанного асфальта сменилась травой, но Костя перехода даже не заметил, боясь пропустить какую-нибудь аномалию.

Понемногу скрадывалось ощущение пространства и времени, туман словно съедал все вокруг и потихоньку подбирался к самому Косте. Белое клубящееся однообразие убивало все мысли и чувства, но вместе с этим понемногу исчезал и страх. И Костя даже не знал: огорчаться задержавшемуся надолго туману, или радоваться.

А туман даже и не думал рассеиваться. Наоборот, он становился все гуще, забивая все пространство вокруг бессмысленным постоянным движением, навевал неясные страхи, прятал от уставших глаз не только ловушки, но и ямы под ногами. В тяжелом влажном

воздухе становилось все сложнее дышать, а одежда промокла и натирала кожу.

К удивлению Кости, отряд безропотно терпел все указания Топора, хотя уже стало очевидным, что сталкер заблудился и давно пытается найти дорогу наугад. Костя не видел выражения лиц, а лишь слышал иногда тяжелое дыхание, да различал смутные пятна человеческих силуэтов, но несмотря на то, что они двигались без остановки уже несколько часов, никто не жаловался и не стонал. Даже когда под ногами зачавкало болото, и ноги мгновенно промокли до колен, а сталкер продолжал идти вперед, как ни в чем не бывало.

Более того, когда Топор всех заставил вытащить из кармана выданные утром веревки, привязать к ним какой-нибудь груз и кидать в разные стороны, прежде чем начать движение, никто и слова поперек не сказал. То ли понимали, что ничего другого не остается, то ли свыклись с мыслью, что организованная группа имеет больше шансов на выживание только в случае абсолютной дисциплины. Даже, если лидер группы ошибается.

– Ситуация сейчас такова, – сказал Топор, – что надеяться только на меня уже нельзя. Каждый из вас должен стать немного сталкером. Я буквально кожей чувствую аномальную активность, но ничего особого пока не вижу. Но под ногами у нас болото. Идти по нему как по сухому месту – не получится. Придется делать много обходов промоин и топких мест. Объем работы по разведке пути резко возрастает. Поэтому помогать должны абсолютно все.

– Объясняй, что нужно, – коротко сказала Марина.

– Технология проста: сделали несколько шагов – бросьте веревку в сторону от себя и немного по ходу движения. А потом тяните. И прислушайтесь к собственным рукам. Не слишком ли тяжело идет веревка? Не начинают ли потеть руки или не появляется ли жжение на коже?

Сперва все попробовали кидать веревки просто так. Потом Топор нашел небольшую аномалию и минут пятнадцать заставлял всех играть в «рыбака и рыбку». И только потом, развернувшись в полукруглую шеренгу, маленький отряд двинулся через болотину.

И почти сразу же Наташка обнаружила аномалию.

– Ой, есть! – крикнула она и бросила свою веревку на землю.

– Отлично, замри. Сейчас подойду, – сказал Топор. – Что ощутила?

– Как будто что-то по веревке прямо ко мне поползло, – испуганно пожаловалась Наташка.

Топор осторожно взялся за Наташкину веревку и медленно потащил к себе. И вдруг из тумана прямо к нему в руки метнулся шнур огня. В последний момент Топор отпустил конец веревки и вздернул руки вверх. Огонь погас, но от капронового шнура осталась лишь цепочка оплавленных капель на земле.

– Молодец, – с уважением в голосе сказал Топор. – Вот тебе за это премия: еще одна веревочка.

Вскоре стало понятно, о чем изначально говорил Топор. Тупиковых маршрутов движения здесь оказалось столько, что в итоге весь отряд «просачивался» сквозь единственный проход между аномалиями после доброго десятка попыток найти дорогу. Тем более, что вскоре к аномалиям добавились жутко воняющие разогретой грязью промоины и подозрительные лужи, в которых, несмотря на отсутствие пара, что-то булькало и пузырилось. Правда, видимость несколько увеличилась и теперь люди видели друг друга хотя бы на двадцать-тридцать шагов. Но Косте подумалось вдруг, что лучше бы туман сгустился обратно: слишком мрачно смотрелись под ногами черные кочки, покрытые жухлой травой и серым мхом, слишком тоскливо становилось при взгляде на высокие, давно высохшие деревца, сухими палками торчащие из грязевых омутов и прячущие гнилые верхушки в тумане, слишком противно расползалась под подошвой при каждом шаге вязкая грязь.

Пользуясь тем, что никакого особого порядка теперь никто не соблюдал и все начинали дружные перемещения, только когда кто-то находил безопасный проход, а Топор его проверял, Костя держался поближе к Наташке, стараясь при всяком удобном случае подбодрить ее хотя бы взглядом. Но вскоре она посмотрела на него так, что лучше бы отвесила пару пощечин. И Костя перестал на нее даже смотреть и целиком сосредоточился на выискивании аномалий.

Вскоре Вадик, которому надоело бросать веревку, решил облегчить себе жизнь и, сломав тоненькое деревце, стал использовать его как слегу. Топор лишь скользнул по новой оснастке взглядом, но ничего не сказал. Дела у Вадика сразу пошли намного лучше: тыкать

палкой во всякую подозрительную точку оказалось гораздо быстрее и проще, чем кидать веревку и разглядывать ее положение в грязи. Глядя на товарища, слегу хотел выломать себе и Миха, но Топор предложил подождать.

– Я многое позабыл, – сказал он. – Но что-то мне припоминается такое, говорили старые сталкеры, что палки в качестве щупов плохо подходят. Для обычных мест – понятно. Ткнешь палкой в «батут», он тебе этой палкой обратно зарядит. И хорошо, если просто в пузо даст, а может ведь вывернуться и по кумполу засветить. Однако на болоте «батут» видно издалека. Как фонтанчик грязевой. И тыкать в него никто уже не будет. Поэтому, давай посмотрим, как дальше у Вадика пойдет. Может и переймем опыт. Позже.

Ждать проверки нового инструмента пришлось недолго. Обнаружив большую кочку, покрытую сухой травой и вполне пригодную даже для того, чтобы на нее присесть, Вадик на всякий случай сильно пихнул ее своей слегой. Фонтан черной грязи ударил ему в ответ, и Вадик с воплем кинулся назад. Грязевые ошметки полетели во все стороны и забрызгали практически всех.

– Всем стоять! – рявкнул Топор и рванул за Вадиком, который, ничего не видя и размазывая грязь по лицу, продолжал орать и отступать в сторону большой лужи.

Чуть ли не в последний момент, когда он уже готов был шагнуть в булькающую жижу, Топор схватил его за рукав и потащил обратно, на безопасное место. Вадик перестал орать, но кривился и шипел – было понятно, что парень испытывает боль. Топор быстро вытер ему лицо собственным рукавом, вытащил флягу и собственноручно умыл.

– А теперь промывай глаза, – скомандовал он, вручая флягу Вадику, когда тот начал моргать. – Ничего страшного не случилось. Но вот нам и практический ответ, почему слеги опасны и на болоте тоже.

– Слушайте, – сказал вдруг Хиженков, поворачиваясь лицом в ту сторону, откуда они недавно ушли.

Все замолчали и прислушались, только Вадик продолжал булькать флягой и обмывать лицо. Туман искажал и глушил звуки, но быстрое чавканье грязи, словно где-то недалеко с места на место перебежал человек, хорошо расслышали все. Миха и Вадик разошлись в разные стороны и встали так, чтобы можно было сразу начинать стрелять с двух сторон. Автоматы они держали стволами к земле. Хиженков,

напротив, прицелился из своего автомата в туман и замер в позе охотника, готового отнять у добычи даже последние доли секунды. Марина и Наташка отошли ближе к Косте и присели, не рискуя, впрочем, снимать рюкзаки. Топор приложил ладони ковшиками к голове, словно изображая для детей ушастого зверя. Но больше ничего не происходило. Только туман, казалось, начал двигаться более упорядоченно.

Топор поднял руку, привлекая общее внимание, показал ладонь и положил ее себе на рот. Все закивали, понимая, что следует соблюдать молчание. Потом он махнул рукой и первым вернулся к прощупыванию дороги. Все было понятно: кто бы или что бы не хлюпало в тумане, проявлять себя оно не собирается. Поэтому лучшим способом поведения будет попытка уйти по-тихому на максимально большое расстояние.

Снова потянулись бесконечные кочки, черные промоины и унылые столбики сухостоя. Еще несколько раз из тумана то справа, то слева доносились подозрительные звуки, но Топор больше не обращал на них внимания, хотя Костя был уверен, что в такой вязкой тишине не услышать их было невозможно.

И вдруг Топор остановился. После длительного монотонного движения эта остановка ощущалась всеми настолько хорошо, что практически мгновенно весь отряд замер, еще толком не разобравшись, что обеспокоило их проводника. Костя посмотрел туда же, куда глядел Топор. И обомлел.

Туман впереди еще немного разошелся так, что стала видна стена леса в какой-то сотне метров впереди. И это означало, что они подошли к самому краю болота и скоро под ногами должна будет появиться сухая земля. Но остановился Топор не поэтому. На самой грани видимости между лесом и болотом стояло несколько человек. Их силуэты размывало движущимся туманом, но сомнений не было – впервые за время пути маленькому отряду встретились люди. И, судя по всему, этой встрече Топор был не слишком рад.

– Смотрите! – радостно сказала Наташка, но посмотрела на Топора и стушевалась.

Наступила абсолютная тишина, и Костя понял, что непроизвольно задерживает дыхание.

– Ну и чего ты стоишь? – спросила наконец Марина. – Вон же твои со товарищи сталкеры. Разве ты не хочешь понять, где мы находимся? А лучше, давайте им все расскажем и они нас выведут к Периметру.

– Марина, я тебе сегодня еще не говорил, что ты дура? – спокойным, даже каким-то будничным голосом поинтересовался Топор. – Я понятия не имею, что это за люди и, главное, сколько их там. Это могут быть спасатели или военные сталкеры, но запросто могут быть и бандиты из числа тех, что атаковали поезд. И пока они нас не заметили, я хотел бы как можно больше о них узнать, хотя бы по внешним признакам.

В томительном ожидании прошло еще минут пять. Все уже с явным нетерпением посматривали на Топора, удивляясь его чрезмерной осторожности. Люди вдалеке тоже продолжали стоять, словно что-то высматривая, и на бандитов, почему-то, не походили совсем.

– Странно это все, – сказал, наконец, Топор. – Не нравится мне, как они выглядят и как себя ведут.

– Так им предложение руки и сердца не делай, – грубовато сказала Марина. – Если это не бандиты, попроси помощи.

– Это Зона, как ты не понимаешь? – с досадой и раздражением в голосе сказал Топор. – Красивые байки о благородных сталкерах, что травят у костра или пишут на форумах, это красивая легенда и не более того. Здесь мало кто помогает просто так. А если и помогает, то лишь своим. Но чаще все решается либо по закону джунглей, либо по законам рынка. Что означает: слабого – ограбь, сильного – остерегайся, падающего – толкни. Нам нечем платить за транзит к Периметру. А сладкие обещания про «потом» тут ничего не стоят.

– У меня кое-что есть в кошельке, – подала голос Наташка.

– Боюсь, все твои сбережения несколько не в той ценовой категории, – сказал Топор. – Ладно, схожу. Подстрахуйте, если что, огоньком. Но за мной не суйтесь, что бы не случилось. Пока меня нет, старший – Миха, основной проводник – Костя.

Он снял рюкзак, подхватил свой автомат, сунул в руку Косте моток веревки и двинулся к едва различимым в тумане человеческим силуэтам. Веревка тянулась за ним в туман, и Костя принялся быстро разматывать моток. Через минуту медленно шагающий Топор

превратился в размытое пятно, поскольку туман явно стал плотнее. Вскоре перестали быть видны и люди вдалеке, и Топор. Только подрагивающая веревка, продолжающая уползать в туман, свидетельствовала о том, что все пока идет нормально.

– И как мы его теперь поддержим? – заволновался Вадик. – Может я тоже пойду?

– Нет, – твердо сказал Миха. – Клиент здесь лучше, чем мы, ориентируется. Будем делать, как он сказал.

Еще несколько минут прошло в томительном бездействии. И вдруг яркая вспышка пламени заставила отшатнуться всех назад. Там, где только что была стена тумана, сквозь белесую толщу просвечивало ярко-красное пламя. Костя с ужасом потянул за веревку и вытащил лишь ее оплавленный кончик.

– О, боже, – выдохнула Наташка и закрыла руками лицо.

Костя в состоянии полной прострации смотрел на стену из тумана и огня, поглотившую их единственного полноценного проводника. В голове, выдавив все прочие мысли, крутился совершенно дурацкий вопрос: как огонь и туман могут составлять чуть ли не единое целое?

– Приплыли, – тусклым голосом сказал ефрейтор Хиженков.

– Двойка нам с тобой, Вадик, за работу, – со вздохом сказал Миха. – Не уберегли все-таки клиента.

– Если опытный сталкер в аномалию попал, то как мы дальше пойдем? – растерянно спросил Вадик.

– Послушайте, вы! – внезапно сказала Марина, и Костя поразился тому, насколько злобно может, оказывается, звучать ее голос. – Кто-то видел обгорелый труп или хотя бы предсмертную записку? Чего вы Топора раньше времени хоронить вздумали?

– Ты что, не видишь? – удивился Вадик, показывая автоматом на стихающее, но все еще жаркое свечение, тепло которого хорошо ощущалось даже с такого расстояния.

– Я вижу, Вадик, что ты болван! – выпалила Марина. – Вот тебе сигареты, сиди, кури, но чтоб я тебя хотя бы полчаса больше не слышала!

Вадик не стал выяснять, имеет ли Марина право так с ним разговаривать, а спокойно взял пачку, сел на рюкзак Топора и закурил.

– Психованная баба, – буркнул он себе под нос. – Под стать этому.

– Дай и мне сигарету, – не своим голосом сказал Костя и, сняв рюкзак, уселся рядом.

К мысли о том, что теперь ему предстояло быть проводником, следовало привыкнуть еще до того, как осознание смерти Топора превратится в очевидный факт из недавнего прошлого.

– И мне, – сказал Хиженков.

Наташка взяла сигарету молча, но, закурив, так и не оторвала вторую руку от лица.

Миха продолжал стоять с автоматом наизготовку, словно опасался, что из огненного тумана вдруг появятся какие-нибудь мутанты или бандиты.

И только Марина, избавившись от рюкзака, нервно расхаживала вдоль невидимой черты, которую пересек Топор несколько минут назад.

– У кого-нибудь есть соображения, что произошло? – нервно спросила Марина.

– На оружие непохоже, – ответил ей Миха. – Огонь не тухнет и дымом не пахнет. Значит, аномалия. Во всяком случае, он не мучился.

Марина почти с ненавистью посмотрела на него, но ничего не сказала и продолжала мерить шагами небольшой пятачок уже утоптанной грязи.

– Думаю, что все-таки стоит попробовать договориться с теми мужиками, – сказал Миха. – Только идти туда теперь боязно. Может сами придут посмотреть, что случилось.

– Не повезло Роману Андреевичу, – сказал Вадик. – Вздорный был мужик, но в целом неплохой.

Постепенно огонь все-таки разгонял туман. Вдали снова появилась стена леса, правда больше никаких людей видно не было. Зато гораздо ближе, но в абсолютной недосягаемости из-за сплошного полупрозрачного огненного марева, стоял целый и невредимый Топор. И печально смотрел на обширную аномалию, отделившую его от собственного отряда.

Марина радостно вскрикнула и повернулась к остальным:

– Я же говорила: рано вы его хороните!

Костя почувствовал, как кровь отливает от лица, а на душе становится спокойно и легко, словно Периметр уже был совсем рядом и осталось только придумать, как побыстрее добраться до гостиницы.

Все повскакивали с мест и чуть было не бросились к Топору, но их осадил вопль Михи:

– Куда?! Вы думаете, он просто так там стоит?

При ближайшем рассмотрении оказалось, что единственная тропка между топкими омутами и аномалиями перегорожена теперь постоянно полыхающей огненной завесой.

– Я не знаю, как нам попасть на ту сторону, – честно сказал Костя, обкидав огненную аномалию камешками и потыкав длинной веткой в черную воду, окружавшую, как оказалось, пятачок земли, на котором они стояли. Ветка, слегка намокнув, вдруг занялась бледно-синим пламенем. – Мы и сюда-то пришли, как по кишке какой-то. Чтобы нам теперь с Топором встретиться, надо возвращаться назад и все время искать новые пути обхода. И не факт, что обойдем.

Топор махал им рукой и что-то кричал, но почему-то теперь, через огненное марево, слышно было гораздо хуже, чем когда вокруг был туман.

– Аномалия мешает распространению звука, – сделал вывод Костя. – Что делать будем?

– Для начала отстреливаться, – сказал Миха, поднимая автомат.

Хором завизжали Наташка и Марина, с проклятиями схватился за оружие Вадик.

С той стороны, откуда они пришли, из тумана появилась звериная морда. И замерла, раскрыв зубастую пасть с мощными клыками на месте передних резцов и хищно разглядывая застывших в страхе людей. Судя по расположению морды, высотой тварь была никак не меньше трех метров. А принимая во внимание уже знакомый шлепающий звук, шла она за людьми вполне целенаправленно.

Первым стрелять начал ефрейтор Хиженков. Короткая очередь, по всей видимости, не причинила мутанту вреда. Тварь вздрогнула, издала резкий хрюкающий звук, точно сплюнула, и выбралась из тумана целиком. Наверное, не самыми далекими предками твари были медведи. Она тоже была покрыта шерстью, причем куда более густой и длинной, чем это можно было ожидать от медведя, имела крупные когтистые лапы и стояла вертикально как раз в такой позе, как это делают цирковые медведи. Но ее голова на медвежью совсем не походила, а когда мутант сделал первый шаг, за спиной у него стал заметен длинный плоский хвост.

Костя пришел в себя и попробовал снять автомат с предохранителя, но тот не поддавался. Рядом начали стрелять Миха и Вадик, на землю посыпались дымящиеся гильзы, а Костя все никак не мог расправиться с тонкой металлической планкой. Зверь опустился на четыре лапы и пошел на людей, наклонив голову. Пули то ли не проникали сквозь плотную шкуру и запас жира, то ли не причиняли мутанту особого вреда. По влажной шерсти чудовища бродили языки синего пламени, но это совершенно его не беспокоило.

Наконец, сбив в кровь пальцы, Костя сбросил предохранитель и принялся стрелять в зверя уже буквально с десятка шагов.

– Да что это такое?! – с отчаянием закричал Вадик, вытаскивая из кобуры внушительных размеров пистолет.

Костя быстро осмотрелся. Единственную, свободную от аномалий и опасных омутов дорогу загораживал зверь. Позади продолжала пылать огненная аномалия. И, кажется, огнестрельное оружие не особо донимало огромного мутанта. Оставалось выбрать, что лучше: пойти на корм неизвестному хищнику, сгореть в огне, утонуть в пылающей синим пламенем жиже или, чисто для разнообразия, застрелиться.

– Надо попробовать достать его сбоку! – крикнул он Михе. – Давайте попробуем с разных сторон!

Миха сразу его понял и потащил за собой Хиженкова, на сколько хватало пространства, влево. Костя отбежал правее, а Вадик, сделав несколько выстрелов из пистолета, последовал за ним. Пули более крупного калибра, чем у автоматов, казалось, смутили хищника, но заминка длилась недолго. Прямо перед зверем оказались Марина и Наташка, причем обе уже перестали визжать, а Марина даже умудрилась вытащить из кобуры пистолет.

Автоматы загрохотали, жаля чудовище стальными иглами с двух сторон. Это ненадолго озадачило чудовище – зверь остановился и принялся раскачиваться, словно решая, куда пойти в первую очередь. Костя решил попробовать прошмыгнуть мимо твари вдоль уреза черной воды промоины, но навстречу ему тут же устремился гибкий и подвижный, голый, как у крысы, плоский хвост. Едва Костя отпрянул назад, по земле в том месте, где он только что стоял, ударило, как бревном. Только брызги полетели. Неожиданно изогнув шею, монстр

чуть было не схватил Костю за голову, но промахнулся на какие-то несколько сантиметров.

Извернувшись, Костя выскочил из пределов досягаемости мутанта, но зверь не собирался ждать слишком долго и продолжал медленно надвигаться, словно неумолимый карьерный самосвал. Костю охватило отчаяние. Он ничего не мог сделать и никак не мог повлиять на дальнейшее развитие событий. Почему-то именно в этот момент, совершенно некстати, вспомнился оставшийся далеко позади бронепоезд, на котором еще долго люди будут надеяться на спасение.

Поэтому, увидев Топора позади мутанта, он сперва даже не поверил своим глазам. Между тем, неизвестно откуда появившийся сталкер деловито сунул автомат мутанту под хвост и нажал на спусковой крючок. И не отпускал три долгие секунды, пока не закончился магазин. Тварь взревела со страшной силой, да так, что сидящих прямо перед ней Марину и Наташку закидало густой слизью, но, вопреки ожиданиям, не пыталась резко развернуться и поквитаться с обидчиком, а постояла еще немного, и упала мордой вперед. Лишь хвост напоследок конвульсивно дернулся и ударил в грязь, точно кувалдой, прямо у ног Топора.

Не веря своему счастью, Костя кинулся навстречу сталкеру. И только тогда заметил на черной поверхности омута, у самого берега, догорающий синим пламенем, крохотный плот из двух бревен, связанных поясным ремнем.

Топор, не дожидаясь Костю, сам перебрался через тушу зверя, загородившую практически весь проход. Деловито пнул по клыкам мутанта, вонзившимся в землю, повернулся и даже переменился в лице, обнаружив прямо перед собой пять человек.

– Да вы чего, – растерянно сказал Топор, когда весь отряд обступил его со всех сторон и полез обниматься. – Да то плевое дело. Болотный медведь с автомата только так кладется. Когда он стоит, его так, конечно, не взять. Но можно гранату под ноги бросить. Но когда начинает атаковать, становится тугодумным и неповоротливым. Ничего особенного.

Его не слушали, а лезли с объятиями, хлопали по плечам и жали руки. Только Марина стояла в стороне и слабо улыбалась. Он попробовал шутливо отмахнуться, но его руку поймала Наташка и прижала к своей голове. И Топор смутился. Так и стоял среди своих

людей и беспомощно смотрел на Марину. Она же просто стояла и смотрела на него. И лишь когда общие восторги немного улеглись и Топора выпустили из живого плена, подошла и осторожно поцеловала в щеку.

Он дернулся, точно от пощечины, и посмотрел на нее, но Марина уже развернулась и быстро отошла к своему рюкзаку.

От звериной туши нестерпимо воняло, и Топор предложил вернуться обратно по собственным следам, чтобы сделать небольшой привал. Но привала сделать не удалось: стоило всем собраться, как огненное марево двинулось прямо в их сторону.

– Что за везение нам такое, – сказал с досадой Топор. – Она растет и еще долго не успокоится, видимо. Теперь у нас один путь – только назад. И пытаться найти дорогу сюда же, но вон с той стороны.

– Почему именно сюда? – спросил Костя. – Дорогу мы ведь так и не знаем.

– Когда я стоял на той стороне, – сказал Топор со вздохом, – то видел один знакомый ориентир. Отсюда до Периметра осталось часа четыре ходу. Ну пять, это максимум. И местность там снова начинается чистая. Быстро бы двинулись.

– А люди? – спросила Марина. – Ну те, с которыми ты знакомиться пошел. Где они?

– Не знаю, – с некоторым сомнением в голосе сказал Топор. – Пока я шел, туман сгустился. А когда туда вышел – не было там никого. И тут аномалия, черт бы ее побрал, активизировалась. Повезло, конечно. Задержись я секунд на сорок, там бы и спекся. А люди успели уйти. И не вернулись посмотреть, что разбудило аномалию. Странно.

– Значит, если бы мы людей тех не увидели и просто прямо прошли, к вечеру могли бы уже выбраться? – с недоверием спросила Наташка.

– Скорее всего – да, – почти ласково улыбаясь, сказал Топор. – Но думать об этом не советую. Если поможет, возьми на вооружение старинную сталкерскую мудрость: «если не везет, значит везет».

– Не поняла, – с недоумением сказала Наташка.

– Пойдемте обратно, расскажу по дороге, – сказал Топор. – А то пока будем байками развлекаться, поджарит нам «огневушка» хвосты.

35

Очнулся Связист в полной темноте. Сел. Присмотрелся в тщетных попытках что-либо разглядеть. Темнота спрятала все: очертания предметов, силуэты людей, даже собственные конечности. На ощупь удалось определить, что сидит он на небольшой пружинистой кровати с влажным матрасом. И все.

Связист медленно поднял руку и поводил у себя перед глазами. Нет, ничего не видно. Неужели ослеп?! Да ну, быть не может! Сталкер схватился за голову и тут же нащупал какую-то сырую ткань, в несколько слоев обмотанную вокруг головы. Уцепившись непослушными пальцами за края материи, Связист сдернул ее с себя. На колени упал влажный, похожий на мох, комочек.

Голова заболела так сильно и внезапно, что сталкер не выдержал и застонал. Утерев тыльной стороной ладони лицо, сталкер все же смог оглядеться: небольшое квадратное помещение с койками по углам, на одной из которых лежало человеческое тело, и столом в самом центре. На столе керосиновая лампа, чей неровный свет освещал бетонные стены с пляшущими по ним тенями, три деревянных табурета и металлический стул, несколько шкафов и решетчатый квадратик вытяжки под потолком.

– Очнулся? Давай, присаживайся, есть будем, – послышался справа голос Васильева.

Сталкер с трудом повернул голову на звук: хозяин схрона сидел за столом, выщелкивая патроны из магазина. Напротив проводника угадывался худой, слегка сутулый силуэт Версоцкого. Рядом с ним, прямо на полу, сидел Зюзя.

– Хреново-то как, – простонал Связист, поднимаясь на ноги.

– А ты думал! Мы ж, считай, в последний миг дверь закрыть успели, прежде чем вырубились, – не глядя на собеседника ответил Васильев. – Тряхануло нас не слабо, короче. Ты «мочалку» обратно к башке примотай – полегчает. Она ж отходняк хорошо гасит. Кому я рассказываю? Сам же сталкер…

Связист молча взял артефакт и приложил к голове, закрепив тем же куском бинта. Спустя несколько секунд боль ослабла, тошнота

прошла и сил как будто прибавилось.

На негнущихся ногах сталкер доковылял к столу, придвинул к себе табурет и сел рядом с Версоцким. Вскрыл банку с тушенкой, коих на столе громоздилась целая пирамида, и принялся есть пластиковой вилочкой, косо поглядывая то на ученого, то на бандита.

– Профессор, ничего не хотите мне сказать? – не выдержал Связист. – Что за хрень творится в Зоне? Что это была за деревня, словно появившаяся из прошлого? Какого ляда меня несколько ночей мучает один и тот же сон? Хватит уже секреты разводить. Выкладывайте все, как на духу.

– Хорошо, – сказал Версоцкий и погладил Зюзю по голове. – Много лет назад я и мой старший, так сказать, коллега проводили в Зоне один эксперимент. Не буду скрывать: у нас были совершенно безумные планы, связанные с попыткой обуздать само время. Так что, молодой человек, отвечая на ваш вопрос, должен сказать – да, мы проводили эксперименты со временем.

– Профессор, вы хоть отдаете себе отчет о последствиях? – тихо спросил Связист.

– Уверяю вас, – гордо выпрямился Версоцкий, – что отчет мы себе отдавали во всем, от начала и до конца. Другое дело, что относились к этому несколько иначе, чем… ну, обыватели, что ли.

– Молодцы, – сказал Васильев. – Спасибо, что дустом не посыпаете, приговаривая, что, мол, обывателям не понять устремлений научной мысли.

– Да-да, сейчас это звучит смешно, но тогда мы были молоды и полны энтузиазма. Сначала у нас ничего не получалось, но после того, как я предложил использовать некоторые артефакты, положительные результаты посыпались один за другим. Через полгода состоялся первый запуск устройства. Эх, знал бы я, чем все обернется…

Версоцкий поморщился и начал массировать виски кончиками пальцев.

– Все эксперименты проводились в режиме полной секретности, ведь работали мы в интересах одной из дочерних структур военного ведомства. Наша лаборатория располагалась прямо в Зоне. Это было удобно и с точки зрения безопасности – вокруг ведь, по сути, готовый полигон. И с точки зрения энергоснабжения. Параллельные изыскания

к тому времени уже позволяли получать из аномальных источников достаточные мощности для проведения эксперимента.

– Вот уроды, – сказал наемник. – Полигон у них. А что сталкеры ходят – плевать.

– Сталкеры не должны находиться в Зоне. С точки зрения закона претензий к нам быть не может.

– Закона? – ядовито переспросил наемник.

– Хватит! – ударил ладонью по столу Васильев.

– Интересно, – сказал Связист. – А ведь наш бронепоезд официально как раз и занимался разведкой возможности получать энергию из аномалий. Даже чиновник приехал из Министерства энергетики.

– Чепуха, – махнул рукой Версоцкий. – Все давным-давно разведано, механизмы разработаны и протестированы, и генерирующую станцию можно начинать строить хоть завтра. Просто, запрещена была эта тема после нашего провала. Я сейчас все расскажу, и вы поймете.

– Продолжайте, профессор, – сказал Васильев.

– Во время первого же запуска оказалось, что туннельные пробои, сквозь которые мы хотели, так сказать, взглянуть на изнанку времени, не закрываются сразу после отключения установки. Возможно, тут сказалось влияние Зоны. А может, такова природа самого времени. Не знаю. Главное, что после нашего эксперимента Зону накрыла волна короткоживущих темпоральных аномалий. Время, словно тонкая пленка, расползалось под энергетическими ударами нашей установки. А потом, затягивая одни «дыры», «рвалось» во все новых местах. Это образно, чтобы вы поняли структуру последовавшей цепной реакции. Постепенно все вошло в норму, и все «дыры» были затянуты, но процесс восстановления оказался довольно длительным.

Версоцкий горестно вздохнул.

– Я проводил полевые исследования после воздействия нашей установки. И видел, к чему приводят темпоральные аномалии. Я такое видел, чего не расскажу никому и никогда. И тогда-то мне стало понятно, что мой старший товарищ идет по пути, уготованному любому злому гению. Он был неплохой человек, но его любознательность несла зло миру. И я попытался переубедить его. Но ведомый жаждой разрушительного познания, он ничего и слышать не

хотел, считая, что я просто струсил перед лицом величайшего открытия за все время существования человечества.

– А непросто вам, ученым, живется, – хохотнул наемник.

– Тогда мои нервы и сдали, – профессор посмотрел на Васильева и Связиста глазами, полными слез. – Я связался со службой внутренней безопасности и проинформировал их о том, что творится в нашей лаборатории. По счастью, люди там оказались вполне адекватные. Ими в полной секретности была разработана операция, которая позволила бы уничтожить установку и вывезти моего коллегу из Зоны с тем, чтобы потом запретить ему работу в ней навсегда. Секретность же была необходима потому, что у коллеги моего было немало покровителей в силовых структурах, которые не хотели ни в чем разбираться. Вопрос можно было решить только вытащив из Зоны все материалы и самого моего коллегу.

– Кино и немцы, – снова прокомментировал наемник. – Триллеры отдыхают.

– Команда спецназа под прикрытием должна была прибыть для захвата моего коллеги и всех материалов. Но он что-то почувствовал и предпринял, видимо, какие-то шаги. Подмога ко мне не пришла. Боевая группа шла под видом туристов и просто сгинула где-то в Зоне. Тогда я забрался в бункер и, пока мой старший коллега отдыхал, стер все документы, чертежи и формулы относящиеся к проекту, над которым мы работали без малого пять лет. Все до последнего файла. Сжег все бумаги. И полностью уничтожил все системы хранения данных. Потом заминировал установку бомбой с часовым механизмом, облачился в комбинезон и ушел из лаборатории с тем, чтобы покинуть Зону навсегда. Но в это время мой коллега проснулся, обнаружил последствия моих дел, пришел в ярость и успел включить установку до взрыва.

– Профессор, вы интригуете с каждой минутой все сильнее, – сказал Связист.

– Я оказался в эпицентре действия установки, – сказал Версоцкий. – И на себе ощутил все прелести перемещения во времени. Темпоральные пузыри надувались и лопали, таская меня за собой, а когда я уже смирился с мыслью о смерти, окончательно выбросили через много лет от времени, когда я жил. Год назад я оказался в Зоне, где про меня все давно забыли. Выбравшись наружу, но не афишируя

свое появление, я выяснил, что давно считаюсь погибшим. А мой старший товарищ продолжает пожинать лавры и, что было очевидно мне, но почему-то никто не обращал на это внимания вокруг него, строил новую установку. Более мощную. Чтобы повторить свой ужасный эксперимент.

– Я ничего не понимаю, профессор, – сказал Связист. – А как все это связано с вашей работой над пси-аномалиями?

– Я решил, что должен любым способом попасть в Зону и разрушить планы этого человека. У меня было два преимущества. Во-первых, я знал, где он будет восстанавливать свою установку. На старом месте. Это в разы проще, чем затевать строительство нового проекта. К тому же, все можно провернуть в полной тайне. Все, что необходимо, просто доставить объемный и тяжелый груз в нашу старую лабораторию. Во-вторых, он не знал, что я выжил. И тогда я пристроился к исследовательской группе, которая собиралась идти в Зону для исследования пси-аномалий. Бандиты и плен неожиданно разрушили все мои планы. И теперь Фека-Лом, а если официально, то Феоктист Борисович Ломакин, совершенно безопасно везет детали своей установки прямо в наш старый научный центр. Ведь туда была проложена в свое время железнодорожная ветка. Точнее, не так. Уже довез, смонтировал и успел запустить, благо при современных технологиях сделать быстрый монтаж не сложно. Вы видели серебристый туман перед тем, как мы вошли в деревню? Я тоже видел его много лет назад, когда темпоральный удар пришелся прямо в ту точку пространства-времени, где я в тот момент находился!

Профессор устало опустил голову на руки. Наступила абсолютная тишина. Потрясенные Связист, Васильев и наемник во все глаза смотрели на Версоцкого, не в силах поверить в то, что он рассказал.

Звон упавшего на бетонный пол патрона словно привел всех в чувство.

– Наш Феоктист Борисович – это ваш старший коллега и маньяк по совместительству? – пораженный до глубины души Связист в этот момент просто мечтал, чтобы Версоцкий объяснил, что произошла ошибка и речь идет о совершенно другом человеке.

– Душевный дедулька, правда? – горько сказал Версоцкий. – Да, Феоктист Борисович Ломакин, по сталкерскому прозвищу Фека-Лом, и есть тот самый маньяк, готовый ради своего любопытства разрушить

весь мир. А в бронепоезде он везет запчасти своей установки. Не знаю, как он планировал убедить руководство экспедиции перейти на другую железнодорожную ветку, но…

– Я знаю, – вдруг сказал Связист, осознавший, что все его странные сны, несмотря на непохожесть на реальных прототипов, удивительно точно показывали то же самое, о чем говорил профессор. – Мне Хантер хвастал, что ему нападение на поезд заказывал кто-то из организаторов экспедиции. Что сперва был разработан план увода бронепоезда на другую ветку, который бандиты и осуществили, а уже потом Хантер решил, что глупо будет не воспользоваться таким случаем и не прибрать все к своим рукам. Получается, это Ломакин все придумал, чтобы протащить свою установку по старым путям. А Хантер на нем руки решил погреть. Вор у вора дубинку отнял.

– Ну, вот теперь и мне все понятно, – с горьким удовлетворением сказал Версоцкий.

– И что теперь делать? – устало спросил Связист.

– Если вы понимаете, на пороге какой катастрофы мы стоим, то надо идти к заброшенному Исследовательскому Центру, где была наша старая лаборатория, – не поднимая головы ответил ученый. – Преодолеть сопротивление его сотрудников, после чего уничтожить маньяка и его приборы. Иначе никак.

– А при чем тут мы вообще? Это твои проблемы, – резонно заметил Васильев.

– Ошибочка. Если я правильно трактую признаки происходящего, установка уже запускалась и не один раз. И страшная вчерашняя гроза шла с типичными признаками темпоральных пузырей. Если он будет продолжать ее включать, до Периметра мы можем просто не успеть дойти. Не буду говорить про весь мир, энергии тут не настолько велики, но в пределах Периметра все будет перевернуто с ног на голову и обратно не один десяток раз.

– Получается, – сказал Связист. – Поезд все-таки ушел из ловушки и добрался до лаборатории. – Это все упрощает. Надо просто добраться до Центра, забраться в бронепоезд и рассказать все полковнику Кудыкину. А уж полковник обязательно что-нибудь придумает.

– Ты собираешься ему помогать? – наемник встал с койки и подошел к столу. Оперся ладонями на столешницу. – Он же с этим

Ломакиным заодно был. И скромно умалчивает, сколько сам людей погубил.

– Он хотя бы пытается это исправить, – вступился в защиту ученого Васильев. – А сколько людей загубил ты, наемник? Тем более у нас нет выбора: ты же его слышал. К Периметру идти может и бесполезно уже, не дойдем.

– А если он брешет? – с вызовом спросил наемник.

– Даже если я вру, – быстро сказал Версоцкий, – вы ничего не теряете. Можно идти к Периметру через наш Центр. Это почти по пути, если я правильно определил расположение водохранилища.

– И как мы это сделаем? – скептически усмехнулся наемник. – У нас ни оружия, ни одежды, ни дозиметров.

– Ты в моем схроне, не забывай. Подыщем что-нибудь. Ученый, – проводник посмотрел на Версоцкого. – На карте сможешь указать этот свой Центр?

– Д-думаю, что да. – Версоцкий часто закивал. – Я помню, где он…

– Хорошо.

Васильев поднялся и подошел к широкому, выкрашенному в зеленоватый оттенок, шкафу. Положил руку на ручку цифрового замка и принялся крутить ее. Несколько делений влево. Потом вправо. Снова вправо и два раза влево. Раздался щелчок. Проводник присел на корточки и приоткрыл дверцу шкафчика. Просунул в образовавшуюся щель руку. Спустя миг на средней полке покоилась граната, снятая с растяжки. Связист этому даже не удивился.

Между тем проводник открыл самую первую дверцу и, порывшись в ворохе бумаг, извлек оттуда карту.

– Что у тебя там? Документы? – спросил наемник.

– Не твое дело, наемник, – огрызнулся Васильев и захлопнул шкаф.

Расстелив карту на столешнице, проводник махнул рукой ученому.

– Показывай где, – потребовал Васильев, подсвечивая бумагу керосиновой лампой.

Версоцкий склонился над картой и долго разглядывал, что-то шепча себе под нос. После нескольких минут раздумий, растянувшихся, казалось, в вечность, ученый уверенно тыкнул

пальцем в зеленый массив, окруженный целой сеткой ручьев. Словно черное лезвие, лес рассекала тупиковая линия железнодорожной ветки.

– Здесь.

– Точно? – решил перестраховаться наемник. – А то заведешь нас хрен знает куда. Ты там когда в последний раз был?

– Для вас – много. А для себя… Для меня прошел всего год после того, как я взорвал установку Фека-Лома. Для работы установки нужна была вода, и мы специально выбирали место рядом с ручьями.

– Далековато, – мрачно пробубнил Связист. – Километров пять, не меньше. За сегодня дойдем?

– Не знаю, – в тон сталкеру ответил проводник. – Еще решить надо, где идти. Я предлагаю в обход поселка. – Васильев постучал патроном по светлому пятну вверху карты, – Через гаражи.

– Ты больной? – не то серьезно, не то с сарказмом спросил наемник. – Там же мутантов обычно до черта. Рота не пройдет, не то, что четыре голодранца.

– Не паникуй, наемник. – Васильев прочертил патроном невидимую линию, связывающую его схрон и Центр. – Это самый короткий путь. На два километра меньше топать придется. Если повезет – к вечеру будем на месте. А насчет мутантов, подумай сам: только что была гроза, перед ней – гон. Все мутанты у Периметра пасутся, а новых Зона еще не наплодила. Местность чистая, успеем проскочить.

– А если не успеем? – засомневался Связист. – Вдруг они уже там? Ты мне лучше скажи, что здесь? – Сталкер постучал ногтем по темному пятну, чуть выше и правее схрона.

– Там бывшая пилорама, – ответил проводник. – Не вариант однозначно: аномалий выше крыши. В прямом смысле этого слова, между прочим. Прохода нет, поэтому и места гиблые. Риск еще больший, даже если и пройдем, то времени потеряем чертовски много. Гаражи – самый близкий и безопасный вариант. Кто «за»?

– Гаражи так гаражи, – пожал плечами Связист. – Какая разница, где шкурой рисковать?

– Я «за», – кивнул ученый.

– Фиг с вами, – оглядев всех недобрым взглядом, выдавил из себя наемник. – Пойдем там.

– Вот и ладушки, – сказал Васильев, сворачивая карту и убирая ее в карман. – Сейчас экипируемся, пожрем и двинем.

Хозяин схрона подошел к другому краю шкафа, из которого достал карту, порылся во внутреннем кармане и извлек из него ключ от навесного замка, что запирал дверцы шкафа. Вскоре раздался щелчок и замок отлетел в угол, а Васильев уже вытаскивал сталкерские комбинезоны, кидая их прямо на стол.

– Примеряйте, короче. Я в своем пойду, – приказал проводник, роясь в оружейной пирамиде.

– На всех не хватит, – заметил Связист, держа в руках по комбинезону. – Их только два.

Васильев отвлекся от своего дела и повернул голову к сталкеру.

– А вот об этом я не подумал, – задумчиво изрек проводник. – И что делать?

– Один из комбезов Версоцкому отдадим, – протягивая ученому одежду, сказал Связист.

– Допустим, – с неохотой согласился наемник. – А со вторым что делать будем? Как делить? Только не говори, что для Зюзи он. Психу и так хорошо.

– Сейчас, – свободной рукой сталкер похлопал себя по карманам и достал из нагрудного монетку. – Разыграем?

– Издеваешься? – криво улыбнулся наемник.

– А что ты предлагаешь? Можем, конечно, набить друг другу морды – я выиграю и заберу комбез. Ну так как: орел или решка?

– Орел, – мрачно выдавил наемник, казалось, даже не раскрыв рта.

Щелчком пальца сталкер подбросил монетку. Та сделала в воздухе несколько оборотов, упала на стол, покрутилась на месте и завалилась на бок решкой вверх.

– Не судьба, наемник, – расстегивая грязный и вонючий китель пожал плечами Связист.

– Значит, наемнику отдаем противогаз и дозиметр, – вытаскивая из шкафа двадцатилитровую бутыль с водой, протянул Васильев. – Идет он в центре колонны, будем прикрывать его. Я с Версоцким впереди, а ты, Связист, сзади.

Сталкер коротко кивнул и принялся переодеваться в почти новый сталкерский комбинезон. Модель его Связисту была знакома: ЛПК-2,

обновленный. Помимо того, что сам комбинезон был сделан из противорадиационного, не пропускающего влагу и не выпускающего тепло материала, в нем имелись вшитые бронепластины, способные остановить пистолетную пулю. Не экзоскелет, конечно, но на безрыбье…

– Я все, – подпрыгивая на месте, чтобы быстрее привыкнуть к комбинезону, сообщил Связист.

– Я тоже, – через минуту сказал Версоцкий.

– Хорошо, – осматривая бойцов, кивнул проводник. – Теперь умывайтесь и хавайте, я пока вытащу оружие и патроны. Не парьтесь, этого добра всем хватит.

На помывку и перекус ушло без малого сорок минут, после чего Васильев принялся распределять оружие.

– Ну что, выходим? – спросил сталкер, глядя на товарищей.

– Да, пора, – ответил Васильев и затушил керосинку.

С открытием двери проблем не было: с внутренней стороны бункера штурвал запорного механизма крутился без всяких проблем. После нескольких несложных манипуляций проводник потянул на себя тяжеленную дверь, и в лицо людям хлынул поток свежего воздуха. Следуя за внимательно осматривающимся Васильевым, ходоки вышли из подвала. Зюзя шел последним и снова выглядел то ли больным, то ли сонным.

В Зоне наступало утро. Алые облака, подсвеченные восходящим солнцем, простирались от самого горизонта. По осеннему прохладный ветерок гонял по земле желтые листья, обрывки бумаги и прочий мелкий мусор, который, попадись на пути аномалия, закручивался в причудливые узоры, вытворяя невероятные пируэты. Капельки росы на пожухлом травяном ковре, что устилал бо2льшую часть зараженной территории, влажно блестели в свете косых солнечных лучей. Связисту с трудом верилось, что всего несколько часов назад в Зоне царил настоящий ад, спровоцированный всплеском аномальной энергии. Да и вообще с трудом верилось, что вокруг Зона, а не территория за Периметром. Все-таки правы те, кто говорит, что даже после самой страшной и ужасной ночи наступает светлое утро.

– Идиллия какая-то, – словно прочитав мысли напарника, пробурчал наемник. – Пошли, чего встали?

Напоследок оглянувшись в мрачный зев подвала, который прошлой ночью сослужил отличную службу, Связист стащил с головы ненужную больше «мочалку», бросил ее на холодные бетонные ступени.

* * *

Продвигался отряд медленно: сменившие свое местонахождение аномалии попадались удивительно часто, из-за чего Васильеву несколько раз пришлось возвращаться назад, чтобы обойти скопления смертоносных ловушек, раскинувших свои цепкие лапы на несколько десятков метров вокруг себя. Все были на взводе, в том числе и Связист. Как ни старался сталкер сохранять спокойствие, столь медленное продвижение изрядно раздражало. Шутка ли, за час с лишним не пройти и полкилометра! Сталкер постоянно оборачивался, присматривая за тылом, и каждый раз цеплялся взглядом за серый прямоугольник подвала, который будто бы не отдалился ни на йоту. Это бесило.

В сердцах Связист сплюнул на сырую землю, зябко поежился и сказал:

– Этак мы в Центре примерно послезавтра будем.

– Не утрируй, не время, – отозвался Васильев, который, выставив руку вперед, шаг за шагом удалялся от подвала. – Впереди опушка леса, там аномалий поменьше должно быть.

– Не боишься, что мутанты к гаражам вернутся, пока мы к ним дотопаем? – не отрываясь от наблюдения за местностью, произнес наемник.

– Боюсь, поэтому не нагнетай.

На этом разговор сам собой закончился. Повисла тревожная тишина, нарушаемая лишь шелестом зарослей кустарника справа и карканьем ворон где-то вдалеке.

– Кабан на три часа! – заорал наемник и первым открыл огонь по выскочившему из ближайшего кустарника мутанту.

Связист тут же сместился вбок, опустился на одно колено и поймал в прицел тушу кабана. Не поймать было трудно: мутант был ошеломляющих размеров. Огромные, торчащие в разные стороны клыки напоминали бивни доисторического мамонта, ростом животинку Зона не обделила: метра полтора-два в холке минимум. В узеньких щелочках глаз было столько злости и ненависти, что хватило

бы, наверное, на тысячу наемников, да еще бы и осталось чуть-чуть. В общем, ничего хорошего встреча с внезапным гостем не сулила.

– В сторону! – крикнул Васильев, оттолкнул в сторону ученого, и сам отпрянул за дерево.

Связист ждать не стал и, ведя стволом автомата вслед за мутантом, потянул спусковой крючок. Расчет сталкера был прост: перебить кабану ноги, тем самым обездвижив его. И это был единственный шанс выйти живым из схватки, поскольку огромную тушу просто так вряд ли удалось бы завалить, даже израсходовав весь магазин.

Пули прошли мимо, только одна с глухим чавканьем впилась в бок мутанту, не причинив особого вреда.

Пока Связист лихорадочно размышлял, что делать, кабан крутанулся на месте, хрюкнул и, «вычислив» обидчика, посмевшего поцарапать ему бок, понесся на сталкера. Наемника, Версоцкого и Васильева, что тут же открыли огонь, равно как и Зюзю, мутант попросту игнорировал. То ли знал, что ничего ему не будет, то ли решил оставить на закуску.

Вариант быть разорванным на множество маленьких сталкеров Связиста никак не устраивал, поэтому он, выпустив две не прицельные очереди в морду кабана, принял единственно верное решение: бежать. Бежать со всех ног. До ближайшего дерева, дома, аномалии в конце концов!

Аномалия!

Раз уж силой монстра взять не выйдет, оставалась хитрость. Громко крича, чтобы кабан вдруг не передумал и не бросился на товарищей, сталкер рванул в сторону «пресса», что раскинулся в полусотне метров правее. Крик человека мутанта лишь раззадорил, и он, громко хрюкнув, заметно ускорился.

Моля всех богов, чтобы не поскользнуться на влажной от росы траве, сталкер преодолел бо2льшую часть пути. Аномалия, судя по всему, почувствовала приближение добычи: зашумела, издала громкий хлопок и притаилась. Совсем как живая! Когда до спасительной ловушки оставалось метра три, сталкер оттолкнулся и отпрыгнул в сторону, приземлившись аккурат на ушибленное во время падения с бронепоезда плечо. В глазах мгновенно потемнело, руку сковала невыносимая боль. Но кабанчику было в сто крат хуже. Не успев

затормозить, мутант, отчаянно перебирая всеми четырьмя копытами, по инерции проехал на брюхе оставшиеся три метра и, громко визжа, влетел прямо в аномалию. «Пресс» не заставил себя ждать: хруст переламываемых костей и разлетевшиеся в стороны кровавые брызги вперемешку с кусками фарша поставили точку в неравной схватке.

Связист лежал на земле, раскинув руки в стороны, и тяжело дышал, все еще не веря, что жив. Сердце бешено колотилось в груди, голова шла кругом, а перед глазами задорно скакали разноцветные пятна, будто бы подначивая сталкера подняться и пуститься в пляс вслед за ними. Над Связистом нависла чья-то тень. Он поднял глаза и увидел Васильева, протягивающего ему руку. Воспользовавшись предложенной помощью, сталкер поднялся.

– Что, даже никто не похвалит? – решил пошутить Связист, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

– Грамоту тебе выпишу, с занесением в грудную клетку, – сострил наемник.

– Полегче на поворотах, наймит, а то вслед за кабанчиком на фарш отправишься. Вам двоим на том свете веселее будет, вы друг друга быстро поймете, – не остался в долгу сталкер.

– Ты на что намекаешь?

– Может, заткнетесь уже?! – оборвал перепалку Васильев, который, приняв позицию «щуп», двигался к опушке леса.

Связист благоразумно умолк, не распаляя возникшую на пустом месте ссору.

В лес отряд вошел под сопровождение шума листвы на высоких и пышных кронах, не прекращающегося ни на минуту карканья ворон и завывания ветра между стволами деревьев. Идти стало легче: аномалии попадались не так часто, а если и попадались, то Васильев заблаговременно их замечал и прокладывал путь по безопасной траектории.

В очередной раз оглянувшись, Связист сделал еще несколько шагов и замер, глядя на раскинувшийся в низине поселок, скрытый толстенными черно-бурыми стволами деревьев. Взгляду сталкера предстал типичный для Зоны пейзаж, не раз уже виданный: одноэтажные дома выстроены в два ряда. Некогда обитаемые и ухоженные жилища представляли из себя жалкое зрелище: бревенчатые стены покрыты толстым слоем грязи без малейшего

намека на краску, стекол в окнах давно уже нет, а те, что чудом уцелели, держатся на честном слове и, кажется, готовы упасть от малейшего порыва ветра. Пустые рамы напоминают глазницы мертвеца, сквозь которые видно устройство его черепной коробки: пыль, мелкий мусор, сломанная мебель, вдобавок прогнившая от постоянных дождей. Жалкое, но привычное для бывалого сталкера зрелище, на сей раз произвело на Связиста огромное впечатление.

Сталкер будто бы душой почувствовал весь масштаб трагедии, произошедшей в этих местах двадцать семь лет назад, как раз тогда, когда и образовалась Зона. Он будто бы видел фигуры, нет, неясные силуэты пытающихся спастись местных жителей, чувствовал их боль, отчаяние и страх. Страх перед неизвестными порождениями Ада, что явились из ниоткуда лишь с одной целью – убивать. Вон, возле крайнего справа дома, кабан остервенело разрывает тело молодого парня, отчаянно визжащего от боли. А чуть дальше, в стороне, ловец подхватил женщину. Связист закрыл глаза, крепко сжал автомат. Нужно что-то делать, чем-то помочь. Если не он, то кто?! Вот же, совсем рядом с ним, сгорбленная фигура кукловода в мешковатой, явно не по размеру одежде. Странно, что мутант не почувствовал человека. И плевать! Сейчас, только автомат направить осталось, передернуть затвор и нащупать спусковой крючок…

Страшной силы удар опрокинул сталкера на палую листву. Связист выронил оружие и схватился за челюсть, крича от боли. Чьи-то мощные руки, – четыре руки! – прижали его к земле, в рот и на лицо потекло что-то мерзкое, будто желеобразный язык мутанта. Связист пытался отмахиваться, но бесполезно. Лишь провоцировал новые удары: в живот, по ребрам, снова в челюсть.

– Аааaа! – заорал сталкер, но не услышал собственного голоса. Все пленила ватная тишина, сквозь которую, как раскаленный нож сквозь масло, стали пробиваться звуки, из которых с трудом удавалось понять слова.

– Хватай его… – кричал кто-то. – Тащи отсюда! Влево, дебил! Там граница…

«Какая граница, черт подери?!» – Связист не понимал, кто и куда его тащит, а главное – зачем?! Добраться бы до автомата! Не удалось, лишь руку заломали. От боли перед глазами потемнело.

– Здоровый, сука! – выругался кто-то рядом. – Когда его отпустит?

– С минуты на минуту. Воду сюда дай!

В лицо сталкера, и без того мокрое, полетели холодные брызги. Через минуту неясная, мутная пелена, застилавшая глаза, стала спадать, и Связист смог увидеть над собой голубое небо с покрывалом брюхатых облаков и склонившихся над ним Версоцкого, Васильева и наемника.

– Что произошло? – с трудом выдавил из себя Связист и закашлялся.

– Бродячая пси-аномалия, – пояснил Васильев, протягивая товарищу почти пустую флягу с водой. – Тебя самым краем зацепило, но по мозгам ударило нехило.

– А вас почему не долбануло? – спросил сталкер, напившись.

– Не поверишь, но спасло расстояние. Стань ты на метр правее, и тебя бы пронесло. Мы с наемником лишь на несколько секунд под ее воздействие попали, когда тебя вытаскивали. До сих пор не пойму, как мы проморгали эту гадину. Она будто из ниоткуда появилась!

– Что я делал?

– Сначала промычал что-то, но мы не придали этому значения. Потом плакать начал и на ученого ствол направил. Когда ты затвор передернул, я тебя и вырубил.

– Офигеть, – пробормотал сталкер и медленно поднялся на ноги. – Как салага попался…

– Прости, но ствол пока не дам, – сказал Васильев. – Мало ли что? Пойдешь в середине колонны, наемник прикроет тыл.

Связист кивнул и не стал спорить. В середине так в середине. Проще отходняк от пси-удара пережить.

– Значит, слушайте меня внимательно, – начал проводник. – Через деревню не пройдем – фонит как в реакторе атомной станции. Там, слева, и находятся гаражи – наш реальный шанс. Если мутанты еще не явились, то точно проскочим. Главное – двигаемся быстро, но осторожно. За мной шаг в шаг. Собьетесь с курса хоть на метр, я ваши кишки с веток снимать не буду. Вопросы, пожелания?

– Девок ядреных и… – начал было наемник, но не выдержал испепеляющего взгляда проводника и умолк.

– Двинули. – Васильев кивнул головой и начал спуск в низину.

Спустился отряд быстро, и уже через несколько минут наемник, Версоцкий, Зюзя и Связист, плотно прижавшись к стенке гаража,

выложенного из бетонных блоков, замерли, ожидая, пока проводник даст отмашку к началу движения. Между тем Васильев, присев на корточки, выглядывал из-за угла, изучая местность. Что видел проводник, сталкер сказать не мог, но судя по его лицу все было в порядке настолько, насколько вообще могло быть. Да и сам Связист пока что не наблюдал никаких признаков наличия мутантов.

– Быстро за мной! – скомандовал Васильев и рванул вперед. Версоцкий следом за ним, далее – Связист, и наемник замыкающим. Двигался проводник быстро, четко и уверенно. Наверняка изучил дорогу между аномалиями, пока высматривал монстров. Последних, к счастью, не оказалось вовсе – гроза погнала всех к Периметру, а новые еще не явились.

Справа раздался громкий хлопок. Версоцкий, коротко вскрикнув, резко дернулся в сторону от предполагаемой опасности, что чуть не стоило ему жизни. «Пламя» сработало мгновенно: столб огня, высотой в добрые полметра, ударил вверх, подпалив профессору бок комбинезона. Ученый запаниковал и, на ходу пытаясь затушить пламя, чуть не влетел в «снежинку». Связист схватил Версоцкого за одежду и, резко дернув на себя, сбил с ног, залив огонь водой из фляги, которую передал сталкеру вовремя подоспевший наемник.

Сплошной прямоугольник из черно-желтых кирпичей и блоков тянулся вперед на добрую сотню метров, через каждые десять шагов разделяясь на отсеки. Некоторые были заперты проржавевшими, без намека на былой цвет, воротами, некоторые открыты для всеобщего доступа – бери что хочешь. Вот только брать тут давно уже было нечего, разве что неприятности на свою голову. Но неприятности – товар в Зоне ходовой и дешевый, за ним не надо переться к черту на кулички. Многочисленные кости мутантов, обрывки амуниции, покрытое коррозией оружие ясно давали понять, что здесь иногда бывает «весело». А если приплюсовать ко всему этому аномалии, коих здесь немало, то впору парк развлечений открывать для местных сорвиголов.

Но, вопреки ожиданиям, гаражи не произвели на Связиста должного впечатления.

36

Остаток пути ходоки преодолели без проблем, и вскоре гаражи остались за спиной. Привал Васильев устраивать не решился, поэтому дальнейший план действий пришлось обсуждать на ходу.

— Куда дальше, ботаник? — не оборачиваясь, бросил проводник, внимательно всматриваясь перед собой.

— Карта у вас, — пожал плечами Версоцкий. — Я все время другим путем ходил. Этот знаю весьма приблизительно.

Не сказав ни слова, Васильев остановился, забросил автомат за спину и вытащил из подсумка смятую карту. Наемник тут же развернулся на сто восемьдесят градусов и, уперев приклад АК в плечо, приготовился открыть огонь при первой же необходимости. Связисту не оставалось ничего другого, кроме как смотреть по сторонам, в надежде, что ни один из обитателей местной фауны не решит проверить, какого черта четверо двуногих делают на его территории.

— Судя по карте, нам еще метров семьсот пилить. — Васильев оторвался от созерцания схемы местности и посмотрел вперед.

— А ты уверен, что мы не заблудились, ботаник? Я впереди, кроме столбов электропередач и обломков НИИ «Радиотехника», ни хрена не вижу.

— На то он и секретный бункер, — хмыкнул Версоцкий. — В НИИ он и находится. Подвальные помещения намного больше, чем кажутся.

Быстро сложив карту вчетверо, проводник вернул ее в подсумок, снял с плеча автомат и, прищурив глаза, пошел вперед.

— Вот что меня тревожит, — сказал Васильев, когда отряд прошел метров десять, — что безопасно там. Как бы это глупо ни звучало, но там реально ничего нет. Ни аномалий, ни мутантов, ни радиации. Кто-то говорил, что на территории НИИ даже грозу переждать можно, не напрягаясь с укрытием. Будто не Зона там вовсе, а кусок Большой Земли, неизвестно как оказавшийся в этом пекле. И именно это меня больше всего и пугает.

— Ну нет там аномалий, и что? — спросил наемник. — Круто ведь, как по Бродвею гулять можно.

— Наемник, — озлобился Васильев, — ты ж вроде мужик умный, но иногда так тупишь, что пристрелить тебя хочется. Неужели ты не понимаешь, что ненормально это, когда в Зоне совсем не Зона! Да там такое место, что аномалии в очередь должны становиться, чтобы туда попасть. Но ведь нет! Ни фига там нету.

— А не боишься, что нарвемся на кого-нибудь? Сталкеров, к примеру, или мародеров? Золотое место для лагеря, — сказал Связист.

— А вот тут самое интересное, — сказал проводник, обходя по широкой дуге раскинувшуюся метров на пять «пепельницу». — Пытались там лагерь устроить, причем не раз. Но не получалось: крыша у людей ехала. Две-три ночи и все. Был сталкер, а стал овощ. Излучение там какое-то было, но не пси-аномалии, а искусственного происхождения. Ну, наши-то, проводники, понавешивали там табличек всяких, мол, опасно, не входить, и свалили, пометив на картах завод жирным восклицательным знаком. А однажды забрел туда паренек один, отмычка еще. По незнанию забрел, заблудился. И увидел море трупов. Мутанты, люди, еще хрен пойми что. Струхнул парнишка тогда не хило, да помчался в ближайший лагерь.

Связист заметил, что слова проводнику даются тяжело, будто через силу.

— Никто ему, естественно, не поверил, но старшой все же снарядил рейд. Вернулись те насмерть перепуганные, как смерть бледные. Рассказали обо всем, что видели. Вот с тех пор и считается НИИ «Радиотехники» самым гиблым местом в Зоне, хоть и нет там ни аномалий, ни мутантов...

— А что за парнишка-то? — спросил наемник.

— Я. Я туда забрел много лет назад. И именно я видел все те трупы. Твоя работа, профессор?

Версоцкий тяжело кивнул, но вспомнив, что проводник не может видеть его жеста, сказал:

— Наша.

— Ничего не чувствуете? — напряженно спросил Васильев. — Будто изменилось что-то, а что — непонятно.

Связист огляделся. Ничего нового заметно не было: все тот же хвойный лес по правую руку, из которого выходила ровная ленточка

ухабистой дороги, тянущаяся к проходной института; слева — россыпь холмов с редкими крестами на вершинах.

— Мужики, — послышался позади не на шутку встревоженный голос наемника. — Вы сейчас видите то же, что и я?

Связист посмотрел в направлении, в котором указывал наемник, и оцепенел от ужаса. Из леса, двигаясь друг за другом, подскакивая на ямах, выехали четыре грузовых автомобиля. Отсюда, с расстояния метров в двести пятьдесят, сталкер прекрасно видел горящие фары на темно-зеленых кабинах с прозрачными лобовыми стеклами, за которыми смутно угадывались человеческие силуэты, тенты, цвета под стать кабинам, покрывающие кузов. Петляя на неровностях дороги, грузовики подъехали вплотную к воротам, ведущим на территорию НИИ «Радиотехника». До отряда донеслись три протяжных гудка, после которых створки ворот вздрогнули, словно проснулись, и поползли в разные стороны. После того как грузовики скрылись на территории института, ворота вернулись в изначальное положение и все стихло.

Связист помотал головой. Было? Показалось? Перед глазами снова были заброшенные строения и давно пришедшая в негодность дорога.

— Эт-то что сейчас было? — судорожно сглотнув спросил наемник, вцепившись в автомат так, что костяшки побелели.

— Не знаю, — дрожащим от волнения голосом ответил сталкер, глядя то на наемника, то на проводника. — Неужели, мы снова в прошлое заглянули?

— Скорее всего, — кивнул Васильев. — Ботаник, я тебя ненавижу. Из-за твоей активной молодости мы сейчас в такую историю попали.

— Я туда не пойду! — испуганно сказал наемник, указывая в направлении Центра. — Мы договаривались просто дойти до него, чтобы полковнику на бронепоезде глаза раскрыть. А сейчас я что-то никакого бронепоезда там не вижу.

— Хватит истерить! — сорвался Васильев. — Вместо того чтобы поскорее закончить начатое и убраться отсюда, ты, долбаный козел, ноешь как баба! А в плену у Хантера строил из себя крутого! Куда крутость-то делась, а?

Наемник ничего не ответил. Окинув товарищей злобным взглядом, харкнул на землю и встал замыкающим отряда. Зюзя оглянулся на него со страхом, но безропотно зашагал вперед, когда наемник толкнул его прикладом.

— Железнодорожная ветка подходит к Центру с другой стороны, — сказал Версоцкий. — Надо пройти через территорию.

У ворот института отряд оказался спустя полчаса, миновав по пути с десяток неопасных и хорошо различимых даже днем аномалий. Стоя за спинами Васильева и Версоцкого, Связист внимательно рассматривал научно-исследовательский институт, все больше и больше понимая, насколько он чужд Зоне.

— Давайте все же сперва заглянем в лабораторию, — предложил Версоцкий. — Может Фека-Лом там один или с двумя-тремя помощниками. Тогда все решится само собой, без привлечения полковника.

— Давай, — сразу поддержал его наемник. — Короткая драка и едем домой. Это по мне.

Васильев пожал плечами. Связист кивнул.

Следом за Версоцким, который встал во главе колонны, потеснив Васильева, отряд медленно пошел через двор, к двухэтажному корпусу, что находился в десятке метров справа. Смотреть здесь было не на что: две деревянные, почти что развалившиеся, курилки, расположенные на разных концах НИИ, пара двухэтажных корпусов, стоящих параллельно друг другу, и дворик с памятником Ленину между ними, небольшой сад с яблонями да четырехэтажное общежитие для студентов и преподавателей — все, что представлял из себя НИИ «Радиотехника». На первый взгляд никогда не подумаешь, что здесь, в подземных помещениях, мог располагаться бункер, из которого можно было пытаться контролировать процессы, происходящие в Зоне.

Через несколько минут отряд вошел под укрытие корпуса, расположенного справа от центральных ворот. Первый этаж встретил товарищей запыленным фойе и коридором со множеством дверей, ведущим в обе стороны. Так же справа и слева находилось по лестнице, ступени которых убегали на второй этаж. Огороженный деревянными балками гардероб, по левую руку от входа, поприветствовал людей скрипом вешалок и шелестом

переворачиваемых на ветру страниц какой-то книжки в зеленой обложке.

— Нам туда, — указал направление ученый и первым пошел в сторону лестницы. Последовав вслед за профессором, Связист заметил под лестницей железную дверь, выкрашенную в синий цвет. В ответ на удивленные взгляды сопровождающих, Версоцкий пояснил:

— Да, это и есть вход в Центр.

— Маловат, — заметил наемник. — Как аппаратуру затаскивали?

— Зато непримечателен, — парировал ученый. — В разобранном, естественно, виде. Все собиралось внутри, вручную. Странно, но я почему-то не вижу свежих следов.

Версоцкий взялся за дверную ручку, посмотрел на товарищей и потянул дверь на себя. Та, натужно скрепя ржавыми, давно позабывшими, что такое смазка, петлями, нехотя поддалась, образовав между собой и косяком проем, достаточный, чтобы туда мог легко протиснуться человек.

— Ну что, внутрь? — риторически спросил Связист.

— Угу, — мрачно пробурчал наемник, принимая из рук проводника налобный фонарик. — И покончим с этим побыстрей.

— Зюзя, не ходи с нами, — сказал Версоцкий. — Нечего тебе там делать.

37

После часового перерыва снова взялись за поиски новой тропы. Туман и не думал рассеиваться, и постепенно Костя к нему даже начал привыкать. Сплошная белая каша вокруг с редкими высверками прячущихся среди болотных кочек аномалий и темными движущимися пятнами вместо людей.

С Топором и Михой втроем они переходили с места на место, чавкая болотной жижей, и бросали раз за разом веревки, камешки, куски торфа, маленькие деревяшки. Кроме них в качестве помощницы привлекали еще Наташку, у которой получалось время от времени определить опасное направление, а остальные оказались совершенно бесполезны, как сталкеры. Поэтому Топор емко высказался, что не стоит мучить ту часть организма, которая в данный момент не используется, и поручил Вадику и ефрейтору заниматься исключительно охраной. Марине задач поставлено не было и она просто брела в нужном направлении, когда поступала команда, и сидела на рюкзаке, когда команды идти не было.

Топор после произошедшего был на удивление спокоен, и даже задумчив. Когда Вадик обратил внимание на потемневшую ткань самого низа штанин и предложил обработать ожоги, сталкер просто послал его, не особо стесняясь в выражениях, но без лишнего энтузиазма, и снова погрузился в свои мысли.

Оживился он только однажды, когда легкий ветерок немного разогнал туман и в длинном коридоре, образовавшемся в сплошном туманном массиве, стал виден островок посреди болота, на котором росли две старые елки. Все случилось одномоментно: Костя ощутил порыв ветра, повернул голову и заметил, как туман выдувает во все стороны, словно кто-то положил вдруг невидимую трубу, непроницаемую для тумана. Метрах в трехстах, по крохотному островку двигались люди. Их было человек десять, шли они медленно, с трудом переставляя ноги, и как-то очень хорошо было понятно, что в Зоне они такие же случайные пассажиры. Буквально несколько секунд их было видно предельно отчетливо, а потом ветер стих, и туман снова затянул все видимое пространство. Вот тут-то Костя и обратил

внимание на странную реакцию Топора. Он побледнел так, что это было заметно посреди океана тумана, и приложил руку к груди, словно хотел унять сердцебиение. Рядом в этот момент никого не было, и Костя с тревогой смотрел на сталкера, боясь, что с ним что-то может случиться, но не решаясь ни о чем спрашивать.

— Ты видел людей? — спросил внезапно Топор. — Там. На островке.

— Видел, — сказал Костя. — Может привлечем их внимание, постреляем в воздух? Мне кажется, у них что-то не в порядке. Такое впечатление, что они потеряли своего проводника — не видел никого, кто хотя бы примерно разведывал дорогу.

— Да, мне тоже показалось, что это туристы и без проводника, — тихо сказал Топор.

Костя смотрел на Топора и не узнавал его. Сталкер выглядел так, словно собирался ногой проверить работу «гравитушки», но сомневался: стоит ли идти на самоубийственный шаг?

— Что происходит, Топор? — спросил он.

— Ничего, это мои личные заморочки, — решительно сказал сталкер.

— Давай их догоним и объединимся — народу будет больше, больше шансов на успех.

— В Зоне эта логика может действовать совсем не так, как ты рассчитываешь, — сказал Топор таким тоном, что стало ясно: никого они догонять не будут и объединяться ни с кем не станут. — Смотри внимательнее, пока ты со мной говорил, слева от тебя вихревой поток появлялся на секунду. А это, между прочим, явный признак «ноголомки». Думаешь, понесем тебя, если ноги станут похожими на тесто? Даже не рассчитывай, лично пристрелю.

Снова потянулись бесконечные кочки, лужи с водой и сухие деревца. Мимо некоторых из них приходилось проходить не раз, и даже не два, возвращаясь из тупиковых ходов между аномалиями. В какой-то момент Топор ушел вперед дальше, чем обычно, а когда Костя хотел догнать его, то обнаружил, что между ним и сталкером в болоте образовалась глубокая яма, стремительно растущая в ширину и глубину.

— Топор! — в страхе закричал Костя и принялся отступать от приближающегося края расщелины.

А за ним начал пятиться назад и весь отряд.

Топор быстро вернулся обратно и остановился в нерешительности: перепрыгнуть через такое расстояние с рюкзаком казалось практически невозможным. Костя беспомощно смотрел на сталкера, понимая, что в этот раз они уже точно остаются без проводника.

Топор обернулся. За его спиной туман слегка разошелся, открывая вид на не такой уж и далекий лес.

Резко сдернув с плеч рюкзак, Топор несколько раз качнул им, примериваясь, и вдруг с размаху бросил его в трещину. Косте показалось, что сталкер сошел с ума, но в этот момент выяснилось, что Топор не отпустил рюкзак, а использовал его как балансир и противовес. Рюкзак на мгновение повис над трещиной, следом, в каком-то акробатическом пируэте маятником мелькнули ноги Топора и сталкер приземлился на другой стороне трещины в шаге от Кости. И чуть не полетел вниз, но его успели схватить за куртку и оттащили подальше от края.

— Уходим, уходим, — прохрипел Топор, поднял рюкзак и первым двинулся в обратную сторону.

Еще минут пятнадцать он ни с кем не говорил и только дышал все чаще и тяжелее. Костя уже было подумал, что сталкер надорвался, но оказалось, что тот просто злился. И когда сталкер бросил свой рюкзак, Костя даже отступил назад, устрашенный гримасой ярости на лице Топора.

— Чего ты добиваешься?! — заорал Топор куда-то вверх, словно пытался докричаться до кого-то, живущего на небе. — Чтобы все повторилось?! Не повторится! Не будет этого! Все иначе! Я лучше сдохну! Поняла? Поняла, тварь?!

Отряд в замешательстве остановился. Никто не решался ни о чем спросить. А Топор, словно моментально растеряв всю ярость, закрыл лицо руками и несколько минут стоял неподвижно. Потом вздохнул и, как ни в чем не бывало, сказал:

— Все нормально. Идем дальше.

Еще через час, когда все уже буквально падали с ног от усталости, Топор подозвал к себе Костю и Миху и сказал:

— Парни, вам придется поработать без меня. Мы конкретно заплутали, я теперь даже примерно не знаю, в какой стороне находится

то место, куда мы чуть не вышли. А ловушки теперь мерещатся буквально везде. Это добром не кончится. Поэтому, я составлю компанию Марине. А вы поищите дорогу. А меня зовите, только если будут серьезные сомнения.

— Хорошо, шеф, — сразу сказал Миха, а Костя просто кивнул. Тратить силы на пустую реплику не хотелось.

По счастью, им очень быстро повезло найти совсем узкий проход между двумя дырками в земле, из которых вверх буквально били струи пара. И вскоре вода под ногами исчезла, а туман начал редеть. Подъем в гору дался тяжело всем, но труднее всего пришлось Наташке, у которой под тяжестью рюкзака уже подгибались ноги, а руками она то и дело касалась земли. Зато оказавшись выше уровня тумана, отряд смог по достоинству оценить масштабность «спецэффектов» Зоны.

Огромная низина, полностью покрытая туманом, выглядела молочным морем, в котором были видны лишь высохшие верхушки одиноких деревьев да редкие высокие островки-холмики, на которых теснились небольшие зеленые рощицы. На один из таких островков им и удалось подняться.

— Дальше не пойдем, — сказал Топор, оглядев измученные лица людей. — Вот сейчас каркасные палатки-то нам и пригодятся.

Полянка на холме, покрытом высокими соснами, показалась сталкеру подходящей настолько, что он чуть ли не с одного взгляда утвердился в намерении ночевать именно здесь.

— Спать будем в трех палатках, — сказал Топор, — и без дежурного. Собственно, именно потому и в трех, что без дежурного. Ставить палатки надо так, чтобы торцевая стенка упиралась в дерево. А из обоих боковых окон должны простреливаться подходы к двум другим палаткам. Но так, чтобы по самим палаткам стрелять было крайне неудобно. Кто сможет решить такую логистическую задачу?

— Я могу, — вызвалась Марина и сразу же начала мерить поляну шагами.

— Топор, — сказал Миха, — я не понял. Костра палить не станем. Караулить никто не будет. А случись чего? По соседним палаткам будем стрелять? Чтоб товарищи по несчастью не мучились?

— «Случись чего», это чего? — спросил Топор с кривой усмешкой.

— Ну, бандиты нападут, — смущенно сказал Миха.

— А откуда бандиты узнают, что мы здесь, если у нас костра ночью не будет? — спросил Топор.

— Ну... Случайно наткнутся.

— С тем же успехом нам на голову может метеорит свалиться. Риск есть, но маловероятно, — безапелляционно сказал Топор, сбрасывая рюкзак на землю, покрытую толстым слоем коричневой хвои.

— Мутанты? — вставил слово Хиженков.

— Какие именно мутанты? — снова уточнил Топор и принялся вытаскивать из рюкзака мешки с припасами.

— Дикие собаки, например, — сказал Миха.

— Палатку собака не порвет, прогрызть не сумеет. Свалить, как старые модели с колышками, каркасную палатку нельзя. Стреляй через окна, как в тире, — пожал плечами Топор.

— Кабаны, — сказал Хиженков. — Я видел, какие у них клыки. Не всякий нож такого размера бывает.

— Кабаны не хищники, нападать на палатку просто так не станут, — сказал Топор.

— Болотный медведь, — снова сказал Хиженков, вспомнив недавний ужас, испытанный всеми на болоте.

— А ты в курсе, что это вовсе не медведь? А ты знаешь, что он не отходит от большой воды дальше, чем на километр? И терпеть не может лазить вверх по холмам? Что еще?

— Крысы, — осторожно сказал Костя, которому доводилось слышать жуткие истории про мутировавших грызунов, пожирающих все на своем пути.

— И что против крыс сможет сделать дежурный? — спросил Топор. — А в палаточной ткани, как мне сказал Кудыкин, у нас вшиты кевларовые нити. Кто в палатках точно не страшен, так это крысы.

— Зачем этот дурацкий разговор? — спросила Марина с другого конца поляны. — Вам сталкер говорит, что надо сделать для правильной ночевки. Он что, вас еще и убеждать при этом должен?

Топор с легкой улыбкой посмотрел на Марину, но ничего не сказал.

Когда первые сумерки только тронули серое небо, меж огромных, как столбы, подпирающие небесную твердь, сосен уже стояли три

палатки, а костер, на котором был приготовлен нехитрый ужин, давно потушен.

Ощущая, как по уставшему телу разливается расслабляющая тяжесть после ужина, Костя вдруг ощутил совершенно необъяснимое умиротворение. Зона перестала казаться ему чем-то страшным и непознанным. За прошедший день они с Топором и Михой неоднократно решали все возникавшие задачи, и это означало, что через день, максимум — два, они все равно выйдут к Периметру и вызовут подмогу осажденному бронепоезду.

Приобняв за плечи Наташку, доверчиво положившую голову ему на плечо, Костя смотрел в сумрачную темноту леса, не испытывая ни малейшего страха перед его опасностями.

Вскоре Топор предложил разделиться по палаткам и немедленно ложиться спать.

— Вставать надо раньше, чем рассветет, — сказал он. — Это даст максимальное время светлого хода. При известном везении, еще одна ночевка в Зоне не понадобится. В каждой палатке должен быть стрелок, так что давайте без игр в «мальчиков и девочек».

— Я с Костей, — первой, быстро сказала Наташка.

— Давайте и я с вами, — предложил Вадик.

Хиженков встал рядом с Михой.

И в центре общего внимания оказалась Марина. Она беспомощно огляделась, но потом решительно тряхнула головой и встала рядом с Хиженковым и Михой. Топор смотрел на две группы людей своего отряда, ни один из которых не хотел находиться с ним в одной палатке, и лицо его все больше расплывалось в кривой ухмылке. Не говоря ни слова, он принялся перетаскивать вещи в свою палатку. Стараясь не смотреть друг другу в глаза, словно в чем-то провинились, остальные члены отряда тоже взялись за вещи, и вскоре небольшая поляна опустела.

Топор закидал кострище землей, нагреб сверху большую кучу палой хвои и удовлетворенно оглядел лагерь.

— Вот теперь можно и на боковую, — бодро сказал он и ушел в свою палатку.

Несмотря на тяжелый день, заснуть никак не получалось. Наташка, укрытая вместе с ним одной курткой, давно ровно дышала во сне, ровно похрапывал Вадик, а вот Косте сон не шел. Виноват в этом

отчасти был и крайне тяжелый день, после которого все мышцы жаловались на неподъемную работу, и пережитые стрессы, и, само собой, страх перед ночевкой в Зоне, где человека от предельно враждебного мира отделяла лишь тонкая стенка палатки.

В бесплодных попытках уснуть прошло около часа. Если бы дело происходило в обычном лесу, Костя давно бы вылез наружу и устроился рядом с костром. Но здесь все было иначе. Поэтому ему оставалось лишь выдумывать разные скучные задачки, чтобы успокоить взбудораженное сознание.

И когда где-то в ночи прозвучало слабое «Помогите!», он не только сразу услышал, но и тут же поднялся, тревожно прислушиваясь. Несколько секунд прошло в томительной тишине. И вдруг снова, уже более отчетливый то ли крик, то ли стон:

— Помогиииииите!

Костя растолкал Вадика. Тот, почти в невменяемом состоянии, сидел, похожий на тумбочку.

— Помогиите!

— Слышал? — зашипел Костя на ухо Вадику, который, казалось, вот-вот захрапит сидя.

Адреналин уже вовсю гулял по жилам, вызывая учащенное сердцебиение и выдавливая холодный пот на спине.

— Слышал, — неожиданно нормальным голосом тихо ответил Вадик и медленно пронес мимо Костиного лица руку с пистолетом. Вместе они выбрались из палатки.

Вопреки ожиданиям, темнота не была непроглядной. Костя различал стволы деревьев вокруг поляны, контуры палаток и пятачок чуть более светлого, чем окружающий фон, неба над головой. Потом глаза стали различать чуть больше подробностей, особенно, когда стали видны едва заметные вспышки света в монолитно-черной, казалось бы, стене леса. Среди едва различимых звуков, отчетливее всего был слышен треск в электрических аномалиях. Но человеческих голосов больше слышно не было.

— И что предлагаешь делать? — спросил Вадик.

— Не знаю, — растерянно сказал Костя.

— Помогите! — прозвучало настолько отчетливо, что оба синхронно дернулись от неожиданности.

— Там! — показал Вадик пистолетом в темноту.

— Погоди! — Костя метнулся в свою палатку, схватил автомат и вернулся обратно. — Пошли.

— Эй, кому помощь нужна? — встав за дерево, громко спросил Вадик.

— Нас проводник бросил, — донеслось из темноты. — Мы умираем, — мужской голос был настолько уставшим и наполнен таким страданием, что Костя моментально проникся сочувствием.

— А сколько вас? — спросил Вадик.

В наступившей тишине было слышно, как хлопает где-то в лесу беспокойная аномалия. Никто Вадику не ответил, и он повторил свой вопрос.

— Эй, где вы там! — крикнул Вадик, подождал немного и повернулся к Косте. — Буди Топора, надо вопрос решать. А без него я что-то очкую.

— Сразу надо было будить, — сказал Топор у них за спиной.

Пока Костя рассказывал причины ночного переполоха, к ним подошла заспанная Марина, но в разговор вмешиваться не стала — просто стояла и слушала.

— Эй! — крикнул Топор в темноту, выслушав Костю. — Кому помощь была нужна? Отзовитесь!

Ответом была тишина. Костя почувствовал, как его насквозь пробирает озноб.

— Так и сказали: проводник бросил? — мрачно уточнил Топор.

— Да. А еще сказали, что умирают, — подсказал Вадик.

— Надо идти, посмотреть, что там, — заволновался Костя. — Он, наверное, сознание потерял.

— А ты уверен, что это человек говорил? — спросил Топор, и от звука его замогильного голоса Косте стало по-настоящему страшно.

С Топором явно творилось что-то неладное, но он держал себя в руках, хоть и выглядел подавленным и растерянным.

— Ты хоть знаешь, сколько тварей в Зоне может говорить человеческими голосами? — спросил Топор. — Иди, я тебе даже в спину подсвечу. Но больше никто не пойдет. Готов?

Представив, что ему сейчас придется в одиночку шагнуть в черноту леса, Костя отчаянно замотал головой. Но через несколько секунд упрямо сказал:

— А если это те самые, которые заблудились? Если они на грани выживания?

— Мы тоже на грани выживания, — оборвал его Топор. — Тот факт, что мы почти культурно поужинали и спим в палатках, еще не говорит о том, что у нас все наладилось. И если мы сейчас добровольно повесим на себя хоть одного больного и малоподвижного ходока, считай, что до Периметра нам не дойти гарантированно.

Он резко развернулся и пошел в свою палатку.

— Эй, — растерянно сказал Вадик, — а чего делать-то теперь? Если там что-то опасное, оно ведь уже знает, что мы здесь. А ну как нападет, пока спим?

Топор остановился и растерянно посмотрел на него.

— Ты прав, — сказал он наконец. — Ну вот вы с Костей не спите уже — начнем дежурство с кого-нибудь из вас. Как невмоготу дежурному сидеть станет, пускай следующего будит. Костер не разводить, оружие держать под рукой, а сидеть можно где угодно, хоть в палатке. Только не спать и посматривать. Тут вроде минимального освещения хватает.

Он скрылся в своей палатке. Ушла к себе и Марина. Вадик тут же вытащил монетку, и после нехитрого жребия первым дежурить выпало Косте. Через минуту Костя остался один. Он сходил в палатку, осторожно, чтобы не разбудить Наташку, вытащил рюкзак и расположился рядом с палаткой Топора, пристроив автомат на коленях. Страх отступил, но стоило подумать о том, что там, в темноте, окружающей поляну, сейчас, возможно, крадется какая-то тварь, умеющая говорить по-человечески, страх возвращался и начинал терзать Костю с удвоенной силой.

Минут через двадцать ему снова послышался странный звук. Он встрепенулся и поднял автомат. Но звук шел не из леса, а из палатки Топора. Пораженный Костя прислушался. Судя по всему, Топор вместо отдыха занимался совершенно не свойственным для мужчин делом.

Он плакал.

Потрясенный до глубины души, Костя пялился на палатку и не знал, что делать. Про опасность, таящуюся в ночи, он и думать забыл.

Откуда-то из темноты появилась Марина и, не глядя на Костю, сунула руку в палатку Топора, открыла клапан и забралась внутрь. Сдавленные мужские рыдания стихли.

— Что происходит? — тихо, но предельно жестким голосом, спросила Марина. — Давай, выкладывай все начистоту. А то нам все втираешь про огромную важность для выживания каждой мелочи, но при этом бродишь по Зоне, как сундук с неожиданностями и загадками. Все рассказывай, до последней мелочи!

— Мне не надо было вести отряд, — пошмыгав носом, слабым голосом сказал Топор. — Она на меня охотится. Вас это все не должно касаться.

— Да слышала я уже эту ахинею! — зло сказала Марина. — Рассказывай, с самого начала.

Костя навострил уши и пересел поближе к палатке.

— Много лет назад я подвязался проводником к группе туристов, — просто сказал Топор. — И бросил их на произвол судьбы, когда потребовалось рисковать жизнью. А Зона такого не прощает. Это всем известно. Будь ты хоть трижды ветеран, обросший легендами, за любое малодушие Она карает так же, как и любого неопытного новичка. И когда я понял, что помимо вечных угрызений совести мне предстоит еще и постоянно опасаться за свою жизнь, я сбежал. Бросил сталкерство, уехал на другой конец страны, сделал карьеру. Только все бесполезно. Видишь, еще неделю назад я был далеко не самый последний человек в государстве, а теперь сижу посреди Зоны в палатке, лью слезы и точно знаю, что живым мне отсюда не выбраться. И что странно, мне уже плевать. Даже легче стало. Столько лет словно грузовик с кирпичами на душе стоял. А вот вернулся оплатить счета, хоть цена мне хорошо известна, и полегчало. Вот и вся история.

Установилась тишина. Потом чиркнула зажигалка, потянуло табачным дымом. Изумленный до глубины души Костя поднялся, сунул голову в палатку и тоже попросил сигарету.

— Извините, я все подслушал, — честно сказал он, глубоко затягиваясь и опасаясь, что рассердит своим признанием Топора. — Но с твоей стороны было бы честно сразу все рассказать. Хоть и не думаю, что мы после этого поступили бы иначе.

Топор и не думал сердиться.

— Почему? — спросил он с недоумением. — Без меня вам грозило бы куда меньше опасностей.

— Потому, что это было бы малодушием уже с нашей стороны, — сказал Костя. — Но если я тебя правильно понимал все эти дни, то

даже если трус уходит на Запасной путь, его все равно там поджидает его собственная судьба. Поэтому, откажись мы идти с тобой — и нам кранты наступили бы гарантированно. Или, если хочешь, никакой судьбы нет, нужно искать более легкий путь всегда, но тогда и никакого проклятия на тебе нет. Как и призраков давно погибших людей. Выбирай сам.

— Надо же, — медленно сказал Топор. — Ты за пару дней в Зоне понял больше, чем я за всю жизнь. Не знаю пока, как быть. Мне надо подумать.

— Так ты думаешь, что все эти люди вдалеке, и голоса в ночи — это призраки оставленных тобой туристов? — догадалась, наконец, Марина.

— Боюсь, что так, — понуро сказал Топор. — И ходят они вокруг не для того, чтобы мы их спасли, а как напоминание о неправильном поступке.

Совершенно неожиданно для всех, Марина пересела к Топору поближе, обняла его и сказала:

— Никаких призраков не существует. Ты просто слишком долго об этом думал.

Потом повернула голову к обалдевшему Косте и совсем другим голосом добавила:

— А ну брысь отсюда, мелюзга. Нечего за взрослыми подслушивать и подглядывать.

Костя выбрался на улицу, посидел еще немного, пытаясь осмыслить услышанное за последний час, и уже собрался идти будить Вадика, как вдруг откуда-то из темноты снова донесся полный муки голос:

— Ну помогите же кто-нибудь!

В испуге Костя вскочил на ноги. Из палатки тут же выбрался Топор и встал рядом, глядя в темноту. Через пару секунд за его спиной бесшумно появилась Марина.

— Надо посмотреть все-таки, что это такое, — сказал Топор, беря наизготовку автомат. — Если призраков нет, значит это либо действительно туристы, либо нечисть, по которой давно пуля плачет. Марина, принеси фонарь. Костя, не забоишься сходить на разведку?

— С тобой — не забоюсь, — твердо ответил Костя.

Топор внимательно посмотрел ему в лицо, словно ища подвох, потом фыркнул и зашагал в темноту. Костя быстро растолкал Вадика и побежал за Топором.

Включать фонарь Топор не разрешил.

— Если это не призраки, я не хочу, чтобы нас увидели издалека, — сказал он тихим голосом Марине. — Но как скомандую — сразу врубай.

Отойдя от стоянки метров на пятьдесят, они вынуждены были остановиться: в этом месте верхушку холма разрубал надвое глубокий овраг, дно которого оставалось невидимым из-за густого тумана. Лишь яркие синие и желтые огни бесшумно полыхали в тумане, как молнии во время тропических гроз.

А по другую сторону оврага, по самому его краю, шли люди. Их было человек десять-двенадцать, и, судя по внешнему виду, больше всего они походили на туристов. Их силуэты хорошо подсвечивались аномалиями из оврага. Туман не давал разглядеть их в подробностях, но Топор вдруг слабо охнул и буквально распластался на земле. Испугавшись его реакции, Марина тоже быстро присела, чтобы остаться незамеченной, а когда осмелилась посмотреть, люди уже ушли. Костя так и остался стоять с приоткрытым ртом, не успев понять, что именно произошло.

— Эй, — сказала Марина шепотом, легонько толкая Топора кончиками пальцев в плечо. — Чего испугался?

— Это они, — прошептал в ответ Топор, осторожно приподнимая голову.

— Кто «они»?

— Призраки! Я узнал двоих из них! Это точно они!

Он медленно поднялся с земли и, шатаясь как пьяный, побрел обратно в лагерь. Костя и Марина двинулись следом.

Вернувшись к палаткам, Топор вдруг резко сказал:

— Не ходите за мной. И утешать меня тоже не надо. Я снова проявил слабость, когда вдруг пытался поверить, что нет проклятья, а все вокруг не сложнее того, что видят глаза. Я вполне адекватен и отдаю отчет всем своим действиям. Командование общими вопросами передаю, как и прежде, Михе. А проводником будет Костя.

Он постоял еще несколько секунд, словно собираясь с силами, и добавил:

— Спасибо, Марин. Наверное, только благодаря тебе я нашел, наконец, то, что потерял в молодости. А ты Костя не тушуйся и не бойся аномалий. Тебе никто, кроме меня, этого не скажет, поэтому... Ты стал настоящим сталкером. И здесь это — высшая похвала.

Затем он быстро зашел в палатку, вытащил оттуда рюкзак и вывалил все его содержимое на землю. Из груды вещей он вытащил старую темно-зеленую бандану и ловко повязал на голову.

— Это моя старая, боевая, — подмигнул он с улыбкой Косте и Марине.

— Эй, шеф, — сказал в полном недоумении Вадик. — А ты чего автомат оставил и пистоль выложил? А ножи зачем бросил?!

— Усохни, тельник, — весело сказал Топор. — Клиент знает, что делает.

— Помогите! — донеслось заунывное из ночного сумрака. — Мы потеряли проводника!

— Иду-иду! — закричал Топор. — Я уже нашелся! Ждите меня!

Он хлопнул по плечу Костю, чмокнул в щеку Марину и быстро ушел в темноту.

— Погоди, шеф! — заорал Вадик. — Я прикрою!

Он схватил фонарь и бросился следом.

На растревоженный суетой и криками лес вновь опустилась тишина.

Вадик вернулся минут через пятнадцать, когда все спавшие уже проснулись, посреди поляны горел яркий костер, а Миха с Хиженковым собирались на поиски. Устало опустившись на землю возле огня, исцарапанный и грязный Вадик чуть не плакал от досады:

— Совсем немного не успел! Видел его пару раз впереди, а потом раз — и не вижу уже. А куда ушел — не пойму. Все вокруг оббегал. Раза четыре чуть в ловушку не загремел, раз огнем плюнуло даже, еле увернулся.

От Вадика действительно пахло паленными волосами.

— Миха, принимай командование, — устало сказала Марина. — А утром будем решать, что делать дальше.

И ушла в палатку Топора.

— Костя, а куда ушел Роман Андреевич? — испуганно спросила Наташка.

— Туда, где нет страха, — сказал Костя и отвернулся, чтобы скрыть навернувшиеся слезы.

38

Бункер встретил небольшую процессию могильным холодом, кромешной темнотой и сыростью. Все поочередно включили фонарики, чтобы хоть как-то разогнать тьму. В бледных лучах света стали видны бетонные стены, укрепленные арматурой, пол с толстым слоем пыли и потолок с люминесцентными лампами через каждые пятнадцать-двадцать шагов. Где-то вдалеке капала вода. Звук срывающихся с потолка капель, отражаясь от стен, эхом проносился по коридору, нагоняя страх на пришедших сюда людей.

— Оптимистичненько, — полушепотом произнес сталкер, но звук все равно получился непривычно громким. — Идем?

Судя по тому, как покачнулся налобник на голове профессора, Связист понял, что тот кивнул. Осторожно делая шаг за шагом, Версоцкий пошел вперед, освещая пол и стены лучом фонаря. Связист со товарищи двинулись следом.

Вскоре коридор закончился, разделяясь на два рукава, которые уходили влево и вправо. В конце правого коридора виднелся темный силуэт двери с наклейкой в виде пары молний в желтом треугольнике. Как понял сталкер, там была электрощитовая. Версоцкий остановился, что-то рассматривая перед собой. Васильев нетерпеливо топтался на месте, вертел головой из стороны в сторону, отчего луч его фонаря скакал по потолку, полу и стенам будто сумасшедший заяц.

— Куда дальше, — не выдержал наемник. — Чего стоим?

Профессор ничего не ответил — просто пошел влево. Процессия двинулась следом, но вскоре уперлась в железную дверь с кодовым замком. Подсвечивая себе налобником, ученый нажал несколько клавиш на электронном замке — безрезультатно. Ни один из индикаторов, коих было четыре, не загорелся.

— Обесточено, — вынес вердикт Версоцкий, поворачиваясь к товарищам. — Раньше здесь никогда не обесточивали. Энергия-то дармовая. В правом коридоре электрощитовая. Нужно сходить и поднять все рубильники вверх. Тогда будет свет и я смогу открыть дверь.

— А зачем туда теперь идти? — спросил наемник. — Получается, что ты, ботаник, напутал что-то.

— Ну, раз уж мы здесь, чего бы не заглянуть? — спросил Версоцкий.

— Я смотаюсь, ждите здесь, — вызвался Связист. Посмотрел на проводника. — Ствол вернешь? Больше шалить не буду, обещаю.

Васильев протянул сталкеру автомат. Приняв оружие, Связист развернулся и, освещая себе путь, побрел в сторону разветвления, где несколькими минутами ранее он видел дверь электрощитовой. Вскоре товарищи остались за спиной: не стало слышно голосов, а когда Связист обернулся, то не увидел и света фонарей. Ускорив темп ходьбы, сталкер дошел до двери с двумя молниями. Открыть ее не составило труда. Рванув вверх все четыре рубильника, Связист принялся ждать. Сначала ничего не происходило, и когда сталкер было отчаялся, что вся затея пошла прахом, над головой что-то зажужжало и одна за одной стали загораться лампы. Довольно улыбнувшись себе под нос, сталкер прикрыл дверцу и пошел назад, к товарищам.

Идти по освещенному коридору было гораздо приятнее, чем по полутемному туннелю. Чтобы не тратить зря заряд фонарика, сталкер благоразумно его выключил, быстро шагая к заждавшемуся его отряду. Но, что странно, никого из своих Связист не видел и не слышал, хотя идти было совсем недалеко. Только звук падающих капель нарушал тишину подземелья, отчего становилось жутко, несмотря на освещение.

Что-то явно пошло не так. Сталкер это даже не чувствовал, а твердо знал. По идее, он уже давно должен был нагнать своих товарищей, но нет! Ни впереди, ни позади никого. Мысль о том, что он заблудился, Связист отбросил сразу: негде тут блуждать! Он никуда не сворачивал — коридор тянулся сплошной прямой кишкой, без каких-либо ответвлений. А может, товарищи не дождались его и пошли вперед, зная, что сталкер их догонит? Глупость какая! Куда ушли, если перед ними была запертая дверь?! Допустим, Версоцкий ее открыл, но почему Связист не видел этой самой двери?

Что, черт побери, происходит?!

Сталкер чувствовал, что начинает паниковать. Заплутать в подземелье, в котором на данный момент заплутать невозможно в принципе, в его планы никак не входило. Связист знал, что товарищи

не могли его бросить, а значит они где-то здесь, рядом. Может, он, задумавшись, случайно свернул куда-то, но сам этого не заметил, а Версоцкий с остальными его ищут? Надо как-то дать о себе знать. Набрав в легкие побольше воздуха, Связист что есть мочи заорал. Его крик, громогласным эхом отражаясь от стен, понесся в глубину прямого как стрела коридора, пока не стих где-то вдалеке. Сталкер прислушался, ожидая ответа. Безрезультатно. Почему они молчат? Не услышали? Нужно произвести побольше шума, но как? Взгляд сталкера упал на автомат, который он крепко сжимал в руках. Ну ведь точно! Выстрел из АК даже глухой услышит! Уперев приклад в плечо, сталкер слегка приподнял ствол вверх, чтобы, если вдруг кто-то из своих будет находиться впереди, не пристрелить ненароком, и вдавил спусковой крючок. Выстрел в замкнутом пространстве был подобен раскату грома в момент пиковой активности грозы, и на миг оглушил сталкера. Пуля улетела в глубь коридора. Было слышно, как она врезалась в стену и срикошетила куда-то.

И снова ничего. Никакого ответа. Чтобы хоть как-то сбросить эмоциональное напряжение, сталкер зло и витиевато выругался, пнул носком ботинка валяющийся на полу осколок кирпича и, держа автомат наготове, пошел в глубь коридора, навстречу неизвестности.

Идти пришлось долго. Навскидку часа два, а может, и больше. Сталкер изрядно устал, захотелось пить. Вдобавок ко всему на Связиста напал приступ клаустрофобии, которой раньше у себя он никогда не замечал. С каждым шагом пространство вокруг будто становилось у2же, казалось, что еще минута или две ходьбы и потолок рухнет на голову, размазав по бетонному полу. Мысленно сталкер понимал, что коридор не может быть прямым вечно, но факты указывали на обратное: ни поворота, ни хотя бы двери. Сплошная кишка, ведущая хрен знает куда.

Не в силах больше идти, сталкер сел на пыльный пол и уронил голову на колени. Наступила абсолютная апатия ко всему происходящему. Черт с ними, будь что будет! Искорка надежды выбраться из подземелья, еще минуту назад тлевшая угольком в подсознании Связиста, окончательно угасла. Выхода попросту не было. И ждать нечего. Никто не придет и не спасет. В ближайших перспективах лишь одно: смерть. От голода или жажды — неважно. Но это неминуемо. Сколько он еще продержится? День, или два? Пока

окончательно не ослабнет и не рухнет, обессиленный. А сколько уже продержался? Сколько он идет? Час? Три? День? Бесконечная череда вопросов мучила сталкера, разрывая голову изнутри, а перед закрытыми глазами время от времени мелькал силуэт в плаще. Тот самый, с косой.

«Застрелиться, что ли?» — пронеслась шальная мысль.

— Хрен вам всем, суки! — задрав голову к потолку, во всю глотку заорал сталкер. Схватил попавшийся под руку обломок чего-то металлического и, не глядя, швырнул по ходу движения. Через секунду что-то звякнуло, послышался звук удара. Связист резко повернул голову в сторону, куда только что кинул металлический обломок. В пяти метрах перед ним была стена...

Поворот! Коридор резко изгибался, сворачивая вправо.

Окрыленный внезапной и необъяснимой удачей, сталкер вскочил на ноги, подхватил автомат и стремглав бросился по коридору. Свернул. Все та же прямая кишка, уносящаяся далеко вперед, но на этот раз не сплошная: в левой стене виднелась открытая железная дверь, ведущая в какое-то помещение, из которого лился свет. Со всех ног Связист бросился к ней, и через минуту оказался в просторном зале, уставленном разномастной аппаратурой. Чего тут только не было! Огромными жидкокристаллическими мониторами была увешана вся стена по правую от сталкера руку, слева находились ряды столов, на которых стояли какие-то устройства, предназначение коих сталкеру было непонятно. Огромное множество чертежей, графиков и карт покрывало пол. Системные блоки, датчики, кресла, оплетенные сетью проводов, и криокамеры были выставлены по периметру помещения. Связист стоял с открытым ртом, стараясь унять дыхание и думая, что делать дальше.

Открытую дверь по другую сторону лаборатории сталкер заметил лишь тогда, когда с той стороны послышались приближающиеся голоса. Неизвестных было несколько, скорее всего трое. Не теряя времени, сталкер спрятался за ближайшую к нему криокамеру, прижал к себе автомат и осторожно выглянул, ожидая, что будет дальше.

Через минуту в помещение зашли трое, как и предполагал Связист. Наемник, Версоцкий и Васильев. Все перемазанные какой-то липкой дрянью, а у ученого даже разодран бок комбинезона и из-под него выступает кровь.

— Что дальше, ботаник? — грубо спросил наемник. Сталкер заметил, что тот прикладывает максимум усилий, чтобы не сорваться на крик. — Делай свое дело и валим отсюда!

Сталкер не понимал, что произошло с товарищами, но все равно был чертовски рад их видеть. Примирительно подняв руки вверх, он, радостно улыбаясь, вышел из своего укрытия.

Автомат, пистолет-пулемет и пистолет мгновенно повернулись в его сторону. На вытянутых от удивления лицах товарищей застыла маска неописуемого ужаса. Связист медленно опустил руки, не понимая, что происходит.

— Что за дела? — тихо прошептал наемник. Его палец дрожал на спусковом крючке.

— Это так вы встречаете приятеля? — укоризненно сказал сталкер. — Сами свалили, а я...

— Ты же погиб! Сдох! Тебя только что мутанты порвали! — крикнул Васильев. — Кто ты? Отвечай, а не то пристрелю!

— Связист я, идиоты, — с нешуточной злобой произнес сталкер. Вся радость от встречи куда-то улетучилась.

— Не может этого быть! — прошептал Версоцкий. — Связист погиб у меня на глазах: в коридоре мы нарвались на логово ловцов, и там...

— Да жив я! Нет здесь никаких ловцов, вы меня оставили, а я...

— Докажи, — нацелив пистолет в грудь сталкера, потребовал проводник.

— Как? — приподняв бровь, спросил Связист.

— Скажи то, что знаем только мы с тобой.

— Ну ладно, — пожал плечами сталкер. — За день до ухода с базы бандитов, когда я вышел из кабинета Хантера, ты дал мне несколько советов, чтобы у меня получилось сбежать. Хватит, или еще трусы снять?

— Как же так? — Васильев опустил ствол, его примеру последовали и остальные.

— Рассказывайте, что у вас произошло? — сделав несколько шагов навстречу, приказал Связист.

— После того, как вы... ты включил электричество и вернулся, я открыл дверь и мы пошли дальше, — дрожащим голосом начал Версоцкий. — Все шло по плану, хотя ты и наемник начали

подозревать, что в бункере давно никого нет: пыльный, без человеческих следов пол, обесточенное помещение... Но я настоял на том, чтобы убедиться в этом. Недалеко от этой, центральной лаборатории, мы вышли прямо на логово ловцов. Их там было штук пять, не меньше. Я не знаю, что они тут делали и чем питались, хотя, видимо, нашли где-то рядом выход и выбирались на охоту... Не суть... В общем, завязался бой. Меня ранили, а ты погиб. Тебя просто разорвали на части два мутанта. Твое тело до сих пор там. Должно быть там... Я уже ничего не понимаю. Этот маньяк, его рук дело, не иначе. Игры со временем, черт бы их побрал...

— Так что с тобой произошло? — оборвал ученого Васильев. — Твоя очередь говорить.

Не медля, сталкер рассказал о своих злоключениях: как долго блуждал по прямому коридору, звал на помощь и совсем было отчаялся, но все же вышел в лабораторию. Рассказ произвел должное впечатление: наемник громко выматерился, Васильев все еще недоверчиво косил на Связиста, а ученый так и продолжал лепетать что-то невнятное.

— Выбираться отсюда надо, — подвел финальную черту сталкер. — Никого тут нет, давно уже.

— Согласен, — угрюмо кивнул Васильев. — Но если никого нет, то кто нас во времени кидает, и кто знает, в какой век мы попадем, когда выберемся?

— Сначала выбраться надо, — уточнил наемник. — Пошли.

— Подожди, — поднял руку Васильев. — Связист, отдай автомат. Пока что я не могу тебе доверять. Сам понимаешь, после того, что я видел...

— Нет, — твердо оборвал проводника сталкер. — Без обид, проводник, но ствол не отдам. Надоело голым бегать.

— Связист, не шали. — Васильев медленно поднял пистолет.

Связист замер, напрягся, нащупав пальцем спусковой крючок. Но и тут наемник внес свою лепту: положив руку на плечо проводника, приставил ствол своего АК к его затылку.

— Дернешься — снесу башку, — тихо произнес наемник. — У тебя нет оснований ему не верить, после того, что мы все видели. Побереги патроны для Франка.

Васильев выругался, но пистолет опустил. Развернулся и пошел в сторону выхода.

Молча товарищи вышли из лаборатории и, следуя за проводником, свернули влево, двигаясь вдоль коридора со множеством ответвлений, уходящих во все стороны. Связист до сих пор пребывал в глубоком шоке от происходящего. От всех этих злоключений со временем становилось жутко. Но еще больше пугала дальнейшая неизвестность. Что делать, когда они выйдут из Центра? Куда идти? Выход один: прорываться к Периметру. Любым способом. Иначе никак. Зона огромна и опасна, и искать в ней того, о ком не известно практически ничего, глупо и безрассудно. Тем более если учитывать тот факт, что тот, кого им нужно найти, сам прекрасно знает месторасположение своих врагов. Остается только удивляться тому факту, что все до сих пор живы и практически не пострадали, если не считать раны на ноге профессора, которая уже перестала кровоточить. Невольно сталкер вспомнил поступок наемника, когда тот, угрожая расправой, защитил его от Васильева. Почему наемник так поступил, сталкер понять не мог. Наемник никогда не отличался дружелюбием, а тут такое...

— Здесь, — вдруг нарушил тишину Версоцкий, указывая на пол, в кровавых подтеках. — Здесь ты погиб.

Связист осмотрелся: пять искореженных до неузнаваемости трупов ловцов, стены и пол, перемазанные в крови, осколки стекла от двух разбитых лампочек, в воздухе до сих пор витает кисловатый аромат пороховой гари. Себя мертвого, как и следовало ожидать, сталкер не увидел.

— Не вижу, — нахмурив брови, произнес он.

— Я сам удивлен, — медленно произнес профессор. — Зато я кажется понял, что случилось. Фека-Лом не повез сюда установку. Он собрал ее там, где поезд попал в ловушку. Ведь если бандиты доберутся до бронепоезда, все его эксперименты на этом и закончатся. И вот то, что здесь происходит, — верный признак, что эксперименты со временем продолжаются. Теперь вы понимаете, насколько страшен этот человек? Неужели у вас не найдется несколько часов, чтобы дойти до бронепоезда, просто найти и убить его? Нельзя с ним ни о чем говорить, надо сразу стрелять в голову, чтобы он не успел ничего предпринять. Раз он ехал сюда, просто пойдем по железнодорожной ветке, пока не придем к этому вашему бронепоезду. Ну что, пошли?

— Пошли! — решительно ответили все, чуть ли не хором.

И удивляться тут было нечему. После пережитого, Связист был готов разрядить пистолет в голову каждому ученому, встреченному в Зоне.

39

Тусклое серое утро не принесло облегчения. Наташка уже не могла плакать и просто смотрела в одну точку, время от времени прижимая ладони к опухшему лицу. Марина сидела в палатке одна и на все вопросы глухо отвечала, что к нужному времени будет готова. Вадик и Хиженков, вяло двигаясь, неторопливо готовили завтрак.

А Миха уже в пятый раз пытался понять, что случилось и куда делся Топор.

— Я не знаю, — честно отвечал Костя. — И вряд ли вообще кто-то знает.

— Если он погиб, где тело? — настаивал Миха.

— Вчера, когда он ушел за аномалию, тебе тело не требовалось, — вяло отбивался Костя.

Из палатки Топора вышла Марина. И Костя ужаснулся переменам в лице обычно бодрой напарницы. Марина выглядела постаревшей и одновременно сжатой, как пружина.

— Миха, тебе что, заняться больше нечем? — резко спросила она. — Нам к Периметру выходить надо, а не поисками тел заниматься. Нас ждут люди в поезде, не забыл?

— Да ладно, чего ты, Марина, — растерянно сказал Миха. — Сейчас все соберутся и пойдем.

— И куда мы пойдем? — спросила Марина все тем же тоном. — Вы с Костей решили, куда двигать?

— Мы не знаем, в какой стороне Периметр, — сказал Костя. — Поэтому, все равно куда идти.

После завтрака, прошедшего в полной тишине, они свернули палатки и собрали все вещи. А когда были уже полностью готовы идти, оказалось, что посреди кучки разложенных вещей остался стоять один рюкзак.

— Оставим, как есть, — сказал Костя. — Это его вещи. Пусть будут вместе с ним. Дистанция пять метров! Двинулись!

Теперь, когда Костя шел во главе маленького отряда, он вдруг понял, что имел в виду Топор, когда просил идти его позади, просто поддерживая своим присутствием. Ощущение постоянной игры в

рулетку, где на кону стоит не только своя жизнь, но и жизни тех, кто идет позади, доверившись, очень быстро выматывало и подавляло. Но присутствие рядом еще одних внимательных глаз, способных заметить ошибку, человека, готового оспорить ошибочный выбор, давало ощущение свободы и уверенности в своих действиях. Даже, если этот второй человек точно так же мог ошибиться.

Путь вниз, с холма, прошел на удивление быстро. Туман за ночь не рассеялся полностью, но изрядно поредел, и оказалось, что при большей видимости найти свободную от опасностей тропинку намного проще. Кроме того, несмотря на бессонную ночь, а может именно благодаря ей, внимание оказалось предельно обострено и то, что еще вчера требовало длительного изучения, сегодня становилось очевидным с первого раза.

Не прошло и часа, как Косте показалось, что он узнает те места, где накануне их атаковал болотный медведь. Туши зверя не было, да и пережженная земля выглядела иначе, но поскольку других предпочтений все равно не было, Костя решил двигаться туда, где, по словам Топора, начиналась достаточно свободная дорога к Периметру. Аномалий стало заметно меньше, отряд теперь двигался не по болоту, а вдоль него, на некотором расстоянии от омутов с черной водой.

— Привал! — объявил Костя, когда, по его ощущениям, они оказались на том месте, где впервые увидели призраков. — Не разбредаемся. Десять минут и пойдем дальше.

Пять человек безропотно сняли рюкзаки и уселись там, где застала их команда. Несколько секунд Костя стоял очарованный неведомым прежде ощущением монолитности и управляемости своего маленького отряда. В эти мгновения он вдруг понял, ради каких чувств нужно жить, чтобы на склоне лет не хмурить седые брови, пытаясь вспомнить что-то действительно высокое и светлое, из произошедшего за длинную жизнь.

Пережив состояние внутреннего подъема, он осмотрел окрестности уже совсем по-другому. Зона не была чужой. Она была иной, и не более того. И люди, что шли сюда, искали вовсе не богатств — ведь состоятельных сталкеров, как слышал Костя не раз, в Зоне было предостаточно. Здесь, в опасном месте непонятного мира, можно было найти что-то новое внутри себя. Словно всю жизнь сидеть на

стуле и однажды вытащить из него зашитые прабабушкой драгоценности.

Уходя в Зону, сталкеры приносили из нее то, что нельзя было потратить. Открывая в себе не один, а множество запасных путей. И не от безысходности и страха, а обладая самым главным богатством на свете — возможностью выбора без потерь.

— Получается, что прав был Топор, — сказала Марина, неожиданно появляясь рядом. — Зона действительно охотилась на него? Мы сегодня идем практически без остановок.

— Топор был правильный мужик, — сказал Костя мягко, отлично понимая, какие слова сейчас нужны Марине. — Но обстоятельства, порой, сильнее нас.

— Ты сильно изменился за эти три дня, — грустно улыбнулась Марина, опустила голову и медленно побрела на свое место.

Костя почувствовал, как к горлу подкатывает ком. Стараясь обуздать подступающие слезы, посмотрел назад. Вдалеке, почти на границе видимости, стояли люди. Туман мешал разглядеть их получше, но Костя был уверен — это те же призраки, что ночью забрали к себе Топора.

— Сейчас-то что вам надо? — с ненавистью процедил Костя. — Отряд, подъем!

Он никому ничего не сказал, но все, казалось, почувствовали присутствие незримой угрозы. Болото вскоре закончилось, и по лесу, почти не задетому аномалиями и не испачканному болотными миазмами, они зашагали, как обычные туристы. Время от времени Костя кидал для успокоения камушек или гайку, но дорога была абсолютно чиста.

— Если бы я был сталкером, — сказал Миха из-за спины, — я бы сказал, что Зона решила нас отпустить. Прямо нутром чую, что все стало по-другому.

«Все стало по-другому, — мысленно повторил Костя. — Все. Абсолютно все».

Еще через пару часов лес стал понемногу подниматься в горку.

— Слушай, неужели пришли? — радовался Миха. — Смотри, аномалий почти нет, деревья с подлеском выглядят идеально! Сейчас поднимемся наверх, а оттуда наверняка уже увидим блокпост.

— Замолчи! — рявкнул на него Костя, резко останавливаясь и поворачиваясь на месте. И встретив недоуменный обиженный взгляд, сбавил тон и примирительно сказал: — Не любит Она этого.

— Молчу, — сказал Миха. — Просто, устал я здесь что-то. Давай быстрее поднимемся: я почти уверен, что мы пришли.

Костя отвернулся и снова зашагал, как ни в чем не бывало. Нельзя было поддаваться чувствам нетерпения и преждевременной радости — это он теперь понимал совершенно отчетливо.

Впрочем, ждать Михе пришлось недолго. Через четверть часа отряд почти достиг самой высокой точки, за которой явно начинался спуск. На последнем десятке метров Миха обогнал Костю, почти взбежал на самый верх и замер, как мгновенно замороженный.

— Стоять! — страшным голосом крикнул Костя, испугавшись, что кто-нибудь сейчас бросится за Михой и тоже попадет в аномалию.

Он осторожно снял рюкзак и медленно двинулся к Михе, бросая камешки и последние гайки, что оставались у него в кармане. Но неожиданно Миха обернулся.

— Ты как, живой? — с облегчением спросил Костя.

— Иди сюда, — деревянным голосом сказал Миха.

Костя послушно поднялся наверх, досадуя, что принял за аномалию расстройство Михи из-за отсутствия блокпоста. Но то, что он увидел, и самого его повергло в ступор.

Один за другим следом поднимались остальные члены отряда и замирали, не в силах вымолвить и слова. Внизу, посреди огромного поля, стоял бронепоезд. Их бронепоезд.

Аномалия прямо перед ним куда-то исчезла, а пути были почти полностью восстановлены. Причем добрый десяток человек продолжал укладывать рельсы. По крыше лабораторного вагона бродили подчиненные Ломакина, хорошо заметные своими синими халатами.

Миха просто сел, где стоял. Не в силах вымолвить ни слова, Костя смотрел на то место, уйти как можно дальше от которого они напрасно стремились последние три дня. Все оказалось напрасным.

Вопреки собственным ожиданиям, он не ощутил жестокого приступа отчаяния. Раз так случилось, что они, заплутав, вернулись обратно, значит так решила Она. И никуда от этого не деться.

— Вставайте, — сказал он со вздохом. — Чего сидеть на улице, когда можно попить чаю в тепле.

— Ты и правда сильно изменился, — сказала Марина, внимательно глядя на своего оператора.

— А если там бандиты? — спросил Вадик.

— Не похоже, — ответил Миха. — Нет нигде конвойных.

— Смотрите, — сказала Наташка, показывая пальцем. — А вон с той стороны к поезду какие-то люди идут.

— Это не наши, — уверенно сказал Хиженков.

— Тогда, тем более пошли, — решительно сказал Костя. — Если они наших обезоружили и оставили малую охрану, самое время изменить соотношение сил.

40

Идти по железнодорожному полотну оказалось намного проще, чем по лесу. Здесь практически не было аномалий, а гравий и шпалы оказались покрыты изрядным слоем земли, причем во многих местах на ней уже вовсю росла трава.

— Смотри, Зюзя, — сказал Связист, на которого вдруг навалилось благодушное настроение, как перед боем, план действий в котором известен до мелочей, — пройдет еще лет пятьдесят и рельс вообще видно не будет. И насыпь станет ниже. Будет длинный вал, покрытый обычной травой. И сталкеры будущего, которые не будут знать о дороге, станут удивляться, почему на гребне вала не бывает аномалий.

Сумасшедший сталкер посмотрел себе под ноги, видимо не особо понимая, что от него хотят, но тон голоса Связиста ему явно понравился, и он радостно заухал, качая в такт шагам головой.

Впереди процессии решительно шагал Версоцкий, всем своим воинственным видом давая понять, что если у сталкеров и наемника не хватит духа стрелять в ученого-маньяка, то он сам задушит его голыми руками. Васильев, несмотря на все рассказы Связиста об отсутствии аномалий на железнодорожных путях, держался осторожно и, время от времени, кидал вперед проверочный камушек. Только у наемника, чуть ли не впервые после побега, было откровенно хорошее настроение. Он шел, забросив автомат за спину, и даже пытался что-то фальшиво насвистывать.

Вскоре они миновали остатки разъезда, где их железнодорожная ветка сливалась еще с несколькими такими же. Связист осмотрелся. На будущее, разъезд определенно имело смысл восстановить и в дальнейшем использовать для перемещения по Зоне. Но сейчас его путь лежал туда, куда уходили, сливаясь воедино, три из четырех веток на этом переезде. Это почему-то показалось ему удивительно символичным: словно намучившись с богатством выбора, он принял наконец окончательное решение и оказался на единственно возможном пути. Еще одна ветка уходила далеко в сторону и, насколько Связист мог судить, выходила в дальнейшем на главную магистраль, по которой бронепоезд уже катался до этого не один месяц.

Скорость, с которой они шли по заброшенному полотну, по меркам Зоны была просто фантастической: не прошло и часа, как впереди показалась отчетливо видимая на открытом пространстве цепочка вагонов бронепоезда. Увидев свой состав, Связист обрадовался и прибавил ходу. Он словно возвращался домой после длительного похода. И единственным препятствием на пути к завершению этого похода оставался Ломакин, который, сумев собрать свою установку в чистом поле и даже запитав ее от аномалий, мог включить ее еще раз. Да так, что из-за производимого ею эффекта под угрозой мог оказаться не только бронепоезд, но и сама Зона. А раз так, особых сомнений не оставалось. Разве что, вспоминался, совершенно некстати, убитый чуть ли не голыми руками псевдоволк.

Прямо перед бронепоездом работала группа людей, восстанавливая рельсы на разрушенном участке насыпи. Увидев приближающихся людей, все бросили работать и взялись за оружие. Но как только кто-то узнал рядового Ерохина, над путями полетел радостный крик, поддерживаемый все новыми и новыми людьми:

— Ерохин вернулся! Ерохин живой!

Сколько Связист себя помнил, ему еще никогда не радовалось столько людей одновременно. Он бросился вперед, легко перемахнул через оставшийся недоделанным участок путей и буквально упал в объятия сослуживцев. Его обнимали и хлопали по плечам несколько минут, а когда эмоции несколько улеглись, кто-то вдруг подал команду «смирно».

Связист повернулся. От бронепоезда по насыпи медленно шел полковник Кудыкин. Выглядел он плохо, голова его была перебинтована, но держался хорошо, а при виде Связиста, словно бы разом сбросил груз болезней — расплылся в улыбке и зашагал быстрее.

Связист поправил одежду, забросил автомат за спину и, насколько позволяла неровная насыпь, сделал несколько почти строевых шагов навстречу полковнику:

— Товарищ полковник, рядовой Ерохин после побега из бандитского плена явился в ваше распоряжение!

— Жив, — отмахнулся от доклада Кудыкин, — и ладно.

Неожиданно он обнял солдата, потом отстранился и сказал:

— Много ребят отняла у нас Зона в этот раз. И то, что хоть одного обратно вернула — большое счастье.

— Товарищ полковник, — сказал Связист, — нам необходимо решить один очень важный вопрос. Вон там стоят три человека, с которыми я бежал из плена...

— Так зови их сюда, — перебил его полковник. — Разумеется, я возьму их на борт, о чем тут говорить?

— Нет, тут вопрос в другом. У нас есть веские основания предполагать, что Феоктист Борисович причастен к нападению бандитов на бронепоезд.

— Кто? — удивился полковник. — Профессор Ломакин? К нападению? Да ты чего, Ерохин?

Кудыкин засмеялся, а следом начали смеяться и все, кто находился рядом и слышал разговор.

— Товарищ полковник, скажите, — попросил Связист, — профессор за время нахождения бронепоезда здесь собирал какую-то научную установку? Запитывал ее электричеством от аномалий?

— Нет, конечно, Ерохин, ты чего? Технология съема электрических мощностей еще не разработана. Ломакин сидит в своем вагоне и лишь время от времени спецснарядами разбрасывает по округе свои датчики.

Ответ ошеломил Связиста. К этому моменту он был практически уверен в том, что Версоцкий разоблачил гнусного предателя, готового пожертвовать чем угодно ради научных изысканий. Но теперь эта теория пошатнулась.

А Версоцкий, верно угадав тон разговора, уже стоял за спиной Связиста.

— Я не знаю, как он сумел скрыть свои опыты, — сказал он полковнику. — Здравствуйте, кстати. Но этот человек очень опасен. Очень! Поверьте, я провел с ним бок о бок не один год, и точно знаю, о чем говорю!

— Кто вы такой? — с недоумением спросил Кудыкин. — И почему я должен вам верить?

— А я не прошу мне верить, — сказал Версоцкий. — Просто отведите меня к господину Ломакину, и вы все увидите и услышите сами.

— Ну, пойдемте, — растерянно сказал Кудыкин.

— Зюзя, не отставай, — крикнул Версоцкий и решительно направился к бронепоезду. — Я сейчас выведу этого поганца на чистую воду. Вы, главное, оружие под руками держите, чтобы он чего сделать не успел опасного. А лучше, дайте мне для охраны пару солдат.

— Бред какой-то, — буркнул Кудыкин. — Вон, сержант Козлов стоит. Возьмем его с собой. И если Ломакин вдруг захочет ударить вас своим халатом — сержант Козлов прикроет вас собой.

Длинная процессия прошла вдоль научного вагона, дверь в который не открывалась, и поднялась в штабной вагон.

— Позовите его сюда, — предложил Версоцкий. — Там наверняка полно хрупких приборов, плюс, там верные ему люди. А здесь он уже ничего не сможет предпринять.

— Присаживайтесь, — пожал плечами Кудыкин и включил рацию: — Феоктист Борисович, зайди, пожалуйста, в штабной вагон.

— Одну минуту, — ответил доброжелательный голос Ломакина. — Сейчас запустим тут кое-что, и приду.

Связист было встрепенулся, но Версоцкий устало махнул ему рукой:

— Установка слишком велика, чтобы ее не заметить. Но если он даже сумел ее собрать под видом чего-то, не вызывающего подозрений, мы все равно опоздали. Включение занимает секунды. Давайте подождем его здесь, пока он ни о чем не подозревает.

Он, не смущаясь, прошел по вагону и устроился в кресле Кудыкина. Полковник на это ничего не сказал и сел на стул. Начали рассаживаться и остальные. Присели на диван Связист и сержант Козлов. Васильев и наемник, державшиеся с момента появления у бронепоезда удивительно скромно, устроились в углу, на лавке. Только Зюзя, смешно вращая глазами, встал за спиной Версоцкого и положил ему руки на плечи.

Вскоре в салон, весело насвистывая, вошел Ломакин. И остановился, с недоумением разглядывая живописную группу ожидающих его людей.

— Ну, здравствуй, Фека-Лом, — громко сказал Версоцкий, не поднимаясь с кресла. — Давненько не виделись.

Реакция Ломакина оказалась неожиданной.

— Александр! — радостно воскликнул он, всплескивая руками. — Жив! Как же я рад тебя видеть!

Он сделал шаг вперед, но проинструктированный на этот случай сержант Козлов поднялся с дивана и сделал останавливающий жест рукой.

— Саня, где ты пропадал и как тебе удалось выжить? — с недоумением глядя на Козлова и Кудыкина, спросил Ломакин. — Неужели, ты так и не отказался от задуманного? А этот молодой человек с перекошенным лицом, видимо, очередная жертва твоих дурацких экспериментов?

Связист понял, что ничего не понимает. Остальные тоже выглядели сбитыми с толку. Но никто ничего не говорил, предоставляя ученым самим выяснить отношения.

— Где моя установка, Фека-Лом? — враждебно спросил Версоцкий. — И не вздумай врать. Я видел эффекты осциллирующих последствий от ее работы.

— Твоя установка? — удивился Ломакин. — Свою установку ты взорвал, когда я помешал тебе проводить эти идиотские эксперименты с пси-аномалиями. Да еще успел в спецслужбы стукануть, из-за чего все мои работы были остановлены на долгих пять лет! Но я все равно рад тебя видеть.

— Установка, Фека-Лом. Где она?

— Может быть мы перенесем наш разговор куда-нибудь в более тихое место? — с беспокойством глядя на присутствующих, спросил Ломакин.

— Ну уж нет, — сказал Кудыкин. — Нам тоже очень интересно. Продолжайте.

— Это глубоко научная тема, — быстро сказал Ломакин. — Вам, как неспециалистам, она все равно будет непонятна.

— Зато нам, как видевшим своими глазами людей, которых более семидесяти лет нет в живых, интересны последствия ваших манипуляций, — резко сказал Связист.

— Постойте, — прищурился Ломакин. — Вы же один из тех солдат, что погибли при нападении бандитов на поезд.

— Да, профессор. И должен вам сказать, что это очень больно: умирать и общаться с мертвыми. Но теперь, когда мы знаем, кто

заказал нападение на бронепоезд, я рассчитываю, что преступники понесут заслуженное наказание.

— Вы заблуждаетесь, — мягко сказал Ломакин. — И я это вам сейчас докажу.

Он запустил руку под куртку и вытащил пистолет с толстой рукояткой, внутри которой угадывался двойной магазин. В полной тишине было отчетливо слышно, как щелкнул предохранитель.

— Феоктист Борисович, — спросил пораженный Кудыкин, — зачем вам пистолет? Вы что, умеете стрелять?

— О, вы оказывается не знаете, кого столько времени возили на своем поезде, — сказал Версоцкий. — Господин Ломакин был чемпионом курса по пулевой стрельбе из пистолета.

— Осмелюсь добавить, — весело подхватил Ломакин, — «по движущимся мишеням». Это важно, господа, для понимания бесперспективности героических прыжков в мою сторону.

— Я что-то не пойму: кто из них плохой? — задумчиво спросил из своего угла наемник.

Все посмотрели на него, но никто ничего в ответ не сказал.

— Феоктист Борисович, — мягко сказал Кудыкин. — А чего дальше-то? Будешь с пистолетом нас караулить, пока мы не превратимся в мумии? Или закроешься в своем курятнике и умрешь с голоду?

— Нет, — пожал плечами Ломакин. — Я не желаю ничьей смерти. Просто закончу эксперимент, ради которого все и было затеяно. А потом добровольно сложу оружие. И тогда никто не пострадает, обещаю.

— Разве что, вся Зона, — добавил Версоцкий, вольно разваливаясь в кресле.

— Глупости, — быстро сказал Ломакин. — Я уже сделал три коротких включения, но критических последствий, которые ты так любил предсказывать, не наблюдал. И первое включение было в день нашего приезда сюда. Я очень испугался бандитского паровоза с пушкой и включил установку, чтобы воздействовать на него. Но ничего не случилось! Наружные камеры зафиксировали кратковременное свечение, датчики показали вибрацию. Ну, серебристый туман — как остаточное явление в тех местах, где возникали случайные

темпоральные пробои. Неизбежное зло из-за помех. Так вот, не было ничего. Никаких последствий я не наблюдаю уже несколько суток.

— Зато мы наблюдали! — неожиданно закричал на него Версоцкий. — На своей шкуре! Не веришь — вон, Ерохина спроси!

— Чепуха, — резко сказал Ломакин. — Я своим наблюдениям верю больше, чем какому-то там Ерохину.

— Где установка? — спросил Версоцкий. — Сейчас-то ты можешь это сказать?

— А вон там, в моем вагоне-лаборатории, — легко ответил Ломакин.

— Она бы не поместилась!

— Твоя бы — да, не поместилась, — согласился Ломакин. — Но после того, как ты все уничтожил и забрался в зону действия установки, чтобы ускорить свои мутации, а потом исчез, мне пришлось начинать все сначала. С нуля! И моя установка намного компактнее твоей. И энергии требует на порядок меньше. Нужны определенные аномалии для фокусировки полевых взаимодействий, но здесь их просто изобилие. Поэтому сегодня я проведу исторический эксперимент!

— Вот как, — медленно сказал Версоцкий. — Значит, я должен сделать все, чтобы остановить тебя.

— Сделай, — пожал плечами Ломакин, но пистолет в его руке даже не дрогнул. — Полковник Кудыкин, будьте любезны, включите свою рацию, вызовите вагон-лабораторию и скажите, что можно начинать.

— Зюзя, мы должны остановить плохого дядю, — сказал Версоцкий, поворачивая голову к сумасшедшему сталкеру.

— Ы-а-а-ы, — сказал Зюзя, вращая глазами и морща лоб.

Версоцкий нахмурился, а Ломакин засмеялся, и Связисту стало вдруг как-то очень пронзительно понятно, что пустая бравада Версоцкого не пугает Ломакина ни капли.

И в этот момент сержант Козлов бросился на Ломакина. Тот среагировал мгновенно — в замкнутом помещении вагона оглушительно грохнул выстрел. Но даже убив сержанта еще в воздухе, Ломакин не смог остановить летящее по инерции тело. И через мгновение его сбило с ног, а пистолет отлетел в дальний угол салона.

Все сразу повскакивали со своих мест, и только Версоцкий продолжал спокойно сидеть в кресле. Он дождался, пока Ломакину свяжут руки, и после этого вдруг сказал громким голосом:

— Отлично, господа! Жаль, конечно, что Зюзе пришлось заставить сержанта пожертвовать собой, но это лишь еще одна жертва на пути технического прогресса. А теперь попрошу убраться вон из моего поезда!

Если бы в этот момент в вагоне взорвалась граната, это и то произвело бы меньший эффект. Все застыли в тех позах, в которых их застала команда Версоцкого.

— Профессор... — начал было говорить Связист, но Версоцкий нахмурил брови, посмотрел на Зюзю и повторил:

— Вон!

И тут Связист почувствовал приступ страха. О попытке броситься на Версоцкого даже и речи не было — просто стоять на месте было очень трудно. Первыми из вагона выскочили Васильев и наемник. Затем с лицом, искаженным ужасом, проковылял связанный Ломакин.

— Профессор, что происходит? — дрожащим голосом спросил Связист, с трудом подавляя желание бежать из поезда как можно быстрее.

Мимо Связиста к выходу быстро прошел Кудыкин.

— Ты был добр к нам с Зюзей, — сказал Версоцкий, — хотя это тебе ничего не давало взамен. Поэтому имеешь право на кое-какую информацию. Я почти закончил эксперимент с пси-аномалиями. К сожалению, у Зюзи не хватило внутренней твердости, и он, став настоящим титаном духа, не имеет собственных желаний. И эти желания ему пока подсказываю я. Мысленно. По моей команде Зюзя умеет влиять на умы людей и даже навевать правильные сны. Но я хочу закончить свое развитие, а для этого мне нужна темпоральная аномалия. И я создам ее прямо рядом с установкой. И стану совершенным человеком!

— Зюзя — кукловод? — ахнул Связист, содрогаясь от ужаса.

— Это упрощенное представление, — сказал Версоцкий. — Но я не виню тебя. Ты вышел из сталкерской среды, где люди буквально пронизаны суевериями. Поэтому я изначально никому из вас не говорил ничего словами — гораздо проще было заставлять вас видеть сны с нужным эмоциональным фоном. Зато с бандитами было намного

проще. Человеческие отбросы, сброд, зацикленный на низменных желаниях. Если бы захотел, я бы мог всю их базу разогнать за четверть часа. Но они еще сослужат мне службу. Они уже в пути.

— Вы тоже хотите стать кукловодом?

— Титаном духа, юноша. Не путайте мерзкого монстра и ученого, преследующего великие цели. А теперь прощайте. Я не могу оставлять столько свидетелей своего преображения. Ваша судьба ждет вас снаружи.

Больше выносить этот разговор Связист не мог. А когда пришел в себя, то уже стоял недалеко от бронепоезда в окружении остальных людей из состава экспедиции. Оказалось, что ужас выгнал наружу всех, кто находился в вагонах. Причем все вылезли почему-то только на одну сторону.

Еще толком не придя в себя, люди испуганно озирались по сторонам. Многие сжимали в руках оружие, но стрелять было не по кому, ведь источник их страха находился в бронированном вагоне. Более того, на узкой полоске чистой земли между аномалиями и железнодорожной насыпью люди стоял достаточно спокойно, но ближе, чем на десять метров, никто к вагонам подойти не мог.

— Соблюдать спокойствие! — крикнул Кудыкин, уже успевший сориентироваться в ситуации.

— Ну и дела, — сказал белый от пережитого страха губернатор. — Была у зайца избушка лубяная, а теперь... вообще никакой нету. Что это такое, полковник? Нас атаковал телепатический мутант? И что теперь делать?

— Постараться выжить, — сказал Кудыкин, который в этот момент стоял спиной к бронепоезду и смотрел на кромку леса вдалеке.

— Что там? — живо спросил губернатор, обнаружив, что в ту же сторону смотрят и другие люди. — Я очки не ношу, а вижу слабовато.

— Люди, — ответил Кудыкин. — На спасателей не похожие совершенно. Могу предположить, что до нас, наконец, добрались бандиты. Ни раньше, ни позже.

Вскоре, между экипажем бронепоезда и бандитами лежало только поле аномалий.

— Эй, — крикнул один из бандитов, видимо считающий себя главным. — Кто у вас старший? Есть разговор!

— Я старший! — ответил Кудыкин.

— Предлагаю сделку! — крикнул бандит. — Вы без сопротивления сдаетесь! Я гарантирую твоим людям жизнь!

— Это же Хантер, — сказал Связист. — Главарь той банды, что напала на бронепоезд. Ему нельзя верить, все равно обманет.

— Кто-нибудь может этого урода отсюда подстрелить? — спросил Кудыкин.

— Аномалии перед ним, товарищ полковник, — напомнил Связист.

— А ведь он не в курсе, что в поезд не залезть, — сказал губернатор. — Может пускай идет?

— А что потом? — мрачно спросил Кудыкин.

— Он не сможет там спрятаться, мы нападем, — предложил губернатор.

Кудыкин скривился. План ему явно не понравился.

— Ну что? — крикнул Хантер.

— Мы согласны! — ответил Кудыкин. — Иди, забирай!

— Оружие в аномалии бросайте!

— Ну вот и приплыли, — сказал Кудыкин. — Если оружие бросать начнем, нам точно хана. Но если сейчас через аномалии стрелять начнут — тоже будет несладко.

— Я немного придам вам решимости! — крикнул Хантер и выпустил длинную очередь веером от живота.

Над аномальным полем заискрили синие огни, но часть пуль долетела и пробарабанила по бронированным вагонам.

— Минут через двадцать сюда притащат несколько рюкзаков патронов и пять ящиков с гранатами! — крикнул Хантер. — Мы сперва издалека вас будем крошить. Наугад. А когда вас останется совсем мало — проведем несколько часов в интересных забавах! Так что, лучше сдавайтесь прямо сейчас!

— А ведь я уже было поверил, что все плохое закончилось, — сказал губернатор.

— Что ж, примем бой, — решительно сказал Кудыкин. — Хотя перестрелка через аномальное поле, это какая-то пародия на боевые действия получится.

41

Медленно двигаясь сквозь аномальное поле, примыкающее к железнодорожной насыпи, Костя, услышав выстрелы со стороны бронепоезда, остановился и дал отряду команду залечь. Что именно происходит внутри вагонов, понять было совершенно невозможно. Но вскоре, в просвет между рельсами и нижней частью вагонов стало видно, как из поезда выбираются люди.

— Что происходит? — спросил риторически Костя. — Эвакуация у них, что ли?

— Надо идти туда и разбираться на месте, — предложил подошедший сзади Миха.

— Как-то боязно мне, — сказал честно Костя. — Какой-то иррациональный страх внутри.

— Ну, давай хотя бы ближе подойдем, — сказал Миха. — А то вообще ничего непонятно.

Они еще немного продвинулись вперед и решили обождать. Но не происходило ровным счетом ничего.

Потом, по другую сторону вагонов раздались невнятные крики.

— Переговоры что ли? — спросил Костя у Михи.

— Похоже на то.

Но когда раздалась первая автоматная очередь, стало понятно, что переговоры провалились. Одновременно с этим Костя вдруг понял, что хотя и боится, но все-таки может идти к поезду. Словно что-то мягкое и липкое окутало страх, закуклило его и позволило контролировать себя.

— Вперед, — сказал он, но никто и не двинулся с места.

— Я не могу, — сказал Миха. — Кажется, что еще шаг — и все, мне хана. Даже ногу от земли оторвать трудно.

— Я тоже не могу, — сказал Вадик.

— И я, — подал голос Хиженков, единственный из всех выглядевший при этом виноватым.

— Ладно, я один схожу, — принял решение Костя. — Наверное, какая-то пси-аномалия, к которой я нечувствителен.

Остаток пути через аномальное поле он прошел очень быстро, легко определяя расположение каждой аномалии. По другую сторону состава вдруг началась беспорядочная стрельба. Лезть под град пуль, который барабанил по бронированным бокам поезда, было глупо, Костя решил забраться внутрь.

По лесенке, прикрепленной к стенке складского вагона, он поднялся на обзорную площадку и, пригибаясь, чтобы не быть замеченным, скользнул в люк.

А с другой стороны уже вовсю шла хаотичная стрельба. Судя по всему, бандиты пытались причинить экипажу бронепоезда максимальный ущерб, просто поливая их огнем сквозь аномальное поле, не жалея патронов.

Складской вагон был пуст. Костя осторожно двинулся в штабной вагон. Почему люди добровольно покинули свое убежище, все еще было непонятно.

В штабном вагоне он неожиданно наткнулся на странного человека, который при виде его начал гримасничать и издавать невнятные звуки. Еще неделю назад Костя испугался бы и постарался сбежать, но теперь глаза психа показались ему настолько похожими на предсмертный взгляд ночного шептальщика, что он сразу сделал длинный шаг и ударил незнакомца прикладом по голове. Уродец закатил глаза и рухнул на пол.

И сразу пропало ощущение давящего страха.

— Так вот в чем причина, — сказал Костя. — Ну, теперь можно и подмогу вызывать.

Он поднялся на крышу и махнул своему отряду рукой.

— Блин, страшный какой, — сказал Миха, брезгливо глядя на мутанта, входя в штабной вагон. — Это хорошо, что ты его усыпил. Пусть лучше полежит-отдохнет.

Со стороны складского вагона показался Вадик.

— Пусто, — сказал он.

— Иди за девчонками и ефрейтором, — приказал ему Костя. — Миха, пройди в лабораторию — может ученые чего нахимичили.

Он подошел к пулемету, торчащему из стены, примерился. Показалось неудобно. Да и видно было плохо. Вернулся Миха:

— Там закрыто.

— Странно, — сказал Костя. — Радиометр, что ли, поискать? Чего они обратно не лезут?

— Так сейчас опасно совсем стало, — сказал Миха. — Слышишь, пули в борт лупят? На земле безопаснее.

— Поднимусь на крышу, — решил Костя. — Может станет понятнее, чего делать.

На обзорной площадке он столкнулся с Наташкой и Мариной. Наташка тут же спустилась в складской вагон, а Марина заупрямилась.

— Надоело, — сказала она. — Если идет бой, я уже готова в кого-нибудь пострелять. А если дойдет до рукопашной, то и загрызть.

Но грызть никого не пришлось. Позади бандитов засверкали вспышки автоматных очередей. Обрадовавшись, Костя подбежал к самому краю платформы, чтобы лучше видеть тех, кто пришел на помощь поезду.

— Неужели нас, наконец, нашли? — сказал он.

Бандиты в страхе разбегались. Некоторые из них нашли свою смерть в аномальном поле. И через какие-то десять минут бой закончился.

Глядя на приближающиеся фигуры, Костя был вынужден признать, что это не спасатели. Их было мало, да и одеты они были явно не как спасательная бригада.

А Марина вдруг подалась вперед, что-то жадно высматривая, и вдруг, слабо вскрикнув, бросилась вниз по лесенке, в складской вагон, а оттуда через дверь выбралась наружу.

Костя смотрел и не верил своим глазам. Впереди группы людей, неожиданно пришедших на помощь, шел Топор.

42

Десяток незнакомых людей, которых привел с собой Топор, вольготно расположились в штабном вагоне. Из тамбура раздавался металлический стук — это ремонтники пытались вскрыть дверь вагона-лаборатории. Счастливая Марина сидела рядом с Топором, а он, в свою очередь, улыбался, и выглядел абсолютно умиротворенным.

— Никакие это были не призраки, — объяснял он своему отряду и остальным собравшимся. — Это же моя отставшая группа нашлась, наконец.

— Мы сами виноваты, — сказал один из незнакомцев. — Нам проводник, Топор то есть, сразу сказал: никуда от стоянки не отходить. Что бы там ни случилось. А мы поперлись посмотреть на красивый серебряный туман. Вот он нас сразу-то и не нашел. Ну мы сперва бодрились, а потом испугались. Думали — хана. Вот и орали всякое, чтоб хоть кто-то нас услышал.

Костя шепотом спросил у Михи:

— Им так и не сказали, сколько лет прошло?

— Нет, — так же шепотом ответил Миха. — Решили на обратной дороге. А то и так у пацанов потрясений хватает.

— У меня, товарищ полковник, еще один вопрос имеется, — старший среди незнакомцев замялся, оглядывая собравшихся, но потом решился: — Мы не туристы, на самом деле. У нас задание. И вы, как человек военный, должны меня понять. Мне бы сперва приказ выполнить. Где-то здесь недалеко есть военная лаборатория, где работает некто Ломакин Феоктист Борисович. У меня приказ на его арест и препровождение за пределы Зоны отчуждения.

И следующие несколько минут, пока штабной вагон содрогался от хохота, команда спецназа, зашедшая в Зону под прикрытием много лет тому назад, сидела с непроницаемыми лицами, не зная, как реагировать на этот приступ веселья.

Внезапно резкий удар сотряс вагон. Все мгновенно замолчали. За окнами полыхнуло синее свечение. В вагоне потемнело. Костя посмотрел в окно. За окном плыл серебристый туман.

— Это Версоцкий! — взволнованно сказал Связист. — Он все-таки сумел запустить установку! Будьте осторожны, он хотел стать кукловодом!

Жуткий металлический грохот за дверями возвестил, что бронированная дверь в лабораторию наконец пала под инструментами ремонтной бригады.

А через несколько минут двое сотрудников Ломакина ввели в штабной вагон связанного Версоцкого. Профессор жутко гримасничал и пускал слюни.

— Ну вот и добился Версоцкий своего, — сказал Связист. — Еще один титан духа без желаний. И это очень хорошо!

43

Постукивая на стыках рельс, бронепоезд медленно двигался в глубь Зоны, направляясь, тем не менее, на базу. Домой. Тем более, что несколько километров до разъезда уже были разведаны рядовым Ерохиным.

Можно было, конечно, вернуться обратно, но, во-первых, оставалось неясным, не стоит ли до сих пор на путях чужой тепловоз, вооруженный пушкой, а во-вторых, там пришлось бы восстанавливать довольно большой участок путей. Поэтому было принято решение попробовать на малой скорости проехать вперед до разъезда, уйти по левой ветке и выскочить на основную дорогу.

Памятуя о случившемся несколькими днями ранее, никто на обзорную площадку выбираться желанием не горел. Тем более, что в вагоне охраны губернатор собирался осторожно рассказать команде спецназовцев, которых привел за собой Топор, о том, что дома их уже много лет, как считают погибшими. Поглазеть на этот разговор, а заодно и поддержать морально, отправилась бо2льшая часть уцелевших в экспедиции людей.

Костя же взял Наташку за руку и повел за собой, на обзорную площадку складского вагона. Наверху никого не было, и они впервые за все прошедшее после встречи время смогли остаться наедине.

— Знаешь, — сказал он, глядя на уплывающие назад выжженные поляны среди бурых зарослей травы и низкорослого кустарника, — я так много хотел сказать тебе там, но сейчас понимаю, что ты была права, когда просила не говорить с тобой во время перехода к Периметру. Это позволило на многое посмотреть честно. Надеюсь, ты не сильно ко мне привязалась и сможешь легко про меня забыть.

Она удивленно посмотрела на него.

— Что случилось, Костя? — в ее словах слышались одновременно обида, растерянность, но и, почему-то, облегчение.

— Мы не подходим друг другу, — сказал Костя. — Это раз. Да и вряд ли ты сможешь быть женой сталкера. Это два.

— Сталкера? — удивилась Наташка. — Почему сталкера?

— Потому что я понял, где мое место. Оно здесь. — Костя обвел рукой дикий пейзаж. — Я даже обратно в столицу не поеду. Сдам вещи Марине и останусь. Может с Кудыкиным договорюсь, а может и в сталкеры подамся.

Наташка смотрела на него пристально, все еще не зная толком, как реагировать на такое признание. Потом вдруг обняла и поцеловала. И отстранилась.

— Ты прав, — сказала она. — Наверное, у нас и правда ничего бы не вышло.

Привлеченный каким-то движением, Костя повернул голову. С маленькой обзорной площадки на крыше штабного вагона на них смотрели Марина и Роман Андреевич.

— А вот у них — получится, — завистью в голосе сказала Наташка.

Откуда-то издалека донеслась раскатистая автоматная стрельба. Потом подключились пулеметы. Но все это больше не касалось экспедиции, которая почти вернулась на базу. Как раз вдалеке показались первые строения Периметра.

44

Бронепоезд медленно въезжал на станцию, которую покинул четыре дня назад, чтобы успеть вернуться к обеду. При пресечении Периметра поезд даже не остановили, за что Кудыкин был весьма благодарен дежурному офицеру на железнодорожном шлюзе. Он помахал ему рукой, когда тот вышел из «караулки» при шлюзе, и сказал губернатору:

— Если бы нас сейчас заставили проходить все карантинные процедуры, я бы, наверное, кого-нибудь сразу застрелил.

— Ну какие процедуры, полковник, — сказал губернатор. — Нас уже обыскались, потратили, наверное, неимоверное количество сил и средств, а мы взяли — и сами нашлись. Погранцам теперь вон какое облегчение в работе выйдет.

— Тоже верно, — сказал Кудыкин. — Только странно, что никто не пытается ничего спросить — ни одного вызова по рации.

— А смысл? — спросил губернатор. — Сейчас приедем и все сами расскажем.

Перрон удивил обилием встречающих. Костя, Наташка, Марина и Роман Андреевич стояли в тамбуре, готовясь выйти из вагона сразу же, как только поезд остановится. Слишком много неприятных воспоминаний было связано с экспедицией и с этим поездом, чтобы оставаться в вагоне хотя бы на несколько минут больше. Наконец, пейзаж перестал проползать мимо окна, поезд качнулся и замер. За окном грянул оркестр и десятки людей завопили «Урра-а-а!».

Из вагона охраны появился Хиженков со спецключом и отпер дверь. Следом за ним в тамбур вышли Вадик и Миха.

Все смотрели на Романа Андреевича, но он сделал широкий жест, приглашая первыми покинуть вагон Наташку и Марину. Навстречу спускающимся по лесенке женщинам встречающие понесли букеты с цветами. Еще через несколько секунд Костя пожимал руки и пытался осторожно протиснуться за пределы толпы. В тот момент, когда это ему почти удалось, на него налетел толстый майор, который встречал их с Мариной в первый день приезда.

— Ага, прокатились! — радостно завопил он. — Ну что, нагуляли аппетит, а?

— Нагуляли, — сказал Костя одновременно с недоумением и сарказмом. Несмотря на радость и неимоверное облегчение от возвращения домой, ощущалась в происходящем какая-то толика абсурда.

— А вот и Марина! — с энтузиазмом воскликнул майор, разводя руки, словно увидел старую знакомую. — Ну что, по шашлычку? Как и обещал, мои повара сделали все по высшему разряду!

— А не протух шашлычок, за четыре-то дня? — с недоверием в голосе спросила Марина и посмотрела вопросительно на Костю. Тот демонстративно пожал плечами.

— За какие четыре дня? — обеспокоился майор. — Все самое свежее! Еще сегодня утром барашек по полю бегал.

— Погодите, — сказал Костя. — Мы не сомневаемся в свежести ваших баранов. Но вас что, совсем не интересует, где мы пропадали четыре дня?

— Да какие четыре дня? — с отчаянием возопил майор. И вдруг просиял: — А, понял! Я с удовольствием послушаю, где вас носило четыре дня, пока вы не приехали сюда на съемки.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросила Марина у Кости.

— Сколько дней прошло с того момента, как мы сели вот на этот бронепоезд и уехали в Зону? — прямо спросил Костя у майора, уже догадываясь, какой будет ответ.

— Нисколько, — растерянно сказал майор. — Изволите шуточки шутить, господа журналисты? Два часа назад вы отъехали. И вернулись по графику. Хотя...

Глаза майора забегали, видимо, подмечая не замеченные раньше подробности.

— Похудели вы, конечно, за эти два часа... Погодите. Вы намекаете, что...

В этот момент к майору разом подошли полковник Кудыкин и Роман Андреевич. Оба выглядели взволнованными не на шутку.

— Какое сегодня число, майор? — требовательно спросил Кудыкин.

— Здравия желаю, товарищ полковник!

— Число!

— Так вы два часа назад уехали, — промямлил майор.

Несколько минут все стояли переглядываясь. Потом Кудыкин сказал Роману Андреевичу:

— Помнишь, мы как ложную стрелку обратно проезжали, слышали стрельбу где-то вдали? Ты понимаешь, что это была за стрельба?

— Ай да Ломакин, — сказал Роман Андреевич. — Ай да сукин сын. Устроил нам четырехдневную экскурсию за два часа.

— Майор, — жестко сказал Кудыкин. — Две роты охраны на бронепоезд. Грузить полный комплект патронов и фугасы к пушке. Не только накажу бандитское отродье, но, может быть, даже нам самим помогу!

— Не стоит, полковник, — сказал вдруг Роман Андреевич. — Там сейчас все, наверное, в этих самых, темпоральных аномалиях. Поедешь в одном место, а приедешь в другое.

Он посмотрел на Марину и добавил:

— Дай нам вчерашним пройти своей дорогой до конца. Ведь мы справились. А значит, не нужно нам никаких послаблений. Не нужен легкий запасной путь.